

Восточный архив

№ 2 (32), 2015

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____
Объем 12,0 п. л.
Отпечатано на оборудовании ИВ РАН
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Кадырбаев А.Ш. Русская Америка или Русский Дальний Восток?	4
Лещенко Н.Ф. Посол с погонами адмирала. Необычная судьба Е.В. Путятина (1804–1883)	7
Зайцев И.В. Рукописи и шпионаж. Французский востоковед Амеде Жобер в России	12
Васильев А.Д. Амударьинская флотилия и её роль в истории Центральной Азии	14
Шмидт Валдемар. Немецкие колонии Палестины	17
Каздагли Нежмеддин. Тунисско-российские отношения в период французского протектората в Тунисе	26
Прожогина С.В. Марокко в начале XX века глазами французов	30
Беляков В.В. Крейсер «Пересвет» и его команда	44
Крылова Н.Л. Валентина Рыкова: страницы бизертской юности	51
Кончак Изабела. Письма профессора Тадеуша Ковальского академику Игнатию Крачковскому	60
Семенченко Н.А. Контакты между СССР и Израилем в конце 1960-х – начале 1970-х гг.	67
Эминов Р.Р. Материалы Государственного Дворца и музея тюрко-татарской культуры (1917–1944) как источник по истории и этнографии крымских татар	75
Гибатдинов М.М., Усманова Д.М., Усманова Л.Р. Изучение тюрко-татарских материалов архива урало-алтайских языков университета Симанэ (Япония)	84
Черникова Л.П. Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии. О монографии Ларисы Усмановой	90
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 2 (32), 2015

CONTENTS

Editor's notes	3
Kadyrbaev, Alexander. Russian America or Russian Far East?	4
Leschenko, Nelly. The Ambassador with Admiral's shoulder-straps. Unusual destiny of Evphimiy Putyatin	7
Zaytsev, Ilya. Manuscripts and espionage. French orientalist Amédée Jaubert in Russia	12
Vassilyev, Alexander. Amu-Darya river fleet and its role in history of Central Asia	14
Schmidt, Waldemar. German colonies in Palestine	17
Kazdagli, Negmeddin. Tunisian-Russian relations during French protectorate in Tunis	26
Prozhoguina, Svetlana. Morocco at the beginning of XX century by French eyes	30
Belyakov, Vladimir. Russian cruiser "Peresvet" and its crew	44
Krylova, Natalia. Youth years of Valentine Rykova in Bizerta	51
Konczak Isabela. Letters of Prof. Tadeusz Kowalski to Prof. Ignatiy Krachkovskiy	60
Semenchenko, Nina. Contacts between the USSR and Israel during late 1960-s and beginning of 1970-s	67
Eminov, Rustem. Archive of the State Palace and Museum of Turco-Tatar culture (1917–1944) as a source of history and ethnography of Crimean Tatars	75
Gibatdinov, Marat; Usmanova, Dilyara and Usmanova, Larisa. A study of Turco-Tatar documents kept in archive of Ural-Altay languages at the University of Symane (Japan)	84
Chernikova, Larisa. Turco-Tatar diaspora in North-East Asia. On a book by Larisa Usmanova	90
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива», как и предыдущий, отличает обилие и разнообразие статей. Похоже, большинство наших авторов прислушалось к пожеланиям редакции готовить преимущественно небольшие по объёму материалы. Нас это радует, и я уверен, что порадует и читателей.

Ну, а что касается тематики статей, то она традиционна. Более всего материалов на тему «Россия и Восток» (А.Ш. Кадырбаев, Н.Ф. Лещенко, А.Д. Васильев, В.В. Беляков, Нежмеддин Каздагли, Н.Л. Крылова, Н.А. Семенченко). География широка: от Японии до Туниса, с остановками в Центральной Азии, Израиле и Египте. Не остались, как обычно, без внимания и востоковеды. Им посвящены статьи И.В. Зайцева (его герой – знаменитый француз Амеде Жобер, побывавший и в России) и Изабелы Кончак, проанализировавшей переписку уже российской знаменитости, академика И.Ю. Крачковского, с польским профессором Тадеушем Ковальским.

Практически все номера журнала содержат обзоры архивных фондов. Нынешний номер – не исключение. Р.Р. Эминов даёт характеристику обнаруженным недавно инвентарным книгам Государственного Дворца и музея тюрко-татарской культуры (1917–1944) в Бахчисарае, а М.М. Гибатдинов, Д.М. Усманова и Л.Р. Усманова – коллекции тюрко-татарских материалов, хранящихся в архиве урало-алтайских языков университета префектуры Симанэ (Япония).

Есть в нынешнем номере «Восточного архива» и статьи, выходящие за рамки традиционной тематики журнала. Так, С.В. Прожогина знакомит читателей с обстановкой в Марокко в начале XX в., как её увидели и описали французские литераторы. А Л.П. Черникова подготовила рецензию на монографию Ларисы Усмановой «Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии», опубликованную в Японии на английском языке. Монография написана на основе архивных материалов, обнаруженных автором в Японии.

Примечательной чертой нынешнего номера журнала является тот факт, что в нём впервые опубликованы статьи сразу трёх зарубежных коллег. Причём если тунисец Нежмеддин Каздагли, учившийся когда-то в нашей стране, уже публиковал свои материалы в «Восточном архиве», а Изабелу Кончак (Польша) мы знаем по участию в недавней конференции «Архивное востоковедение», то Вальдемар Шмидт из Германии, познакомившись с нашим журналом на сайте Института востоковедения РАН, пришёл к выводу, что он подходит для публикации его небольшого исследования «Немецкие колонии Палестины». Редколлегия приветствует эту инициативу и ещё раз подтверждает, что открыта для сотрудничества с коллегами из любой части земного шара.

Не могу не сообщить ещё одну приятную новость. В серии «Библиотека журнала «Восточный архив»», издаваемой Институтом востоковедения РАН с 2013 г., вышла новая книга – моя монография «Сфинксы над Невой. Египет в русской культуре». Напомню, что в этой серии публикуются небольшие (до 10 а.л.) монографии и сборники документов, и прошу авторов журнала не забывать об этом.

Прошу также не забывать о том, что мы восстановили в правах букву «ё». Таково требование современных норм литературного языка.

На этом я и завершаю обзор очередного номера журнала. Желаю авторам и читателям «Восточного архива» замечательных находок. До встречи в следующем году!

В.В. Беляков

А.Ш. Кадырбаев

РУССКАЯ АМЕРИКА ИЛИ РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК?

К вопросу о приоритетах российской политики в середине XIX века

В середине XIX в. ситуация на землях, прилегающих к северной части Тихого океана и находящихся в сфере интересов Российской империи, а именно в Приамурье, на Сахалине и Камчатке, осложнялась попыткой проникновения туда американских торговцев. Об этом сообщал с борта парохода «Америка» направлявшийся в Бохайский (Чжилийский) залив к берегам Китая во главе российского посольства в своём очередном рапорте великому князю Константину Николаевичу Романову, военно-морскому министру России и брату императора Всероссийского Александра II, граф и адмирал Путятин: «В теперешнее время стоят на рейде 5 судов Соединенных Штатов, и некоторым поселившимся здесь американцам удалось в несколько месяцев сделать торговых оборотов с лишком на 50 тыс. рублей серебром, а в прошедшем году было вывезено в разные места более 13 тыс. соболей. Это показывает, до каких размеров может дойти впоследствии здешняя торговля; но только следует всеми мерами удержать её в руках русских и никак не передавать американцам. Если будет дозволено гражданам Соединенных Штатов заводить на свой счёт пароходы для плавания по Амуру и вести прямой торг с туземцами, то неизбежным следствием сего будет подрыв только что возникающей торговли русских купцов и сбыта нашей мануфактуры. Кроме того, постоянное водворение американцев в здешнем краю с заведением всякого рода устройств для кораблестроения и торговли будет поводом к частым столкновениям с их правительством, в случае требования вознаграждений, которые американские купцы, по обычной их недобросовестности, не преминут предъявить при малейшем предложении. Допустив их единожды плавать по Амуру, не представится уже более возможности от-

нять у них это право; т.к. часть берегов Амура останется у китайцев и они всегда могут плавать у оных, или пройти все побочные реки, вытекающие из Манчжурии. Подобные действия американцев можно видеть по всему матерiku Центральной и Южной Америки, и примеры этого достаточно показывают – какую осторожность следует наблюдать при дозволении их приобретать какие-либо права внутри других государств...»¹.

Возможно, Путятин имеет здесь в виду американскую внешнеполитическую доктрину Монро, суть которой выражена словами «Америка для американцев», т.е. весь Американский континент – для североамериканцев из Соединенных Штатов. Это вызывало его справедливые опасения по поводу возможности распространения действия упомянутой доктрины и на российский Дальний Восток: «... разве не представляется в этом отношении (в смысле угрозы России. – *Авт.*) гораздо больше опасности именно со стороны Востока (в географическом смысле, т.е. со стороны Соединенных Штатов. – *Авт.*), если англичане и американцы утвердятся на берегах Амура. Они без сомнения покусятся на завладение им, в случае неудачи России, зная, как важно для неё обладание этим путём соединения Восточного края её с Тихим океаном... С берегов Амура им нетрудно будет проникнуть в Забайкальский край с революционным знаменем в руках. Легко представить себе последствия такого события, неизбежного в самом деле, если по излишней снисходительности к китайцам мы не успеем выговорить себе безусловного владения всем левым берегом Амура...»².

Поэтому одной из главных задач, стоявших перед посольством адмирала Путаева ко двору императора Китая, являлось при-

знание со стороны китайцев Амура как части России, в качестве её внутренней реки, международное судоходство на которой было бы невозможно без разрешения властей Российской империи. На фоне проникновения на Амур американцев Путятин вынужден был торопиться, поскольку успех его замыслов прежде всего зависел от оперативности его действий.

Здесь интересно отметить прозорливость Путятина относительно американцев, которые тогда были в дружеских отношениях с Россией. Они поддержали её в Крымской войне, заняв антианглийские позиции. За это русские отплатили им тем же через несколько лет. Во время гражданской войны в Соединенных Штатах позиция Российской империи в определённой мере предотвратила угрозу открытого вооружённого вмешательства Великобритании на стороне сепаратистов-южан. Тогда российские военные корабли посетили с визитом Нью-Йорк и Сан-Франциско, продемонстрировав солидарность с американским народом и его законным правительством во главе с президентом А. Линкольном. А вскоре последовала продажа Россией Соединённым Штатам за бесценок Русской Америки – Аляски, части Калифорнии и Алеутских островов.

Вопрос о судьбе Русской Америки встал на повестку дня в начале 1850-х годов. К сожалению, приходится констатировать, что инициатива о продаже этих территорий исходила от генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва, который весной 1853 г. подал императору Николаю I записку, где подробно изложил свои взгляды на данную проблему. Он указывал, что «владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так естественно... и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придётся им уступить североамериканские владения наши». Удел России, по мысли Муравьёва, – господство на «азиатском побережье Восточного (Тихого. – *Авт.*) океана», т.е. в Приамурье, Уссурийском крае, на Сахалине и Камчатке. Здесь она сталкивается с английским влиянием,

«но дело это ещё может поправиться тесной связью нашей с Северо-Американскими Штатами»³. Таким образом, в отличие от Путятина Муравьёв питал определённые иллюзии в отношении американцев как союзников на длительную перспективу. К точке зрения генерал-губернатора Восточной Сибири склонился великий князь К.Н. Романов, когда в 1857 г. в обстановке «совершенной секретности» в правящих кругах Российской империи обсуждался этот вопрос. При этом ведомство А.М. Горчакова – министерство иностранных дел России – «вполне разделяло» мнения великого князя и генерал-губернатора Восточной Сибири. Первоначально предполагалось ограничить эту уступку «... одними землями, в Северной Америке находящимися... Алеутские и Курильские острова могли бы остаться во владении России...»⁴.

Первые лица Государства Российского понимали, что России тогда было трудно одновременно осваивать Приамурье с Уссурийским краем и удерживать во владении России малонаселённую русскими Русскую Америку. Этому мешало, помимо нарастающего давления Великобритании и Северо-Американских Соединённых Штатов, существование обширных географических пространств, столь удалённых от основных центров империи и отделённых от неё водными пространствами Тихого океана, где было незначительно российское военно-морское присутствие. Тем более что после поражения в Крымской войне Россия в целом, а её военно-морской флот в частности, были сильно ослаблены. Перед российскими политиками вставал вопрос: что важнее для империи – Камчатка с Сахалином, Приамурье и Уссурийским краем или Русская Америка? Поэтому в этой ситуации в высшем эшелоне власти Российской империи возобладало мнение о концентрации усилий государства на одном приоритетном направлении, на присоединении и освоении Приамурья и Уссурийского края, Сахалина, укрепления позиций на Камчатке. Это, вероятно, и явилось одной из главных причин, обусловивших сдачу Россией позднее, в

1860-х годах, её позиций на Американском континенте⁵.

Но Путятин уже тогда не заблуждался относительно намерений американцев. Он предвидел ситуацию на много лет вперёд и понимал, что в политике нет постоянных друзей, а есть национальные государственные интересы России, исходя из которых он и действовал. Вместе с тем Путятин был не против использовать американские технические достижения: «Считаю долгом представить Вашему Императорскому Высочеству о необходимости приобрести в Соединенных Штатах для успешного заселения (Амурского. – *Авт.*) края ещё несколько пароходов, подобных пароходам Америка, Амур и Лена, и грузовых клиперных шхун, что послужит к развитию в высшей степени промышленности... Для предупреждения, как со стороны англичан, так и американцев, притязаний на уступку японцами угольных копей на Сахалине, я счёл нужным предложить господину контр-адмиралу Казакевичу – отправить со мною на пароходе господина лейтенанта Рудановского с 15 человеками нижних чинов для занятия поста в южной части сего острова. Известно, что японские заселения не доходят 48 градусов северной широты, и на этой параллели по узкости перешейка, не занимающего более 20 вёрст от одного берега до другого, будет весьма удобно обозначить границу. Такое разграничение, оставляющее за нами все открытия месторождения каменного угля, будет выгодным для нас и вместе с тем справедливым в отношении к японцам. Устройство этого поста утвердит за нами право первого заселения в этом диком краю и покажет японцам и другим нациям намерение Российского правительства удержать за собою всё пространство, лежащее на севере от означенной параллели. В предстоящем нам пути я намерен зайти и осмотреть все подробности как открытый нами порт Посьета, так и другие близлежащие порта, описанные английскою эскадрою в 1855 г., и мнение об оных сообщу г. контр-адмиралу Казакевичу... Генерал-адъютант, граф Путятин. Июля 1/13 1857 г., пароход “Америка”»⁶.

Как видно из данного документа, американцы с англичанами стремились проникнуть не только в Приамурье, но и на Сахалин, пытаясь перехватить инициативу у русских и завладеть угольными месторождениями на острове, на которые претендовала Россия. В конечном итоге, благодаря оперативным действиям Путятина они перешли под российский контроль. Причём ему пришлось иметь дело и с японцами, претендовавшими, по меньшей мере, на южный Сахалин. Их также удалось опередить, хотя затем на какое-то время Сахалин стал совместным владением России и Японии. Чтобы понять важность этого, достаточно напомнить, что в те времена уголь играл роль нефти в современном мире как основного энергоносителя. Поэтому аппетиты американцев не ограничивались только Русской Америкой, и русским пришлось приложить немало усилий, чтобы Русский Дальний Восток – Приамурье, Уссурийский край, остров Сахалин и Камчатка – стали неотъемлемой частью великой России.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 30–31.

² Там же. Л. 449.

³ Там же. Л. 461–464.

⁴ Там же.

⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. СПб. Главный архив I–9. 1857–1868 гг. Д. 4, 13.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 461–464.

Н.Ф. Лещенко

ПОСОЛ С ПОГОНАМИ АДМИРАЛА

Необычная судьба Е.В. Путятин (1804–1883)

«Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией», – так начинается «Трактат о торговле и границах», заключённый между Россией и Японией 7 февраля 1855 г. в портовой деревушке Симода, в храме Тёракудзи. Завершился длительный и тернистый путь России к установлению дипломатических отношений с Японией, что было важно для обеспечения безопасности русских владений на Тихом океане. К тому же торговля с Японией была необходима для снабжения продовольствием населения Дальнего Востока. Главная заслуга в подписании этого важного для России договора принадлежит Ефимию Васильевичу Путятину, который возглавлял русское посольство¹.

Род Путятиных – один из старейших в России и восходит к XV веку. Отец Путятин, Василий Ефимович, был капитан-лейтенантом, мать, Елизавета Григорьевна – дочь генерал-майора. В детстве Е.В. Путятин рос болезненным ребёнком, никакого интереса к морскому делу не проявлял и собирался уйти в монастырь. Однако отец против воли сына отдал его в Морской кадетский корпус. Матросская работа на свежем воздухе помогла избавиться от хворей и закалила мальчика.

По результатам выпускных экзаменов Путятин оказался в числе лучших учеников, поэтому ему очень повезло с морской практикой – на бриге «Феникс» он отправился в Данию и Швецию вместе со своими друзьями П.С. Нахимовым и В.И. Далем, получив отличную флотскую выучку во время этого похода. В 1822 г. Путятину присвоили чин мичмана. Он получил назначение на фрегат «Крейсер», где служил под началом известного мореплавателя М.П. Лазарева. На борту этого фрегата Путятин совершил круго-

светное плавание, длившееся три года. Это была отличная морская практика, во время которой молодой мичман освоил навыки управления парусным судном и набрался опыта в морском деле. За это плавание он получил орден Св. Анны III степени.

В октябре 1827 г. Путятин участвовал в Наваринском сражении, удостоился ордена Св. Владимира IV степени с бантом за проявленную храбрость и был произведён в лейтенанты. Это сражение вошло в мировую морскую историю. Четыре часа эскадры России, Англии и Франции сражались против турецко-египетской флотилии, не потеряв ни одного корабля.

В 1832 г. адмирал М.П. Лазарев перевёл лейтенанта Е.В. Путятин на Черноморский флот. К этому времени он уже участвовал в 18 морских кампаниях, и у него была ещё одна награда – орден Св. Георгия IV степени. Его относили к «морякам лазаревской школы», характеризовали как человека, обладавшего умением «найтись в минуты опасности».

В 1841 г. Путятин временно оставляет службу на флоте, его направляют в Англию, чтобы закупить корабли для Черноморского флота. Находясь в Англии, он многое постиг в судостроении, в науке и технике Западной Европы. Там же он женился с высочайшего разрешения императора Николая I на дочери британского адмирала Ноульса, одного из высших чиновников английского военно-морского флота, человека весьма осведомлённого в области военно-морской политики Англии. Жена при крещении получила имя Марии Васильевны.

Е.В. Путятин известен и как опытный дипломат. В этом деле ему помогали личные качества: вера в успех, закалка морского офицера, твёрдость характера, широкая

эрудиция, а также знание иностранных языков.

В 1841–1842 гг. Е.В. Путятин во главе дипломатической миссии побывал в Персии, где по распоряжению Николая I вёл переговоры по вопросам торговли и рыбных промыслов на Каспийском море. Он сумел решить все поставленные перед ним задачи, добиться выгодных для России условий мореплавания на Каспийском море и отмены торговых ограничений для российских купцов. Кроме того, он настоял на установлении паромного сообщения между устьем Волги, Кавказом и Персией. За успешные переговоры Путятин получил чин контр-адмирала.

Кроме Персии, Путятин совершил дипломатические поездки в Голландию, Англию, побывал в Турции, Египте, где выполнил ряд важных поручений. Русское правительство по достоинству оценило заслуги Е.В. Путятина. В 1849 г. он был пожалован в свиту его императорского величества со званием генерал-адъютанта, в 1851 г. произведён в чин вице-адмирала².

10 июня 1843 г. Путятин, хорошо знакомый с активной деятельностью и намерениями англичан в Тихом океане, представил в Сибирский комитет докладную записку о снаряжении экспедиции в Китай и Японию. Он советовал отправить суда не в Нагасаки, а прямо в Эдо, политический центр страны, где жил сёгун и находилось правительство. Благодаря этому можно было избежать интриг голландцев (единственных европейцев, имевших право на торговлю с Японией) и вступить в непосредственные переговоры с правительством. Кроме того, Путятин предлагал поручить экспедиции проверить правильность выводов Лаперуза, Броутона, Крузенштерна, которые утверждали, что лиман и устье Амура недоступны для морских судов и что Сахалин является полуостровом, на западном берегу которого нет удобных гаваней. Он считал, что следует спешить с разрешением этих задач, пока русских не опередили англичане. Эта идея получила одобрение Николая I, и Путятин был назначен начальником экспедиции. Но про-

английски настроенный министр иностранных дел К.В. Нессельроде сумел убедить императора в нецелесообразности экспедиции, и её отложили до будущего года³.

Однако активизация деятельности Англии и США на Дальнем Востоке подвела русское правительство к необходимости принять меры к укреплению позиции России на Тихом океане, в частности, добиться открытия портов Китая и Японии для торговли. 24 апреля 1852 г. для обсуждения основных вопросов политики России был создан Особый комитет, члены которого рекомендовали правительству отправить экспедицию во главе с Путятиным, который владел иностранными языками, уже выезжал с рядом дипломатических миссий, заключал договора и поэтому мог считаться лучшим кандидатом для успешного выполнения столь важной задачи. Министерство иностранных дел подготовило для Путятина подробную инструкцию. Одной из главных задач посольства было решение вопроса о границах. С учётом важности этой посольской миссии Е.В. Путятину предписывалось не выходить из границ мирных и дружеских отношений, с уважением относиться к законам и обычаям Японии, сохраняя при этом честь и достоинство России. Тактику угроз и давления на японцев, в отличие от американцев, русские не использовали. Е.В. Путятин снабдили проектом договора, но МИД в дополнительной инструкции извещал, что он может его изменить или дополнить в зависимости от хода переговоров⁴.

Был учтён неудачный опыт предыдущего посольства Н.П. Резанова в Японию в 1803–1805 гг., когда в качестве переводчика выступал глава голландской фактории Х. Дёфф, что отрицательно сказалось на ходе переговоров. В этот раз в состав посольства Путятина был назначен капитан-лейтенант К.Н. Посьет, знавший голландский язык (официальный язык Японии при общении с иностранцами), а также чиновник Азиатского департамента МИД О.А. Гошкевич в качестве переводчика с китайского языка (позднее Гошкевич станет первым русским консулом в Японии). По совету

Посыета, дружившего с И.А. Гончаровым, писатель был включён в состав посольства в качестве секретаря Путятина. Он вёл путевые записки, опубликованные в 1858 г. под названием «Фрегат “Паллада”».

Русская эскадра в составе фрегата «Паллада», шхуны «Восток», корвета «Оливуца» и транспорта «Князь Меншиков» вошла в гавань Нагасаки в августе 1853 г. Японские власти были предупреждены голландцами о предстоящем прибытии русских. В тот же день на фрегат «Паллада» прибыли японские чиновники вместе с голландцами. Узнав, что о цели прибытия будет сообщено через письмо, адресованное губернатору, японцы спросили: «Зачем же с одним письмом прибыли четыре судна?». На что им отвечали, что «по важности посланного к ним лица». Письмо губернатору Нагасаки было вручено 13 августа 1853 г. Дождаться ответа пришлось долго, хотя в январе 1854 г. уполномоченные бакуфу (правительства) посетили иностранный, притом вооружённый, корабль русской делегации и от имени сёгуна подарили Путятину меч. И поскольку мечи запрещалось вывозить из страны, русские расценили этот подарок как хороший знак. Этот меч, невольный свидетель событий, в настоящее время хранится в Эрмитаже⁵.

Однако заключить тогда договор не удалось. Осенью 1853 г. началась Крымская война, и бакуфу, учитывая этот неблагоприятный для русских фактор, затягивало переговоры. Агрессивно вели себя англичане и французы, угрожая русскому Приморью. Нападению могло подвергнуться и российское посольство. Путятин осознавал, что надлежало быть готовым к столкновению с неприятелем в любое время. Принимая во внимание все эти обстоятельства, в январе 1854 г. Е.В. Путятин покинул Нагасаки, вернувшись в Японию в конце лета. Некоторое время пришлось потратить на поиск места для высадки, в итоге в декабре русская миссия высадилась в портовой деревушке Симода, которая к тому моменту была открыта для иностранцев (после подписания договора с США).

Ещё несколько месяцев пришлось потратить Путятину, чтобы устранить все препятствия на пути к заключению договора, который был подписан 7 февраля 1855 г. Текст Симодского трактата был составлен на четырёх языках – русском, японском, голландском и китайском. Подготовка текста велась на голландском языке, официальным считался текст на голландском языке. Перевод на русский язык был выполнен капитан-лейтенантом К.Н. Посыетом.

К сожалению, оригинал договора на русском языке не сохранился, он сгорел во время американских бомбардировок Токио в 1945 г.

Согласно Симодскому трактату, между Японией и Россией устанавливались дипломатические отношения. Бакуфу открывало для русских порты Нагасаки, Хакодате и Симода и разрешало пребывание русского консула в одном из них. Против этого долго возражали японские уполномоченные, но Е.В. Путятин указал, что без статьи о консульствах договор не может быть заключён. Граница на Курильских островах устанавливалась между островами Уруп и Итуруп, а о. Сахалин остался неразделённым. По мнению Е.В. Путятина, в тех критических для России условиях более выгодного договора добиться было нельзя. Руководитель Морского министерства Великий князь Константин писал министру иностранных дел А.М. Горчакову, что Путятин «выговорил весьма выгодный для нас договор, будучи сам в весьма трудных обстоятельствах, ибо находился в Японии во время войны и притом претерпев крушение»⁶.

К трудным обстоятельствам добавилось ещё одно. В декабре 1854 г. в порту Симода, где размещалась русская миссия, произошло сильное землетрясение, которое привело к гибели фрегата «Диана». Несмотря на сложности в русско-японских отношениях, в которых не последнюю роль играли интриги европейских держав, японцы сочувственно отнеслись к постигшему русских моряков несчастью. Путятин сообщал в Морское министерство о готовности японцев, которые сами сильно пострадали от землетрясения,

снабжать русских всем необходимым: «Устроившись окончательно в порте Хэда, мы получили много подарков от японского правительства, принявшего на свой счёт переезды и содержания наши в продолжение первых десяти дней нашего бедствия». Японская сторона помогала русским рабочей силой и необходимыми для постройки нового судна материалами. Помощь в строительстве русского судна обернулась для японцев счастливым случаем на практике познакомиться с европейской техникой судостроения.

14 апреля 1855 г. шхуна, названная в честь деревни Хэда, была спущена на воду. 28 апреля Путятин и часть команды покинули Японию. Постройка шхуны обошлась в 21 252 руб. 75 коп. серебром. Все расходы, понесённые японской стороной, были оплачены царским правительством⁷.

За подписание Симодского трактата Е.В. Путятину был пожалован титул графа, свидетельство об этом хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. На гербе Е.В. Путятина изображён щит, который поддерживает справа русский офицер с флагом чрезвычайного посольства, а слева – японский солдат. Под щитом на серебряной ленте девиз, написанный чёрными буквами: «Не Нам, а Имени Твоему»⁸.

При участии Е.В. Путятина были подписаны ещё два договора с Японией – в 1857 и 1858 гг. В 1858 г. был заключён выгодный для России Тяньцзиньский договор с Китаем, согласно которому расширялись права российских купцов в Китае и России предоставлялось право назначать консулов в открытые для российских торговых судов порты.

Японцы после введения у себя наградной системы также отметили заслуги Е.В. Путятина. В 1879 г. в Петербург пришло известие, что император Мэйдзи пожаловал Путятину Орден Восходящего Солнца первой степени. Этот орден был учреждён в Японии в 1875 г. и является одним из основных орденов, вручаемых за заслуги. Награда была вручена в 1881 г.⁹

В 1858–1861 гг. Путятин находился на военно-дипломатической работе в Париже и Лондоне, где состоял на почётной должности военно-морского агента (атташе) при российском посольстве.

Е.В. Путятин был озабочен проблемой усовершенствования преподавания в морских учебных заведениях, в 1859 г. в «Морском сборнике» была опубликована его статья «Соображения об устройстве морского воспитания в России на новых началах». В 1860 г. он подготовил «Проект преобразований морских учебных заведений с учреждением новой гимназии». Вероятно, по этой причине, без всякой инициативы с его стороны, в 1861 г. Путятин был неожиданно назначен императором на пост министра народного просвещения. Как человек, привыкший к дисциплине, он впервые организовал чёткий контроль за успеваемостью, введя зачётные книжки – матрикулы. 31 мая 1861 г. были утверждены правила, согласно которым посещение занятий студентами стало обязательным. Однако введённая правительством значительная по тем временам плата за обучение закрывала доступ в учебные заведения разночинной молодежи, что вызвало студенческие волнения в Петербурге, Москве и Казани. Из-за этого Путятин, взяв вину на себя, по собственной инициативе ушёл в отставку, прослужив всего 5 месяцев. За былые заслуги его сделали членом Государственного Совета и сохранили звание генерал-адъютанта, но фактически это была почётная отставка.

Официальные власти вспомнили о Путятине только раз, в 1877 г., в связи с 50-летием Наваринского сражения. Ему, единственному оставшемуся в живых герою сражения, была назначена небольшая ветеранская пенсия.

Так получилось, что умер Е.В. Путятин в Париже. Похоронен он, согласно завещанию, в Киево-Печерской лавре в Киеве – там же, где его супруга¹⁰.

19 октября 1883 г. «Кронштадтский вестник» напечатал краткий некролог: «Петербургские газеты принесли сегодня печальную весть о кончине члена Государст-

венного Совета, генерал-адъютанта, адмирала графа Ефимия Васильевича Путятина, скончавшегося в Париже 16 октября. Имя графа Ефимия Васильевича Путятина принадлежит истории России и русского флота». Один из близких друзей Путятина декабрист Д. Завалишин написал о нём: «Образцовый моряк, добрый человек и начальник, в высшей степени религиозный, покойный пользовался общей любовью сослуживцев».

В России имя Путятина увековечено лишь в географических названиях, памятника нет. В Японии в городе Хэда в Музее японо-советской дружбы можно увидеть большую экспозицию, посвящённую посольству Путятина. Буддийские монахи в Хэда ухаживают за могилами русских моряков, скончавшихся во время экспедиции. В мае 1994 г. в городе Фудзи на деньги японцев был воздвигнут памятник «Путятин и японские рыбаки» (скульптор О. Комов). Несмотря на все сложности в русско-японских отношениях на современном этапе, в апреле 2005 г. в Симода торжественно отметили 150-летие установления русско-японских дипломатических отношений. В честь этого знаменательного события была посажена сакура. Нашлись и потомки Ефимия Васильевича – из США в Симода приезжала Марина Путятина.

Примечания

¹ Собрание действующих договоров, заключённых Россией с иностранными державами. Одесса, 1890. С. 731. Переговоры шли в храме Фукусэндзи, но подписание состоялось в храме Тёракудзи. См.: Нихон кинсэй дзиммэй дзитэн (Биографический словарь. Период Кинсэй). Токио, 2005. С. 870.

² Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. 15. С. 162–164; Нихон кинсэй дзиммэй дзитэн. С. 270, 393, 630, 869–870, 1047.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив. I–I. Оп. 781. Д. 153. Л. 43–47.

⁴ Там же. Д. 162. Л. 48.

⁵ АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив. I–9. Д. 17. Ч. 2. Л. 107–110.

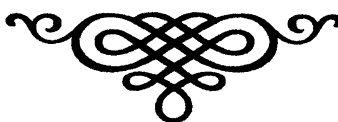
⁶ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960. С. 169.

⁷ А.К. Построение шхуны Хэда // Морской сборник. СПб., 1856. № 8.

⁸ Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 388. Ед. хр. 295. Л. 1–13.

⁹ Леценко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 2010. С. 268.

¹⁰ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 87–89.

И.В. Зайцев

РУКОПИСИ И ШПИОНАЖ

Французский востоковед Амеде Жобер в России

Имя французского дипломата, ориенталиста, переводчика и путешественника шевалье¹ Пьера Амеде Эмилиана Проба Жобера (Pierre-Amédée-Émilien-Probe Jaubert; 1779–1847) хорошо известно всем, кто занимается историей Ближнего Востока. Во французском и мировом востоковедении он оставил весьма заметный след. Жизнь его представляет собой замечательный сплав практической деятельности дипломата, путешественника, разведчика и учёного-языковеда.

Будучи учеником великого Сильвестра де Саси (Silvestre de Sacy, 1758–1838), Жобер блестяще владел тремя классическими мусульманскими языками. В должности первого секретаря и переводчика Наполеона I он принимал активное участие в египетской экспедиции (1798–1799), в частности, переводил воззвания императора на арабский язык. Потом Жобер служил дипломатическим агентом в Османской империи и Иране. В 1810 г. он был назначен статс-секретарём Государственного совета Франции. С 1838 г. был профессором персидского языка и литературы в College de France и директором Школы восточных языков (l'École des langues orientales). Жобер являлся одним из основателей Географического и Азиатского обществ Франции. Во время Июльской монархии был пэром Франции (1841 г.). Основательное знакомство с языками Ближнего Востока нашло отражение в его трудах и переводах – «*Eléments de la grammaire turque*» (1834 г.); перевод географии ал-Идриси; редакционная работа над французско-берберским словарём («*Dictionnaire français-berbère*», 1844 г.). В 1821 г. Жобер опубликовал описание своих странствий по землям Османской империи и Ирана («*Voyage en Arménie et en Perse*», 2-е изд. 1860 г.).

В 1819 г. Жобер побывал в Крыму. Итогом этой поездки стал парижский список анонимной Истории крымских ханов, который был приобретён шевалье на полуострове и хранится ныне в парижской Национальной библиотеке Франции (BNF, Supplément Turc 515). По парижскому списку Жобером и Казимирским был выполнен и опубликован французский перевод истории². Это уникальное сочинение представляет собой краткую историю крымских ханов от Менгли-Гирея I до Шахин-Гирея. Хроника начинается с описания вторичного восшествия на престол Менгли-Гирея в 883/1478 г. и заканчивается правлением Шахин-Гирея (1777–1783). Сочинение даёт краткие сведения о ханах: год восшествия на престол, указание на то, кто был при нём калгой, число детей, срок правления, год смерти, количество прожитых лет и наиболее значительные события царствования (походы и т.д.)³.

Возможно, что по пути в Крым Жобер останавливался в Варшаве. На помощь нам приходит ещё одна рукопись, на этот раз из собрания Российской государственной библиотеки. Там хранится список поэмы Абд ар-Рахмана Джами «Юсуф и Зулейха». Список выполнен в 966/1558 г. в местечке Зараск провинции Джам (т. е. почти на родине Джами) в Иране и снабжён 10 великолепными миниатюрами ширазского стиля XVI в. До того, как попасть в собрание Румянцевской библиотеки, рукопись принадлежала польскому графу Станиславу Замойскому, который купил её (согласно записи на самом манускрипте, датированной 9 апреля 1808 г.) у секретаря английской миссии в Константинополе. В одной из записей на французском языке на вклеенных в рукописях листах Замойский пишет, что в 1818 г. никто иной как Жобер, будучи проездом в Варшаве, сообщил Замойскому некоторые

детали о манускрипте, в частности, неправильно датировав его 1459 годом⁴.

Словом, известные сведения рисуют нам образ почтенного учёного-ориенталиста и государственного мужа. Тем интереснее документ, который касается деятельности Жобера в Закавказье в 1805 г. Это письмо генерала П.Д. Цицианова⁵ о поимке француза.

«Получено 21 октября 1805.

Саратовского мушкетёрского полка шефу господину генерал-майору и кавалеру Несветаеву⁶.

Сей час получил я новое подтверждение от министра нашего в Константинополе господина Италинского⁷, что действительно французский емисар Жуберт, о коем Ваше превосходительство уже известны, отправясь из Константинополя в Париж, не явился на границе, а вместо того, остановясь в Варне, переоделся там в длинное турецкое платье и тайно отправился оттоле в лодке к Синапу или другой какой удобной пристани. Я же мало надеюсь на Джапар Кули-хана⁸, чтоб он мог его поймать, ибо он сам трус и люди его так же трусы, а для того нужно принять свои меры, а именно: выберите, Ваше превосходительство, несколько человек верных, во всём надежных и хорошо вооружённых армян, и их под видом купцов, так как они здесь всегда ездят с оружием, отправьте проехать по дороге до самого Баязета⁹ и в других местах, где только можно ожидать, что сей француз проедет и везде об нём скрытно разведать, только армяне по глупости своей будут искать его в французском кафтане и с волосами, а сей – в длинном турецком платье и в чалме, которой перед ними не снимет и не покажет своих волос. Следовательно, им должно о сём хорошо рапортовать. Между прочим, уверьте их от имени моего, что естли они его поймают и привезут ко мне, то им будет дано за то 2 000 рублей серебром.

Генерал от инфантерии

Цицианов

№ 755-й

Елисаветополь

Октября 16 дня 1805 года»¹⁰.

Жобера не поймали. Ловкость ли француза, или же (как писал Цицианов) «глупость» армян была тому причиной, мы не знаем. Случись это, мы бы наверняка лишились всего того, что он написал впоследствии. Любопытно, что эпизод 1805 г. не помешал, как мы видели, Жоберу вернуться потом в Россию и обогатить наши знания об истории Крыма.

Примечания

¹ Младший дворянский титул во Франции для обозначения принадлежности к высшему сословию. Так именовали младших сыновей в дворянских семьях – в том случае, если эти лица не имели иного титула. Жобер получил его в 1808 г.

² Précis de l'histoire des khans de Crimée depuis l'an 880 jusqu'à l'an 1198 de l'hégire (traduit du turc par M.M. Kazimirski, revu par Am. Jaubert) // Nouveau Journal Asiatique. P., 1833. Т. XII. P. 349–380, 428–458.

³ В оригинальном тексте эта хроника, сохранившаяся в трёх списках, никогда не издавалась. Труд является самостоятельным произведением: это не извлечения из сочинения Сейида Мухаммеда Ризы, как считали авторы французского перевода. См. подробнее: *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 139.

⁴ Пригарина Н., Аверьянов Ю. Ускользающая красота Юсуфа // Восточная коллекция. 2003. № 3 (14). С. 24–26.

⁵ Цицианов (Цицишвили) Павел Дмитриевич (1754–1806) – российский военачальник грузинского происхождения, генерал от инфантерии.

⁶ Несветаев Петр Данилович (?–1808), русский военачальник, генерал-майор.

⁷ Италинский Андрей Яковлевич (1743–1827) – русский дипломат, археолог и востоковед. С 1801 по 1817 г. – посол в Стамбуле.

⁸ Джафар-Кули-Ага Джеваншир (1787–1866), после смерти отца, Мамед-Гасана-аги Джеваншира 10 ноября 1805 г., был признан русским правительством наследником Карабаха.

⁹ Османская крепость на северо-востоке Турции (ныне город Догубаязит).

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1053 (Н.Ф. Романченко). Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 1–1об.

А.Д. Васильев

АМУДАРЬИНСКАЯ ФЛОТИЛИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вторая половина XIX – начало XX в.*

Одним из малоизученных эпизодов российского освоения Центральной Азии является создание и деятельность Амударьинской флотилии. Являясь неотъемлемой частью российских военно-морских сил в бассейне Аральского моря, флотилия в 1850-е – 1870-е гг. была одним из инструментов обеспечения российских интересов в крае и его всестороннего научного изучения. Хотя условия судоходства по Амударье, как отмечали российские исследователи ещё в XIX в., были крайне неблагоприятными для пароходов того времени, близость Афганистана и пограничный характер реки на некоторых её участках между Хивой, туркменскими племенами и Бухарским эмиратом определили геостратегическую важность этой реки¹.

Во время революции и гражданской войны в Туркестане одним из центров борьбы с белым движением стал Чарджуй, бывший важнейшим узлом сообщения. В нём находился железнодорожный мост через р. Аму, связывающий Закаспий с Туркестаном, и водный путь в Хиву. Там же располагалась основная стоянка и штаб Амударьинской флотилии, которую современники обвиняли в чрезмерных революционных настроениях. По мнению одного из непосредственных участников гражданской войны в Средней Азии Б.Н. Литвинова, Амударьинская речная военная флотилия, созданная из наиболее слабых частей русского военного флота, была всегда склонна к революции. Её личный состав едва сдерживался от революционных выступлений усилиями карательного отряда № 6, которым командовал сам Б.Н. Литвинов². Именно моряки на Аму-

дарьинских пароходах сыграли существенную роль в установлении советской власти в Чарджуе.

Причиной такой подверженности распространению и влиянию революционных идей в среде моряков на Амударье стало отсутствие чёткого ведомственного подчинения и руководства флотилии. В силу особенностей организации российской администрации в Центральной Азии до сего времени не имелось чёткого указания на ведомственную подчинённость флотилии. В то время, как Туркестанский край подчинялся Военному министерству³, флотилия должна была подчиняться Морскому министерству. Однако снабжение флотилии всем необходимым организовывало Военное министерство. Приводимый ниже документ демонстрирует перипетии правового статуса Амударьинской флотилии.

Справка по исторической части об Амударьинской флотилии

Когда передовые отряды русских войск заняли низовья реки Сырдарьи в 1852 г.⁴ и наши пределы пододвинулись вплотную к границам Хивы и Коканда, было решено для дальнейшего продвижения вперёд использовать Сырдарью как наиудобнейший путь для передвижения вглубь. С этой целью в 1853 г. военным ведомством была начата постройка пароходов, которые были в разобранном виде доставлены к берегам Сырдарьи и здесь собраны средствами временных мастерских⁵.

Портом был избран Казалинск⁶. В 60-х и 70-х гг. был построен ряд пароходов и грузоподъёмных барж для нужд военного ведомства для Аральского моря. До 1880 г. весь личный состав флотилии комплекто-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 15-31-12022.

вался из сухопутных частей и вольнонаёмных лиц, причём флотилия состояла в полном ведении военного ведомства.

В 1880 г. по просьбе военного ведомства в связи с увеличением штатов Аральской флотилии Морское министерство командировало нескольких офицеров флота и инженер-механиков для службы на судах флотилии.

Главной целью существования флотилии было военное обслуживание р. Амударьи для воспрепятствования переправы туркмен и других племён для набегов на подвластных России киргизов, а также снабжение военных постов необходимыми припасами и материалами, т.е. перевозка военных грузов⁷.

Трудность технического оборудования флотилии и ряд неудач с судами, мало приспособленными для плавания в мелководных реках, привели Военное министерство в 1880 г. к осознанию необходимости упразднения Аральской флотилии как предприятия слишком дорогостоящего и не оправдывающего возложенных надежд. Было решено самую флотилию упразднить, а средства её употребить на поддержку частных пароходных предприятий. В 1882 г. военное ведомство признало бесполезным дальнейшее существование флотилии и, по всеподданнейшему докладу, Государь Император 26-го января 1883 г. повелел Аральскую флотилию упразднить. За этот период, как указано выше, роль Морского министерства сводилась к оказанию военному ведомству помощи в назначении от себя на суда флотилии части личного состава, а также в содействии гидрографическим работам по изучению рек и Аральского моря.

В 1885 г. в связи с возникшими вопросами об упрочении нашего влияния в Средней Азии было решено начать постройку железной дороги, которая связывала реку Волгу, Каспийское море с Амударьёй⁸. Строивший эту дорогу генерал Анненков⁹ возбудил вопрос о необходимости заведения для р. Амударьи военной флотилии как для нужд военного оборонительного значения, так и для доставки необходимых грузов и материалов. В 1886 г. по заказу Военного

министерства были выстроены на заводе Бутц¹⁰ в Санкт-Петербурге два парохода и две баржи. Опыт Аральской флотилии заставил военное ведомство, во избежание прежних ошибок, озаботиться одновременно и обеспечением флотилии личным составом. В ноябре 1887 г. по докладу Военного Совета был высочайше утверждён штат Амударьинской флотилии, причём военный министр просил Управляющего Морским министерством о назначении согласно штату на должности командиров и офицеров судов – офицеров флота и штурманов, а также нижних чинов (унтер-офицеров, машинистов и рулевых).

Личный состав был дан, причём все расходы по отправлению, командировке и содержанию его были возложены на Военное министерство. Что же касается самой флотилии, её оборудования, содержания, ремонта и т.п., то все средства для этого давало военное ведомство.

Из переписки военного министра с Управляющим Морским министерством с 1887 по 1893 г. явствует, что всё это время Амударьинская флотилия считается «ручной» флотилией военного ведомства, и Морское министерство, откомандировав от себя офицеров флота на её суда, или должно было зачислять их по адмиралтейству, или переводить на службу военно-сухопутного ведомства. Последнее послужило причиной отказа многих офицеров флота от службы в Амударьинской флотилии, и которых пришлось замещать лицами по вольному найму из отставных моряков, штурманов и сухопутных офицеров, знакомых с речной службой.

Согласно временному положению об Амударьинской флотилии 1888 г., разработанному военным и морским ведомствами совместно, было принято считать суда этой флотилии военными (принадлежащими военному ведомству. – *А.В.*), причём суда плавали под командой флотских офицеров и носили военный флаг. В 1893 г. военное ведомство нашло, что при таком положении вещей создаётся некоторая двойственность подчинения флотилии. Личный состав считает себя принадлежащим к Морскому ми-

нистерству, а суда и материальная часть – к Военному. Поэтому военный министр в письме Управляющему Морским министерством в 1893 г. сообщил, что временное положение о флотилии подвергнуто пересмотру и изменено в том смысле, что суда флотилии, составляющие речную флотилию военного ведомства, должны находиться в исключительном распоряжении Военного министерства, от которого зависит определять на должности начальника флотилии, командиров судов и их помощников-офицеров, находящихся в запасе или отставке, и даже лиц не офицерского звания, как тех, так и других по вольному найму. Несколько спустя по той же причине окончательной передачи флотилии в распоряжение военного ведомства были установлены и специальные флаги для Туркестанского Генерал-губернатора на случай посещения судов флотилии, а также и флаг Военного министра.

Из дел Морского министерства за 1890–1896 гг. видно, что управление Туркестанского округа неоднократно обращалось в Морское министерство с просьбой оказать содействие по заготовлению различных материалов для флотилии, как то: тросов, блоков, манометров, парусины, якорей, фонарей и пр. Всё это изготовлялось Отделом заготовлений и отправлялось на Амударью, причём все расходы несло военное ведомство.

Что же касается вопросов постройки судов, их ремонта, эксплуатации, то этим ведало исключительно военное ведомство, приглашая иногда к разрешению очередных вопросов экспертов морского ведомства.

Новиков

«...» мая 1911 года¹¹

Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5752. Л. 24–27. Машинописная копия.

Примечания

¹ Губаревич-Радобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнитель-

ного исследования двух систем протектората. СПб., 1905. С. 115–117.

² Об этом, в частности, упоминает командовавший Закаспийским фронтом белых Б.Н. Литвинов. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р6557. Д. 17. Л. 1–3.

³ Более подробно о правовом статусе Туркестана см.: *Тухтаметов Ф.Т.* Правовое положение Туркестана в Российской империи. Уфа, 1999.

⁴ Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, собрал полковник А.Г. Серебренников. Т. 8. Ташкент, 1915. С. 144.

⁵ Первыми были собраны пароход «Перовский» и паровой баркас «Обручев» // *Лыма-рев В.И.* Алексей Иванович Бутаков. М.: Наука, 2006. С. 113–114.

⁶ Первые корабли флотилии собирались в укреплении Раимское, и лишь впоследствии основной базой флотилии стал Казалинск, расположение которого было удобнее для выхода в Аральское море.

⁷ *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатъев. М.: Квадрига, 2009. С. 44–63; *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М.: Наука, 1978. С. 300–315.

⁸ Более подробно о строительстве железной дороги в Бухару см.: *Антипин В.Н.* Закаспийская железная дорога, 1880–1898. Исторический очерк // Путеводитель по Туркестану и Средне-Азиатской железной дороге. СПб.: Изд. Министерств военного и путей сообщения, 1903.

⁹ Здесь имеется в виду генерал М.Н. Анненков (1835–1899) – заведующий передвижением войск по всем водным и железнодорожным путям (1875), член комитета по передвижению войск (1877), представитель военного ведомства в Министерстве путей сообщения (1884). В 1887 г. заведовал постройкой самаркандского участка Закаспийской железной дороги, а в 1888 г. стал её первым управляющим. Был удостоен наград за успешную постройку Закаспийской железной дороги и моста через Амударью // *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 17.

¹⁰ Также на заводе Добсен в Глазго. См.: *Губаревич-Радобыльский.* Указ. соч. С. 117.

¹¹ Личность автора документа и точная дата его составления не установлены.

Валдемар Шмидт

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ ПАЛЕСТИНЫ

Вопросы о причинах переселения из немецких земель в XIX в. широко освещены в исторической литературе, однако, несмотря на разработанность этой проблемы, имеется ряд моментов, которые требуют дополнительного исследования. В частности, это касается вопроса основания немецких колоний в Палестине и впоследствии – их роли в переселенческом движении в регион Восточной Африки. Этот процесс хронологически длился с 1890-х годов вплоть до 1910 г. Имеется ряд интересных фактов, которые свидетельствуют о том, что переселение в Восточную Африку из палестинских колоний оценивалось по-разному в среде палестинских колонистов.

В Германии в последней четверти XIX в. вновь поднялась волна переселенческих настроений. Кроме традиционных мест переселения важную роль играли новые территории, куда устремлялись немцы. Это были, прежде всего, страны нижнего течения Дуная и Передней Азии. В немецких колониях, возникших в Передней Азии, колонисты оставались гражданами немецких земель, то есть подданными Вюртемберга, Саксонии и Бадена.

Идея о возможности переселения немцев из земель Германии в регион Передней Азии принадлежала прусскому королю Фридриху Вильгельму IV (1795–1856). Став королём в 1840 г., он разработал новый курс во внешней политике Пруссии в связи с изменениями в Восточном вопросе – в этот период Османская империя потеряла своё влияние в Палестине и Сирии. Однако ситуация в самой Палестине была слишком нестабильной для переселения и организации немецких колоний, поскольку большая часть территории этой страны находилась в сложной экономической и политической ситуации.

В своё время также шла борьба за обладание этими землями между египетским

правителем Мухаммедом Али-пашой и турецким султаном, в результате чего в 1830-е годы территория Палестины и Сирии была завоёвана Египтом, что негативно сказалось на развитии политической ситуации в Османской империи. Победа восставшего Египта во главе с Мухаммедом Али и одновременно расширение французского влияния на Востоке (так называемое франко-египетское решение Восточного вопроса) вызвали озабоченность в дипломатических кругах Англии и России, а также в Вене и Берлине. Франция – единственная европейская держава, которая официально признала завоевание Палестины Египтом. Для того чтобы избежать острого конфликта с европейскими державами, Мухаммед Али проводил либеральную политику в отношении немусульманского населения, а также иностранцев, живших в Палестине. Захваченная территория находилась под управлением Египта в течение девяти лет, с 1831 по 1840 г.

Чтобы навести порядок в Палестине, египтяне провели ряд мероприятий по реорганизации управления этой территорией, которые нанесли удар по влиянию местных владетелей и позициям Османской империи. Палестина, попав под управление Египта, оказалась открытой для европейского проникновения. Ситуация в этом регионе не отвечала интересам европейских держав, в частности Пруссии и Англии, которые обращались к египетским властям с требованием прекратить вооружённый конфликт с Турцией. В связи с начавшимся кризисом, вызванным вторжением Египта в Палестину и Сирию, для Пруссии этот вопрос становится более актуальным. Надо отметить, что в период Восточного кризиса в 1830-х – начале 1840-х годов в европейских государствах имелись различные мнения относительно поддержки власти турецкого султана. Кроме

того, существовали различные проекты и требования по поводу контроля над Палестиной.

В связи с этим интересны высказывания графа Хельмута фон Мольтке¹, который был военным советником в армии Османской империи. В «Augsburger Allgemeine Zeitung» было опубликовано его высказывание, что «после упадка влияния Турции в Палестине можно будет на её территории создать христианское княжество Палестина»². Кроме того, Мольтке подчёркивал, что в решении этой проблемы важным является рассмотрение экономических и военно-стратегических аспектов, способствующих в дальнейшем созданию необходимого административного и военного аппарата на территории Палестины³.

Под натиском европейской политики Египет был вынужден покинуть территорию Палестины и Сирии, где была восстановлена власть Турции. В 1839 г. европейские державы пришли к мнению об оказании помощи Османской империи в её борьбе против Египта. Русский император Николай I предложил европейским державам идею о расчленении Османской империи. Это предложение было отвергнуто, хотя это и не означало, что Англия и Австрия не были согласны с мнением русской стороны, их в большей мере пугало возрастающее могущество Российской империи⁴. Вследствие отказа от предложения русского императора возникли определённые трения между бывшими союзниками. Когда турецкий султан в 1839–1841 гг. с помощью Англии и Австрии одержал победу над Египтом, европейские государства поставили в качестве цены за оказанную помощь условие, чтобы Турция признала европейские религиозные общины в Палестине и не ограничивала их в правах, а всячески содействовала их развитию. Для укрепления европейского влияния на Османскую империю в Лондоне 15 июля 1840 г. была подписана специальная конвенция представителями Англии, Австрии, Пруссии и России с Турцией, в результате чего Турция получала защиту этих европейских держав против Мухаммеда Али.

Создавшейся ситуацией воспользовался прусский король Фридрих Вильгельм IV, предложивший Англии заключить договор о создании немецко-английской епархии в Иерусалиме, что явилось бы первым шагом для проникновения в Палестину немецких миссионеров, а позже и переселенцев из германских земель.

Первоначально взгляды прусского короля на решение вопроса о Палестине были иными. Он стремился к тому, чтобы отобрать у Турции контроль над Святыми местами и установить совместный протекторат пяти европейских держав над Палестиной⁵. Это предложение было незамедлительно отклонено европейскими державами, Фридрих Вильгельм IV был вынужден пересмотреть свою позицию в отношении Палестины, но он надеялся осуществить свои планы в рамках прусско-английского договора.

Чтобы реализовать идею об организации совместной епархии с англиканской церковью, королю Пруссии нужно было прежде всего юридическое признание вновь организованных в Палестине протестантских общин со стороны Османской империи как чисто религиозных. Но это признание было возможно лишь в сотрудничестве с Англией, так как влияние Пруссии в этом регионе было ещё ограничено. В связи с этим в газете «Allgemeine Preußische Staats-Zeitung» была помещена статья министра культуры Пруссии Иоханна Альбрехта Фридриха Айхорна (1779–1856), в которой он дал разъяснения позиции короля в Восточном вопросе и подтвердил, что королевство Пруссия действительно ведёт переговоры с Лондоном через своего посла Христиана Бунзена (1791–1860)⁶.

Бунзен имел конкретную дипломатическую цель в Лондоне: обсуждение вопроса о судьбе протестантских общин в Палестине, юридической защите для иностранцев и их собственности, а также юридического признания протестантской церкви⁷. Кроме того, являясь доверенным лицом прусского короля, Бунзен дипломатическим путём должен был достичь союза с английским правительством и англиканской церковью по вопросу

создания совместной епархии в Иерусалиме. Английское правительство не совсем серьёзно воспринимало идею прусского короля, так как в предложении Пруссии затрагивались только вопросы чисто религиозного характера. Англию больше волновали политические последствия данного предложения. Однако она пошла на обсуждение этого вопроса, так как не хотела в конкурентной борьбе с Россией и Францией в этом регионе иметь ещё одного противника. Для Англии главным был вопрос, кто из европейских держав будет иметь господствующее влияние в Палестине и Сирии⁸.

Появление немецких колонистов в Палестине было обусловлено тем, что в королевстве Вюртемберг возникло религиозное общество темплеров⁹. Ситуация в Вюртемберге после наполеоновских войн характеризовалась кризисом, охватившим все сферы общественной жизни. В результате создалась благоприятная почва для развития и распространения мистико-религиозных учений, направленных на пересмотр церковных доктрин. В кругах пиетистов (протестантское движение против церковных догм) развились различные направления, что привело к прямому разрыву с Евангелическо-Лютеранской церковью, образованию сект, развитию сепаратистского движения. Этот конфликт всё более приобретал социально-политическую направленность. Переселение на Восток, в частности в Святую землю, по представлениям пиетистов, последователей учения теолога Й.А. Бенгеля (1687–1752), было единственной возможностью решения острых социально-экономических и политических проблем¹⁰.

Религиозное общество темплеров имело своё печатное издание «Die Süddeutsche Warte», основанное в 1845 г. На страницах этого издания целенаправленно проводилась идея о переселении членов общины в Святую землю. Одним из последователей этой идеи был соиздатель этого печатного органа Христоф Хоффманн¹¹ из Леонберга. В 1840-е – 1850-е гг. в Германии наблюдался процесс хозяйственного и экономического упадка, отразившийся в росте социальных противо-

речий. В политическом смысле это означало, что после поражения революции 1848–1849 гг. в Германии началась реакция. Королевство Вюртемберг было аграрным государством, поэтому неурожаи 1845 и 1847 гг., революционные события 1848–1849 гг. способствовали развитию экономического кризиса. В период с 1849 по 1855 г. около 70 тыс. человек, то есть около пяти процентов жителей королевства Вюртемберг, было готово к переселению¹².

С 1853 г. в Вюртемберге происходило дальнейшее развитие религиозного движения темплеров и рост в их среде переселенческих настроений в Палестину. В течение трёх лет экономическая ситуация была кризисной, что вело к постоянному удорожанию жизни. Предложения лидера темплеров Хоффманна об улучшении положения через проведение реформ общественного и религиозного порядка нашли отклик не только в кругах последователей этого религиозного движения, но также и в среде большей части населения Вюртемберга. К тому же это был год четырёхсотлетия со времени завоевания Константинополя турками. Поэтому не только в Вюртемберге, но и во многих христианских государствах вновь возник интерес к Иерусалиму как святому месту. Ещё в 1852 г. старший брат Хоффманна, Вильям, был одним из основателей организации в Берлине, получившей название «Иерусалимского союза».

В октябре 1853 г. Турция объявила войну России, а в начале 1854 г. в эту войну вступили Англия и Франция. Многие западные державы были уверены, что в скором времени господство Турции придёт к концу и что в любом случае Палестина будет освобождена от турецкого ига. По поводу этих событий Хоффманн в одной из статей, опубликованных в органе темплеров «Die Süddeutsche Warte», задаёт вопрос, кто будет наследником в Святой земле, и даёт ответ: «Никто, кроме народа Божьего»¹³.

В это время печатный орган темплеров организует широкую агитацию по переселению в Святую землю, что являлось главной целью в деятельности религиозной об-

щины. Интенсивная агитационная работа темплеров принесла определённые успехи в деле укрепления этого религиозного движения. Отклик на агитацию среди населения Вюртемберга объяснялся прежде всего хозяйственными трудностями, с которыми оно боролось, и обещание новым религиозным обществом более надёжного будущего в Палестине было привлекательным для обывателя.

24 августа 1854 г. в Людвигсбурге состоялось собрание последователей движения темплеров, где и произошло официальное образование «Общества для собирания народа Божьего в Иерусалиме»¹⁴. В этот период насчитывалось 8000 – 10 000 человек, желавших переселиться в Палестину¹⁵. Печатный орган темплеров писал, что собрание сформулировало конкретные требования к турецкому султану и высказало в своём решении желание организовать поселения в Палестине¹⁶. Однако в правящих кругах королевства Вюртемберг мало придавали значения этому решению собрания темплеров, так как думали, что речь идёт лишь о небесном Иерусалиме.

Движение темплеров развивалось и ширилось. В 1856 г. вблизи Марбаха на Некаре возникает Киршенхорд-Хоф, первая колония темплеров на территории королевства Вюртемберг, где последователи этой религиозной общины организуют два воспитательных учреждения. Киршенхорд-Хоф являлся центром общества темплеров до 1873 г.¹⁷

К 1858 г. общество темплеров собрало достаточную сумму, чтобы отправить специальную комиссию из трёх человек для ознакомления с хозяйственной ситуацией в Палестине. Комиссия состояла из Хоффмана, Хардегга и зажиточного крестьянина Буберка. Их сообщение гласило, что переселение будет трудным, однако оно возможно, но при условии планового распределения необходимых средств¹⁸.

Проекты колонизации Палестины европейскими державами получили более чёткое оформление в 1860-е годы. Идея колонизации Палестины принадлежала Генри Дюканту¹⁹, который неоднократно высказывал

мысли о возрождении Востока через организацию на его территории европейских поселений как основы для будущей колонизации. Один из проектов Генри Дюканта гласил, что осуществление плана об организации европейских поселений в Палестине возможно под протекторатом Наполеона III. Эти шаги по колонизации Палестины должны были, по мнению Дюканта, иметь международный характер. В этом проекте Дюкант давал предпочтение при заселении Палестины еврейским переселенцами, причём все расходы должны были нести крупнейшие еврейские магнаты Европы.

Помимо проекта Дюканта существовало также специальное католическое общество по колонизации Палестины, основателем которого являлся известный архитектор и автор работ о Палестине Пиерроти. Создав эту организацию во Франции в 1876 г., он получил одобрение Папы Пия IX, однако деятельность общества не имела большого успеха. Цель общества сводилась прежде всего к созданию католических колоний в Палестине и организации путешествий паломников в Святую землю.

С 1866 г. Палестина вновь становится объектом интересов печатного органа темплеров «Die Süddeutsche Warte». Результаты палестинской комиссии не были ещё забыты, и многие члены общества надеялись вернуться к старой идее о переселении в Святую землю. Однако первоначально реализовать эту идею попытались не немецкие темплеры, а американские последователи их организации. 22 сентября 1866 г. они прибыли в Палестину, но в связи с политической нестабильностью в этой стране им не удалось организовать свою колонию.

4 июля 1867 г. американские темплеры написали письмо-обращение, в котором изложили просьбу об оказании им материальной помощи для возвращения обратно в Америку. «Die Süddeutsche Warte» приводила выдержки из этого письма: «Многие болеют и умирают»²⁰. Это обращение, заверенное американским консулом и подписями переселенцев, поколебало уверенность многих членов этого религиозного движения в

возможности их переселения в Палестину. Однако ситуация изменилась после того, как Пруссия получила поддержку Северогерманского союза и заключила договор с Турцией о покупке земли для немецких колонистов в Палестине²¹.

Рост немецких интересов в Османской империи и в Передней Азии повлёк за собой изменения во внешней политике Германии. Постоянное увеличение численности населения, изменения, произошедшие в общественной структуре Германии в результате процесса индустриализации, а также необходимость сырьевых источников за границей и рынков сбыта – все эти факторы во многом определяли международную и экономическую политику Германии и были очень тесно связаны между собой. Именно в эпоху Бисмарка Германия расширяет свои колониальные притязания, которые поддерживают темплеры.

Ещё в 1870-е гг. печатный орган темплеров «Die Warte» публикует ряд статей, в которых обосновывается идея, что именно колонизацией Палестины можно решить проблему роста населения в Германии. Несмотря на то, что к 1880-м гг. в Палестине уже было создано четыре немецких колонии, это не вызвало интереса во внешнеполитическом ведомстве Германии. Созданный к этому времени «Колониальный союз» тоже не проявил должного интереса к переселенческому движению и организации колоний в Палестине. После создания этого органа темплеры искали с ним контакт, требуя от него финансовой помощи для укрепления и дальнейшего создания немецких колоний в Палестине. На генеральном заседании «Колониального союза» в 1884 г. его председатель Хоенлоэ-Лангенбург в своей речи подчеркнул, что Германия имеет некоторые колонии, в которых жители являются подданными Германии, и прежде всего это колония темплеров в Яффе, которая нуждается в поддержке немецкого государства. Однако надежды на помощь «Колониального союза» у переселенцев вскоре исчезли. Германия приобрела колониальные владения в Африке, поэтому все усилия этого органа

были направлены прежде всего на выделение материальных средств для развития этих территорий, что резко изменило отношение к немецким колониям в Палестине.

Несмотря на это, представители переселенческих колоний в Палестине старались убедить правящие круги Германии, что выгоднее было бы вкладывать материальные средства в уже созданные колонии в Палестине, чем инвестировать в развитие колоний в Африке, будущее которых неясно. Развитие немецких колоний в Палестине в 1880-е гг. характеризовалось определёнными успехами, которые были очевидны. Особенно это ярко проявилось в развитии экономического и хозяйственного уровня колонии темплеров Шароны. В развитии колоний в Палестине имелись также и трудности, заключавшиеся в постоянном приросте населения. Из-за невозможности иметь свои земельные наделы и самостоятельный доход многие переселенцы уже в конце 1880-х гг. требовали от руководства «Общества темплеров» расширения колонизации Палестины за счёт покупки новых земельных участков.

В этот период среди темплеров начинает возникать мысль о переселении из Палестины в немецкие колонии в Восточной Африке. В создавшейся ситуации руководство «Общества темплеров» пыталось организовать в 1887 г. новую колонию в районе Сердшераха. Но основать эту колонию не удалось из-за препятствий со стороны турецкой администрации. Позже этот участок земли темплеры продали еврейским переселенцам.

Ситуация с расширением земельных угодий для переселенцев в Палестине всё время ухудшалась, поэтому некоторая часть колонистов решила переехать в немецкую Восточную Африку, где в то время существовали более выгодные условия для организации переселенческих хозяйств, чем в Палестине. Руководство общества пыталось объяснить нецелесообразность идеи переселения в колонии в Восточной Африке, но убедило не всех. Особенно возросли переселенческие настроения среди

немецких колонистов в Палестине в результате возникших среди них разногласий. Многие колонисты, особенно из Яффы и Шароны, действительно стали готовиться к переселению в немецкие колонии в Восточной Африке. Эти переселенческие настроения достигли своего апогея в 1896 г., когда колонисты начали вести переговоры с вице-консулом в Яффе об условиях и возможностях переселения в африканские колонии Германии. В результате этого в восточноафриканские колонии была направлена делегация, которая имела своей целью на месте рассмотреть особенности и возможности переселения²².

В среде темплеров не было единого мнения по этому вопросу. В нарастающей дискуссии, которая нашла отражение на страницах «Die Warte», проявились основные взгляды на процесс переселения в немецкие колонии в Восточной Африке. Первую точку зрения выражал сын Хоффманна, Ионатан. В ряде статей он резко отрицательно высказывался против переселения из Палестины в Восточную Африку²³. Свои доводы он обосновывал тем, что условия переселенцев в Палестине намного лучше, чем в Африке, и что переселение из Святой земли есть прямое предательство целей общества — подъёма культурного и экономического уровня Палестины.

Другая точка зрения на этот вопрос принадлежала религиозному деятелю Райнхарду, который также посвятил ряд статей Палестине и Восточной Африке. Она отражала мнение молодого поколения колонистов, которое мало связывало религиозное чувство с Палестиной. Райнхард указывал на трудности дальнейшего развития немецких колоний в Палестине, связывая это с ростом массового переселения евреев. Он предлагал найти альтернативу созданию немецких колоний в Палестине. В 1898 г. некоторые семьи из колоний темплеров в Палестине переселились в Восточную Африку²⁴.

Отношение к переселению немцев в Палестину резко меняется после отставки Бисмарка в 1890 г. Новый канцлер Германии Каприви (1890–1894) разработал на этот

счёт свой план. В конце 1891 г. он предложил министерству иностранных дел изучить вопрос о создании немецких поселений в районе будущей Багдадской железной дороги. К этому времени пришло сообщение от посла из Константинополя об обсуждении с Турцией возможности продления немецкой железной дороги до Евфрата и Тигра.

В ответ на предложение канцлера министерство иностранных дел Германии опубликовало меморандум по вопросу о заселении немецкими колонистами Малой Азии, который был написан Киндерленом, советником при политическом отделении МИД. В меморандуме на основе анализа развития колоний темплеров говорилось о нецелесообразности расширения переселения на территорию Османской империи. Киндерлен высказал мысль, что поиски возможностей получения господствующего положения в Малой Азии не должны быть главным принципом внешней политики Германии. Меморандум Киндерлена был явным контраргументом плану Каприви о заселении немецкими колонистами территории Палестины и Малой Азии.

В другом меморандуме, который был представлен колониальным ведомством и написан Кайзером, высказывалась иная точка зрения. В этом документе автор рассматривал экономические и культурные аспекты колонизации Палестины на примере немецких колоний темплеров. Он утверждал, что успешная реализация плана колонизации этого региона немецкими переселенцами возможна только в том случае, если Малая Азия будет находиться под немецким господством²⁵.

Министерство иностранных дел Германии признавало положительные моменты в переселении немцев в Палестину, однако успехи в развитии немецких колоний в Палестине не нашли широкого признания в общественных кругах. Поэтому дальнейшее развитие этих колоний во многом осложняло хорошие отношения Германии с Турцией, а также вело к обострению отношений Германии с другими державами, которые считали, что она стремится через переселен-

ческую политику утвердить своё господства в этом регионе.

Вопросы развития немецких колоний в Палестине перед началом Первой мировой войны были тесным образом связаны с колонизацией Германией восточноафриканских территорий. Неслучайно, что на страницах колониальной прессы, выходившей как в самой Германии, так и в колониях, нередко появлялись заметки и статьи, касавшиеся этой проблемы. Период с 1906 по 1914 г. можно охарактеризовать как один из этапов в колониальной политике Германии, направленный на решение проблемы заселения вновь приобретённых владений. Именно в этот период в немецкой колониальной прессе появляются многочисленные сообщения и комментарии об использовании немецких переселенцев из Палестины как контингента для освоения малообжитых территорий колоний и впоследствии на их основе создания прочных в экономическом и хозяйственном смысле европейских поселений. Ещё в 1908 г. в журнале «Kolonie und Heimat» появляется информация о том, что в результате неудавшегося эксперимента по созданию европейского поселения на основе немцев из России руководство колонии приняло решение использовать контингент немецких переселенцев из палестинских колоний, которые хотели бы переехать в Восточную Африку. В этой статье также подчёркивалось, что данный контингент переселенцев лучше, чем буры или же немцы из самой Германии²⁶.

1909 год ознаменовался ростом переселенческих настроений в немецких колониях Палестины²⁷. В журнале «Die deutsche Kolonien» было опубликовано письмо пастора Зельтера из Яффы, который писал, что «областью переселения наших колонистов является территория в районе горного массива Меру, между реками Уффа и Майи, вблизи поселения Лейдорф. Служащие ведомственного округа Аруша проявили интерес к этому переселению, для переселенцев из Палестины выделили 4000 га пахотных и луговых угодий. Многие семьи из Яффы и Шароны решили переселиться в Восточную

Африку, при этом продать свои мелкие земельные участки»²⁸.

В колониальной прессе по этому поводу писалось, что причинами переселения немцев из колоний в Палестине стали преследование этой группы населения со стороны турецкой администрации, а также их желание найти возможность вести новую хозяйственную жизнь в колониальных владениях Германии в Восточной Африке. Первое упоминание о начавшемся переселении немецких колонистов из Палестины было опубликовано на страницах «Usambara Post» 26 ноября 1910 г. В этом сообщении отмечалось, что «немецкие крестьяне из Яффы и Шароны в Палестине на борту корабля “Фельдмаршал” достигли Танги. А 12 ноября 1910 г. шестнадцать человек из Танги были направлены в Саме, где были погружены в обозы и направлены в Арушу»²⁹. Далее газета писала о переселенцах из Палестины, что они относятся к потомкам швабов, которые под названием «темплеров» много лет тому назад покинули свою историческую Родину и поселились в Палестине³⁰.

Перед началом переселения из немецких колоний в Палестине Восточную Африку посетили два представителя этих колоний, Георг Эггер и Карл Кноль. В задачу их посещения входило выяснение ситуации в восточноафриканских колониях, возможность переселения в район Килиманджаро, и прежде всего выяснение вопроса о наличии свободных земель для немецких семей из Яффы и её окрестностей. Ещё при встрече с представителями колониальной администрации в Моши посланцы немецких колонистов Палестины обосновывали свою мысль о переселении в Восточную Африку тем, что хозяйственных возможностей в районе Килиманджаро больше, чем в Яффе. Помимо этого при встрече в Моши была высказана мысль, что в Палестине для развития немецких колоний имеется много преград со стороны турецкого административного аппарата, поэтому колонисты Палестины не имеют надежды и перспективы на лучшее будущее в этой стране. С другой стороны, колониальные власти в Восточной Африке

считали этот контингент переселенцев очень удачным, так как большинство желавших переселиться были обеспеченными людьми и не нуждались в финансовой поддержке со стороны губернатора и колониального комитета. Возвращаясь вновь к заметке на страницах «Usambara Post» от 26.11.1910 г., хотелось бы отметить, что это сообщение конкретно указывало причины, толкнувшие колонистов из немецких колоний Палестины начать переселение в Восточную Африку: «Тяжёлые жизненные условия под турецким господством и кровавые столкновения заставили их искать новый путь в направлении немецких колоний»³¹. После возвращения миссии палестинских колоний из Моши было решено начать организацию по переселению немецких семей из Палестины в Восточную Африку.

Примечания

¹ Хельмут фон Мольтке (26.10.1800, Пархим – 21.04.1891, Берлин) – прусский офицер, позже генерал-фельдмаршал и глава генерального штаба.

² Augsburger Allgemeine Zeitung vom 28.02.1841.

³ Vermischte Schriften des General-Feldmarschalls Grafen Helmut von Moltke. 2. Band. Berlin 1892. S. 279–289.

⁴ Polkehn, Klaus. Damals im Heiligen Land. Reisen in das alte Palästina. Berlin, 2005. S. 1444.

⁵ Schälch, Alexander. Europa und Palästina 1838–1917 // «Die Palästinafrage 1917–1948», hrsg. v. Meijcher Helmut, Schälch, Alexander. Paderborn, 1981. S. 11–46; Abdel-Rauf Sinno «Deutsche Interessen in Syrien und Palestina 1841–1898. Aktivitäten religiöse Institutionen, wirtschaftlichen und politischen Einflüsse» // «Studien zum modernen islamischen Orient 3». Berlin, 1982. S. 19.

⁶ Allgemeine Preußische Staats-Zeitung vom 17.11.1841

⁷ См.: Lückhoff, Martin. Anfänge deutscher evangelischer Palästina-Arbeit // «Deutsche in Palästina und ihr Anteil an der Modernisierung des Landes», hrsg. von Eisler Jakob. Wiesbaden, 2008.

S. 1–13; Idem. «Anglikanisierung des deutschen Protestantismus in Palästina». Die Gründung des protestantischen Bistum in Jerusalem in der zeitgenössischen Kritik, in: Kohlbacher M., Lesinski (ed.), Horizonte der Christenheit. Erlangen, 1994. S. 167–175.

⁸ Schaper, Ewald. Die geistespolitischen Voraussetzungen der Kirchenpolitik Friedrich Wilhelms IV. von Preußen. Stuttgart, 1938. S. 50.

⁹ Темплеры («Храмовое общество») – религиозное течение, пропагандирующее переселение в Святую землю как средство решения социальных проблем. Официально откололось от лютеранской церкви в 1862 г.

¹⁰ Чернова-Деке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи // Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818–1917). М., 2008. С. 17–18.

¹¹ Готтлиб Христоф Йонатан Хоффманн (2.12.1815, Леонберг – 8.12.1885, Рефаим, недалеко от Иерусалима) – один из организаторов немецкого общества темплеров.

¹² Weller, Karl; Weller, Arnold. Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum. Stuttgart, 1975. S. 242.

¹³ «Die Süddeutsche Warte» von 7.07.1853, S. 107. С 1845 г. «Die Süddeutsche Warte» – журнал об общественной жизни в Германии, с 1854 г. – религиозный и политический журнал, а с 1877 г. «Die Warte des Tempels» – религиозный и политический еженедельник.

¹⁴ Carmel, Alex. Die Siedlungen der württembergischen Templer in Palästina (1868–1918). Stuttgart, 2000. S. 11.

¹⁵ Zisl F., Kiepe H. Die deutsche Siedlungen in Palästina. Die deutsche Post in Palästina und ihre Nebenstempel // «Israel-Berichte für Palästina-und Israel-Briefmarkensammler». № 26, 32. Jhr., 1991. S. 3.

¹⁶ «Die Süddeutsche Warte» vom 7.09.1854. S. 150.

¹⁷ Schempp H. Gemeinschaftssiedlungen auf religiöser und weltanschaulicher Grundlage. Tübingen, 1969. S. 187.

¹⁸ Imberger, Karl. Die deutsche landwirtschaftlichen Kolonien in Palästina. Tübingen, 1938. S. 5.

¹⁹ Генри Дюкант (8.05.1828, Женева – 30.10.1910, Хайден) – основатель международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца.

²⁰ «Die Süddeutsche Warte» vom 22.08.1867. S. 134.

²¹ Imberger, Karl. Op. cit. S. 7.

²² «Die Warte des Tempels» vom 12.01.1899. S. 105; «Die Warte des Tempels» vom 1.05.1899. S. 145.

²³ *Carmel, Alex.* Op. cit. S. 71.

²⁴ *Seibt, Hans.* Moderne Kolonisation in Palästina. I. Teil die kolonisation der deutschen Templer. Stuttgart, 1933. S. 126.

²⁵ *Carmel, Alex.* Op. cit. S. 151.

²⁶ «Kolonie und Heimat in Wort und Bild.» 1. Jahr., № 24 (1908). S. 10.

²⁷ *Samassa, Paul.* Die Besiedlung Deutsch – Ostafrika. Leipzig 1909, S. 71.

²⁸ «Die deutsche Kolonien». 5. Jahr., № 10, 1909. S. 310.

²⁹ «Usambara Post» vom 26.11.1910.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

Нежмеддин Каздагли

ТУНИССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА В ТУНИСЕ

Вопросы, связанные с российской средиземноморской политикой на рубеже XIX–XX вв., в той или иной мере рассматриваются в нескольких трудах и монографиях, изданных в России и Тунисе. Однако эти исследования ориентированы в основном на изучение таких проблем, как российско-французские отношения и российское военное присутствие в Средиземном море. Отношениям России и Северной Африки на рубеже веков и, в частности, российско-тунисским связям посвящено не так много работ¹. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые недостаточно изученные аспекты отношений двух стран в период французского протектората. Во-первых, выяснить позицию России по отношению к факту установления французской юрисдикции в Тунисе. Во-вторых, проанализировать торговые связи между Тунисом и Россией и, в-третьих, определить уровень тунисско-российских контактов в военной сфере в этот период. В статье использованы материалы Архива внешней политики Российской империи, Национального архива Туниса, документы из фондов Генеральной резиденции в Тунисе и из фонда Министерства иностранных дел Франции.

В марте 1883 г., через два года после провозглашения Францией протектората в Тунисе, был принят новый закон, устанавливающий в стране французскую юрисдикцию. Однако французские реформы в Тунисе не могли начаться, пока продолжали действовать капитуляции, в соответствии с которыми полномочия французских судов не распространялись на иностранцев, находившихся под юрисдикцией консулов своих стран. Франция не могла обеспечить исполнение инспирированных ею декретов без сотрудничества консульских властей. Другого выхода, кроме добровольного отказа всех держав от капитуляционных привилегий, не

было. И Франция преуспела в получении этого отказа путем прямых переговоров с державами в 1882–1897 гг. Россия официально отказалась от собственной юрисдикции в Тунисе в пользу французской 5 августа 1884 г., хотя и оговорила некоторые условия, например, в отношении лиц, состоявших под покровительством России.

В донесении от 14 декабря 1888 г. послу России в Париже А.П. Моренгейму российский консул в Тунисе Г. Ниссен сообщал: «После длительных дипломатических переговоров все державы, представленные в Тунисе, согласились на упразднение консульской юрисдикции и передали все права, все льготы и гарантии, предоставленные капитуляциями и договорами, французским судом. Вопрос, касающийся недвижимости, остался единственным, подверженным действию местного законодательства»².

Французский генеральный резидент в Тунисе Р. Мийе писал в марте 1899 г. министру иностранных дел Франции Т. Делькассе: «Генеральная резиденция настойчиво требовала у консулов Бельгии, Дании, Швеции, Норвегии, России, Германии, Австро-Венгрии и Греции в Тунисе списки тунисских подданных, которые находятся под защитой правительств этих государств»³. Автор письма предлагал на рассмотрение французского МИДа несколько списков местных жителей, которые находились под покровительством европейских государств. Самым обширным был список подданных Туниса под протекцией Бельгии – 35 человек. Вторым по численности был список тунисцев, находившихся под защитой Российской империи, – 9 человек. Остальные списки содержали сведения об одном-трех тунисцах, находившихся под защитой других европейских государств. Общая численность покровительствуемых персон доходила до пятидесяти двух человек⁴. Француз-

ский генеральный резидент писал по этому поводу: «Численность подданных в Тунисе под протекцией (европейских держав. — *Н.К.*) незначительна. И мне кажется, нет смысла спорить из-за них. Считаю, что можно утвердить эти списки без обсуждения»⁵.

Таким образом, иностранные консульства имели право на защиту только тех граждан Туниса, которые были указаны в официальных списках, представленных властям протектората. Очевидно, что все усилия французской генеральной резиденции в Тунисе были направлены на полное утверждение французской юрисдикции на тунисской территории. Эта работа требовала некоторого времени и усилий.

Во французских архивных документах от 1899 года, которые хранятся в Высшем Институте истории освободительного движения в Тунисе при университете в Манубе, сохранились сведения о 9 тунисцах, которые находились под покровительством Российской империи⁶. Это члены семей купцов Кальси и Саидан, садовник А. Баттиша и сторож Х. Бен Хадж Али. Почти все они являлись тунисскими арабами по национальности и мусульманами по вере, но это не мешало им выбрать покровительство российского христианского государства. Нужно отметить, что такое явление было частым в Тунисе ещё до установления французского протектора. Некоторые жители регентства искали протекции у иностранных консулов в стране, чтобы избежать произвола местного правителя⁷.

Французская администрация протектората после проверки и утверждения публиковала полученные в посольствах европейских государств списки покровительствуемых тунисцев в «Официальной газете регентства». Так, были обнародованы перечни, представленные представителями Великобритании, Испании, Италии, Голландии, Бельгии, Дании, России, Австро-Венгрии, Германии и Греции⁸.

Согласно архивным документам, а именно данным переписи за разные годы⁹, численность русской общины была близка к польской и румынской группам. По данным

первой переписи иностранных общин в Тунисе от 1906 г., численность русских подданных в регентстве составляла 71 человек¹⁰.

В результате утверждения протектората Франции над Тунисом регентство приобретало новый политический и юридический статус, открывались новые условия для дальнейшего развития российско-тунисских связей. Установление французской юрисдикции в Тунисе было первым вопросом, который возник между Францией и Россией в это время. После дипломатических переговоров между российской и французской сторонами российское правительство пришло к выводу о необходимости признания нового судебного режима в Тунисе. Россия была одним из первых европейских государств, которое заняло такую позицию. Очевидно, это было связано с ограниченными интересами России в регентстве и с появлением первых признаков сближения между Россией и Францией, которое завершилось заключением русско-французского союза.

Процесс строительства новой французской системы юрисдикции в Тунисе сопровождался одновременно появлением первых попыток экономических отношений между Тунисом и Россией. Установление протектората в Тунисе открыло новые возможности для развития торговли между двумя странами. Принятие французского таможенного режима в Тунисе в 1896 г. и заключение договора о русско-французской торговле в 1906 г. предусматривали отдельные статьи для доступа российских товаров в Тунис. Так, вопрос о тарифах на тунисские товары, ввозимые в Россию, был специально оговорён. 10 апреля 1897 г. в «Официальной газете Туниса» сообщалось следующее: «Во исполнение статьи 14 франко-русского торгового договора от 20 марта 1874 г. <...> тунисские товары получили привилегию, чтобы при их ввозе в Россию они пользовались одинаковыми условиями, применяемыми для французских товаров, то есть имели наилучшие низкие таможенные тарифы»¹¹.

Важно упомянуть, что пересмотр таможенного режима в Тунисе властями фран-

цузского протектората был связан с заинтересованностью Франции в развитии собственного товарооборота с Тунисом. Французские промышленники требовали от правительства введения определённых льгот для своих предприятий в Тунисе, которые позволяли им укрепить экономические позиции в Тунисе и в то же время углубляли состояние зависимости Туниса от метрополии. В связи с этим торговые конвенции, заключённые между зарубежными державами и Тунисом, были заменены в 1896 г. другими, менее благоприятными договорами. Установление нового таможенного правила в Тунисе в пользу Франции явилось ещё одним шагом по укреплению преимущества французских экономических и торговых интересов в регентстве. Торговые отношения между Тунисом и Россией строились в рамках русско-французских связей и общих договорённостей.

2 октября 1896 г. в Санкт-Петербурге управляющий МИД России В.Н. Ламздорф и поверенный в делах Франции в России Ш. де Вовинё подписали совместный договор «с целью определить отношение между Францией и Россией в Тунисе и чтобы уточнить договорное положение России в регентстве»¹². Документ гласил: «Трактаты и конвенции всякого рода, действующие между Францией и Россией, распространяются на Тунис. Россия воздержится от требования для своих консулов, своих подданных и своих учреждений в Тунисе других прав и привилегий, кроме тех, которые использует во Франции»¹³.

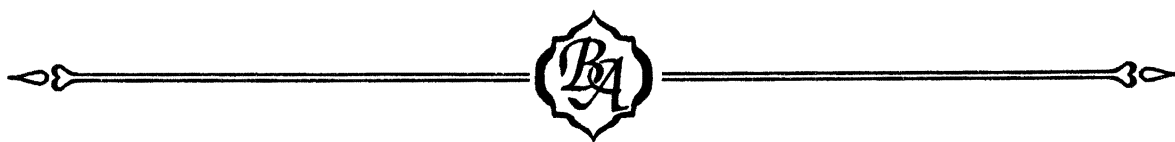
Хотя Франция была основным торговым партнёром Туниса, протекторат сохранял некоторые торговые связи и с другими европейскими державами, в том числе с Россией. Это подтверждается донесением в МИД России 12 ноября 1910 г. российского консула в Алжире графа Мусина-Пушкина, в котором было сообщено следующее: «За последние 10 лет торговые обороты портов французских владений в Африке значительно расширились, и число судов, которые посещают гавани южного побережья Средиземного моря, с каждым годом увеличивает-

ся. То же самое замечается и в торговле с Россией; наши суда стали также чаще заходить в гавани Алжира и Туниса, в особенности для погрузки угля»¹⁴.

Вопрос тунисско-русских связей в военной области во времена протектората имел важное значение для внешней политики Российской империи. Очевидно, русские моряки первыми осознавали стратегическое значение портов регентства. В 1878 г. правительство Российской империи приняло решение о создании «средиземноморского отряда российского флота под командованием контр-адмирала О.К. Кремера с постоянной дислокацией в порту Афин»¹⁵ для укрепления позиций России в Средиземном море и придерживалось этого курса и далее. Российские корабли часто заходили в порты Туниса, их командиры тепло принимались представителями французской и тунисской администраций, а некоторые даже были награждены высшими орденами тунисского бея.

Известно, что Тунис имеет уникальное географическое положение, которое позволяет ему контролировать движение судов в Средиземном море. Это побудило французов к строительству крупного порта для международной торговли и для своего военного флота в тунисском городе Бизерта в 1895 г. Российские военные и торговые суда часто прибывали в Тунис, особенно после заключения союза между Россией и Францией. По данным российского исследователя Н.А. Жерлицыной, «в период с 1881 по 1895 г. русские моряки совершили свыше 150 плаваний по Средиземноморью»¹⁶. В результате российские военные корабли стали часто появляться в тунисских портах.

В целях укрепления русско-французского военного сотрудничества руководство двух стран приняло решение о необходимости совместного посещения российскими и французскими судами портов Танжер и Бизерта в Северной Африке. Было предложено «установить правильные, частые и непосредственные сношения между русским и французским морскими штабами, таким образом, могли бы заблаговременно

условливаясь относительно совместного посещения дружественными судами иностранных вод в тех случаях, когда таковое представляется желательным с политической точки зрения»¹⁷.

Вопрос об улучшении выполнения миссий российского морского флота в Средиземном море волновал как военных, так и политических деятелей России. Об этом свидетельствуют неоднократные награждения представителей тунисской и французской администрации в Тунисе российскими орденами за содействие российским судам во время пребывания в регентстве.

Без сомнения, Тунисское регентство под протекторатом Франции в конце XIX – начале XX в. было своеобразным звеном при проведении военной политики Российской империи в Северной Африке и в Средиземном море в целом.

Таким образом, хотя Россия не имела динамичной политики в Северной Африке и в западной части Средиземноморского бассейна, но ей были не безразличны политические события, которые происходили в регионе, особенно после взятия Францией Алжира и установления протектората в Тунисе. Сближение между Россией и Францией, завершившееся заключением русско-французского союза, способствовало интенсификации контактов между Россией и Тунисом в таких областях, как торговля и военноморское сотрудничество.

Примечания

¹ Нерсесов Г.А. К истории французского вторжения в Тунис в 1881 г. // Африканский сборник. Вып. 1. История. М., 1963. С. 170–230; Жерлицына Н.А. Российско-тунисские отношения 1780–1991. М., ИАФр, 2014; Жерлицына Н.А. Россия и Тунис. Из истории отношений в 1780–1917 гг. Архивные документы и свидетельства современников. М., ИАФр. 2008.

² АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. 1888. Д. 1464. Л. 94.

³ Documents d'archives du Ministère des Affaires Etrangères de France (DAMAEF). Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien. Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112. Bobine n° 119. P. 166.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 172.

⁷ Ибн Абу Дуаф А. Хроника королей из Туниса и фундаментальный пакт. Тунис. 1999. Ч. 5. Т. 3. С. 84–85 (арабский язык).

⁸ DAMAEF. Institut Supérieur d'Histoire du Mouvement National Tunisien. Série Tunisie (1885–1916). Archives n° 112. Bobine n° 119. P. 167.

⁹ Ibid. P. 236.

¹⁰ Lambert P. Dictionnaire illustré de la Tunisie. Tunis, C. Saliba Aine, 1912. P. 184. См. также: Kazdaghli, Habib. La communauté russe de Tunisie (1920–1956) // Rawafid. Revue de l'institut supérieur d'histoire du mouvement national, Université Tunis. Numéro 3. 1997. P. 25–62.

¹¹ Archives Nationales de Tunisie (ANT). Série F. Carton 16. Dossier 2 (1896–1904). P. 19.

¹² Ibid. P. 2.

¹³ АВПРИ. Ф. 149 Турецкий стол (новый). Оп. 502 «б». 1896. Д. 4109. Л. 3.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 159. ДЛСиХД. Оп. 336/2. 1910. Д. 664. Л. 38.

¹⁵ Жерлицына Н.А. Роль протектората Тунис в русско-французских военно-морских связях в конце XIX – начале XX в. // Африканцы и россияне на перекрестках истории. М., ИАФр. 2010. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 124.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. 1902. Д. 2736. Л. 47–48.

С.В. Прожогина

МАРОККО В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗОВ*

Вниманию читателей предлагаются фрагменты из марокканской трилогии лауреатов Гонкуровской премии, французских академиков – писателей Жана и Жерома Таро («Марракеш, или Сеньоры Атласа», 1919 г.; «Рабат, или Марокканское время», 1921 г.; «Фес, или Буржуазия ислама», 1930 г.). Это наблюдения, сделанные мастерами художественного очерка по свежим следам постепенной колонизации Марокко в начале XX в., завершившейся установлением французского протектората в 1912 г.

Писателям удалось запечатлеть важнейшие стороны жизни Марокко, внутривосточное устройство страны, социальные, этнические и конфессиональные особенности, древние традиции, ритуалы, красоту её природы, создать портреты её правителей и вождей берберских племён – и отстаивавших марокканскую самобытность и независимость, и тех, кто способствовал колонизации страны. Но главное, писатели сумели показать Марокко в тот момент национальной истории этой страны, когда, казалось, завершалось её «старое время» и начиналось «новейшее».

Для колониальной литературы, существовавшей во Франции, оставленные братьями Таро зарисовки и воспоминания необычны. Они лишены привычной для подобной литературы экзотики Востока, наполнены искренним и пристальным вниманием к реальной действительности и судьбе страны, оставившей неизгладимый след в их душе. Для нас, ставших свидетелями новейшей истории Марокко, эти страницы – как старые

фото былых времён, доносящие неповторимые ароматы Прошлого, его особый «цвет» и особый «ритм»; но если прислушаться и взглядеться – их отблесками и отзвуками ещё полна современность.

В публикуемых отрывках из тома «Марракеш, или Сеньоры Атласа» речь идёт об одном из представителей крупной берберской династии Глауи, правившей в верхнем Атласе, – паше Аль-Мадани Глауи (1868–1918), сыгравшем немалую роль в обеспечении политики французской колонизации Марокко.

Можно сказать, что сделанный кистью европейцев портрет Глауи – это психологически тонкий и даже с налётом некоей доли сентиментализма образ «друга Франции». Но одновременно писатели, реалистически точно воссоздав детали исторического фона, на котором, собственно, и возникает этот образ, позволяют понять всю противоречивость его личности, пытавшейся сохранить традиционную самобытность, не утратив ни доли ни своего, ни своей страны былого величия, не разрушить её целостности, но прекрасно сознавая при этом силу противника-колонизатора и неотвратимость утраты независимости и самостоятельности. Гибкий и хитрый политик, могущественный и глубоко одинокий человек, хотя и окружённый сонмом и приверженцев, и предателей, Глауи как персонаж художественных очерков братьев Таро являет собой во многом собирательный образ особого рода эпохи, когда наступал закат древней цивилизации и постепенно опускалась «колониальная ночь».

Она продлится ещё несколько десятилетий. И все эти долгие годы, вплоть до 1956 г., страна будет пытаться не только вырваться из оков Запада, но и осознать необходимость приобщения к его культуре, а самое главное – и до сих пор нести глубокие

* Фрагменты книги Жана и Жерома Таро «Марракеш, или Сеньоры Атласа» (Jean et Jérôme Tarda, "Marrakech, ou Les seigneurs de l'Atlas". Р., 1919). Перевод по переизданию: Р., 1954.

следы своих прежних этнических и внутри-политических противоречий.

Глава X. Встреча с Глауи

Мы приближались к Тананту – ещё одному военному посту в горах. Здесь не росли оливковые деревья, только вековые дубы, дрок, да блестящий мох, покрывший своим массивом, как панцирем черепахи, всю гору... Над крепостью уже развевалось знамя в знак нашего приближения, как вдруг резкий гудок автомобиля прорезал тишину пейзажа и заставил нас всех остановиться. Великолепный лимузин летел на полной скорости в клубах пыли... Когда он пронёсся рядом со мной, я увидел за стеклом сидящего в глубине пожилого человека, одетого во всё белое, с муслиновой чалмой на голове, с блестящими кисточками по бокам, свисавшими вдоль худого лица тёмного цвета, на котором горели потрясающие глаза... Солдаты, сопровождавшие нас, отдали ему военные почести, вскинув ружья. Человек в машине поприветствовал всех наклоном головы, которая, окутанная муслином и с блестящими кисточками по бокам, казалась, скорее, головой женщины, чем мужчины...

В клубах пыли, поднятых роскошным автомобилем, мы так и добрались, часом позже, на пост Танант. Там уже собрались на холме две или три тысячи человек, и пеших, и всадников... Пешие, одетые победнее, в простые рубахи, повязанные поясом до колен, с какой-то тряпицей на шее в виде шарфа; а всадники – в длинных штанах, в кафтанах из шерсти и в плащах... Люди прибывали сюда отовсюду, неся с собой припасы еды, большие плетёные корзины из травы, где звенели подносы и чайные приборы, где лежали ковры, кастрюли для разогрева воды и фляги с холодной водой...

Когда мы въехали в этот лагерь, раскинувшийся здесь в ожидании знатных гостей, лимузин подвозил человека в муслиновой чалме к его персональной палатке – шатру... Его везли осторожно, словно прибли-

жаясь к мавзолею святого, да и шатёр его был почти похож на марабутскую кубу... Вокруг стояли чёрные рабы, одетые очень элегантно, с шёлковыми шнурами по ярким камзолам, с серебряными кинжалами с чернью... Сеньор вышел из машины, сел на высокую подушку дивана, стоявшего посреди роскошного ковра ярких тонов, покрывавшего весь пол в палатке. Спина его опиралась на мягкую стенку дивана, в одной руке он держал чётки, перебирая их костлявыми пальцами, в другой – веер из пальмовых листьев, которым обмахивал лицо.

Вблизи он казался уродом, почти со стёртыми чертами лица, очевидно, со следами туберкулёза, со впалыми щеками, которые подчёркивали ещё больше остроту его скул. Усы его почти выпали, и обнажённые толстые губы не могли прикрыть целиком длинные, редкие жёлтые зубы... Да уж, урод он был настоящий, но какой-то великолепный. То ли глаза его были необычайной красоты, то ли всей повадкой своей он походил на какое-то высшее существо! Что-то немыслимое отличало его ото всех окружающих. Это не был простой старик, хотя казался он очень старым. А сколько же лет ему могло быть тогда? Может, всего-то чуть больше пятидесяти, кто-то сказал мне. Конечно, выглядел он гораздо старше своих лет. Но это был именно тот возраст, когда уже года не в счёт, если смерть уже отметила твои черты... Этого человека звали Си Мадани Глауи – факих, учитель, мэтр, как звали его, то есть мудрец, человек знания... И хотя этот скромный титул адресуют люди обычно даже учителям коранических школ, в самой простоте и скромности этого данного ему титула и таился тот престиж, то величие его, когда тот, кто носит этот титул, кто удостоился его, и есть самый главный властитель Атласа... Это совершенно особенное социальное явление на Юге Марокко: могущество крупных феодалов, которые доминируют в Большом Атласе. По мере того как удаляешься от побережья Средиземного моря, следуя горному маршруту, кажется, что берберское население становится менее опасным, менее непокорным, и даже более

расположенным к тому, чтобы попасть в зависимость к другому авторитету. В то время как на Севере и Востоке Марокко встречаешь берберские племена, только исключительно исполненные недоброжелательности, которые никогда никому не покорялись, разве что на короткий миг в надежде пограбить или назло какому-нибудь вождю, то на Юге, напротив, небольшое число очень крупной племенной знати осуществляет на огромном горном пространстве настоящее феодальное господство над многочисленными племенами. Эта власть порой более фиктивная, чем реальная, и варьируется она по обстоятельствам, по достоинствам вождя — каида, по месту проживания племени (удалённости его или близости) в диапазоне от полной подчинённости людей его воле, почти рабства, до определённого уважения или послушания власти его слова, но до некоторого предела. То есть вассал готов разделить или принять во внимание чьё-то высокое мнение, но может и не следовать ему; может защищать тех, кого ему рекомендует его сеньор, но охраняет свою независимость тем, что ограничивается отсылкой каждый год подарков или презентов своему сеньору, но не платит ему налогов...

Конечно, здесь, как и везде в Атласских горах, существуют маленькие местные советы, ассамблеи, эти племенные парламенты, где много и обо всём болтают, кого-то в чём-то подозревают, волнуются, угрожают, бунтуют... Но в этом и состоит основная функция берберского правления... Хотя у южных берберов, шлэхов, как они себя сами называют, эти ассамблеи давно уже потеряли свой престиж, и берберское самоуправление прекратилось, а установилось олигархическое государство, которое по сути своей прямо противоречит и темпераменту, и менталитету берберского народа... Но как же это произошло?

Может быть, существует разность между северными и южными племенами? Надо сказать, что в Рифе и Среднем Атласе горцы живут, конечно, в более плодородных местностях, и они способны обеспечить себе пропитание, особо не беспокоясь и сохраняя

привычный образ своей старинной и в общем-то анархической жизни...

Но в Большом Атласе плодородные долины уже встречаются реже, и они всё беднее и беднее, и за пропитанием себе племенам надо идти и работать в полях, которые лежат вокруг Марракеша. Богатые сеньоры, хозяева укреплённых селений, касб, контролируют проходы в горах, которые ведут в долины и окрестные поля, ну и, конечно, обирают население, которое вынуждено спускаться с гор в поисках пропитания и проходить через укреплённые замки местных феодалов. Вот так, в течение нескольких столетий сложилась зависимость между шлэхами и вождями — владельцами плодородных земель, феодальная зависимость между вассалами и сюзеренами, как в нашем далёком средневековье, но зависимость особая, в которой существует некий меланж страха, уважения и даже, порой, дружбы...

Эти богатые сеньоры сами привязаны к своему Султану таким же образом, как их племена к ним: очень тесно и близко, если Султан силен и богат, и очень формально, или номинально, если у него нет средств дать почувствовать свою силу и могущество. Они платят ему определённую повинность, сопровождают его в походах, укрепляют его войска, а когда он прибывает в Марракеш, воздают ему всяческие почести. Между собой каиды могут мириться и ссориться с поразительной лёгкостью, неприятной даже; могут легко предавать друг друга, хотя и кажутся друзьями; могут просто изнурять друг друга восточной учтивостью и гостеприимством и при этом друг друга ненавидеть...

В Марокко чувства похожи на строения — лёгкие и всегда готовые рухнуть и превратиться в пепел. Это страна обрушений, неустойчивости, быстропорченности, непрочности, нестабильности; там всегда гуляет ветер, который всё разрушает и все прочные стены превращает в грязь и пыль. Амбиции и ревность всегда морочат головы людям, гасят и разрушают вмиг только что вспыхнувшие хорошие чувства. Но ненависть столь же здесь ненадёжна, как и дружба. И

та, и другая длятся ровно столько, сколько это необходимо. Не сердце, но интерес регулирует длительность отношений. Почти весь год все эти великолепные замки в горах Атласа сотрясают скандалы, распри, козни, или наоборот, если сеньоры забудут о причинах своих ссор, то праздникам нет конца. Конечно, в племенах этих вождей повторяется то же самое, и можно сказать даже, что по видимости своей организация жизни крупных феодалов воспроизводится, хоть и в других масштабах, на уровне внутриплеменных отношений... Словом, повсюду царит берберская анархия...

Как и крупные феодалы в старой Франции имели свои дворцы в Париже, так и сеньоры Юга Марокко имеют свои дома в Марракеше – высокие, из красного кирпича, гордо красующиеся в своём великолепии среди убогости окружающего их мира...

...Сколько раз я видел их на тесных и тёмных улочках города, восседающих во всём своём величии на лошадях или мулах, или ослах, покрытых расшитыми золотом попонами, в сопровождении чёрных слуг и другой домашней прислуги, едущих на рынок, по делам, в гости... Для меня эти образы сохранились как видения старого мира, который когда-то существовал и в Европе, но за тысячу лет до этих дней!..

А какой это удивительный спектакль, когда они все вместе собираются у Султана Марокко на религиозной церемонии, или у генерала Лиоте на приёме по случаю какого-либо праздника!.. Вид у них такой, что можно подумать, что вот именно сейчас и настал для них тот самый прекрасный момент, когда можно всем примириться, – а ведь до сих пор только и делали, что воевали друг с другом!.. И надо всем делать хорошую мину при плохой игре... Они хлопают друг друга по плечу, целуются, говорят, держась за руки... Кто мог бы подумать, что вежливостью можно прикрыть, как ковром, море крови, пролитой в распрях? Кто может подумать, что вся эта фальшивая куртуазность способна заглушить ружейные выстрелы, убийства, разбои? Да нет, ничего подобного и не происходит: и здесь, во

дворцах, кто-нибудь обязательно склонится к твоему уху и станет нащёптывать всякие гадости и гнусности про кого-то из своих соперников...

Сколько их здесь, всех этих вождей, за плечами которых без малого пятьсот лет управления своими племенами! Туги, Гундафи, Тами Глауи – паша Марракеша и младший брат Мадани... О каждом из них можно написать роман, ну уж, во всяком случае, каждый может стать персонажем 1001 ночи... Их много, этих великих атласских сеньоров. Это и Айади, и Айда или Муис, и Геллюли, и Урики, шериф Тамезлута, достойный отдельного портрета... Но среди всех этих могущественных феодалов фигура Си Мадани Глауи, которого я сейчас рассматриваю сидящим в своём шатре, среди своих воинов, возвышается над всеми, как вековой кедр, срезанный под корень в знаменитом лесу на склоне кратера погасшего вулкана...

Глава XI. Господин Телуэта

Замок Си Мадани Глауи возвышается в самом центре Атласа, у подножия ущелья Телуэт, с другой стороны горы, откуда открывается вид из пальмового оазиса на Марракеш и на блистающие за ним снежные вершины. Я как-то добрался сюда в зимний день, когда бушевала метель. Надо сказать, что меня поразила грандиозность пейзажа, исполненная какой-то бесконечной скорби... Я будто бы перенёсся во времени куда-то в наше средневековье, оказавшись посреди этой каменной пустыни, словно где-то в далёкой ссылке, где мне предстояло жить в полном одиночестве... Но нас на пороге величественного дома уже встречали одетые во всё белое женщины, что-то пели, держа в руках пиалы с молоком, тарелочки с финиками и длинные камыши, к которым были привязаны разноцветные шёлковые платки... Они приветствовали ими Глауи, целуя ему колено, когда он вышел, чтобы благословить всех прибывших, опустив поочерёдно свою руку на головы тех, кто стоял ближе к нему: так делали когда-то у нас короли

и епископы... Толчея была невообразимая. Слуга попытался потихоньку раздвинуть толпу, но помогла только маленькая хитрость: кто-то из служителей стал бросать тоненьким ручейком серебряные монеты по полу. И все бросились собирать, – все эти усыпанные драгоценностями княжны из соседних племён, именитые гости, разодетые в пышные платья... Диадемы чуть не падали с голов, когда люди подбирали эти несчастные 20 су серебром... А кортёж всё прибывал и прибывал во дворец Глауи. Я ещё и сейчас слышу стук копыт лошадей, вижу пыль, поднятую огромной массой людей, слышу восклицания женщин, плач детей, крики животных, которые тоже добрались сюда вместе со своими хозяевами. Огромная толпа всё заполняла двор, ветер гулял над головами, люди уже стояли и по склону холма, где находились постройки разного рода, амбары, конюшни и пр. Над всем возвышалась огромная круглая красная башня – бойница, готовая защитить всех от неприятеля и спрятать людей в свои глубокие недра, подобно тем большим колодцам, которые ещё строят в некоторых просторных дворах и в которых прячутся порой воины, скрывающиеся от своих врагов...

Хозяин всего этого должен бы был и сам укрыться от толпы в одном из невидимых никому помещений башни... И я последовал за чёрным слугой, который нёс целую связку огромных ключей, открывая поочередно двери, вставшие на нашем пути, а потом тотчас же закрывая их. Я шёл в темноте опускающейся ночи за слугой по этому лабиринту, где коридоры то были закрыты потолками, то открыты звёздному небу; на лестницах лежал снег, я с трудом поднимался, но, наконец, оказался в тесной, узкой, но очень длинной комнате, которая выходила в небольшой сад с кипарисами, абрикосовыми деревьями без листьев и с какой-то ещё растительностью, полумёртвой в этот уже зимний сезон...

Ночь опустилась, стало совсем темно. Вдоль стен на коврах стояли медные канделябры, где горели зелёные восковые свечи. Слуги, босые и молчаливые, открывали пе-

редо мной, снимая плетёные крышки в форме колпаков, блюда с разными лакомствами, ещё дымящимися, хотя казалось, что холод, царивший в горах, заморозил всё и вся...

Высокие позолоченные зеркала отражали неподвижно стоящих рабов с отрешёнными лицами, одетых в длинные полосатые чёрно-белые галабеи; десятки настенных часов молчали, не шли, показывая вечность; бумажные цветы, стоявшие в круглых прозрачных вазах, тоже свидетельствовали о своей бесконечной молодости; по углам в комнате стояли две кровати из английской меди, спинки которых были украшены коронами; покрывала из дамасской парчи и десятки пышных подушек возлежали на мягком ложе, словно в ожидании какой-то красавицы, которая, уж точно, не придёт сюда сегодня вечером...

Холодный ветер яростно дул во все щели на расписных потолках. Высокие свечи покачивались, борясь с порывами ветра, некоторые даже погасли... Ох, каким я чувствовал себя потерянным в этом огромном дворце-крепости, словно из недр и глубин какой-то восточной сказки, которая сама затеряна где-то в этих заснеженных горах!..

Вдруг дверь открылась, сквозняк погасил ещё несколько свечей, и я увидел, как вошёл Глауи, перед которым слуги несли зажжённые фонари. Его острый профиль, худое лицо, чёрные блестящие глаза, полы его плаща, словно крылья, прикрывавшие его белый кафтан, из-под которого были видны жёлтые бабуши, припорошенные снегом, – всё в нём напоминало огромную птицу, которую занесла в дом снежная буря...

Вместе с ним мы снова прошли вслед за фонарщиками длинный путь, который я уже только что проделал, без конца открывая и закрывая двери.

Мы двигались по коридорам, где можно было заметить какие-то смутные очертания людских фигур, греющихся у небольших угольных жаровен... С ними рядом грелись и животные, жующие свои подстилки из соломы... Откуда-то издали доносились звуки барабанов... В открытых переходах снег падал нам в лицо; сильные порывы ветра не-

сли и тёплый запах конюшен... Потом слышалось пение, оно становилось всё громче и ближе, как и звон тамбуринов. На стенах, окружавших сторожевую башню, массивный силуэт которой снова стал виден в сумерках, полыхнули отблески красного пламени.

В самом большом внутреннем дворе дворца горел огромный костёр, куда слуги постоянно подбрасывали сухие ветви и кусты вырванного с корнем дрека... Всё это сильно горело, разбрасывая искры. А вокруг этого костра сотни женщин, одетых в белое, с блестящими платками на головах, били в такт ладонями и поднимались на кончиках пальцев, вытянув вперед живот и передвигались потихоньку влево, почти незаметно, так, что, когда одна женщина входила в круг и её освещало пламя, другая в этот момент оставалась в тени... Словно кто-то невидимой рукой перебирал эти живые чётки женского танца... Когда огонь освещал их лица, было видно, что они тяжёлые и старые, некрасивые, желтоватые и очень странно украшенные. Вместо бровей, обычно выщипанных, проходили по лбу две синие полосы. На каждой щеке – три круга ярко красного цвета, поставленные один на другой, как бильярдные шары; на кончике носа ещё один нарисованный круг, тоже красный, который, казалось, едва держался, соблюдая эквилибр... И наконец, от нижней губы до конца подбородка шла синяя татуировка в форме пальмы или канделябра с тремя ветвями... Всё это было очень некрасиво и казалось смешным... Но они, несчастные, не знали этого, и в своём медленном танце вокруг костра, в своих одинаковых белых одеждах и покрывалах, на которых отражались отблески огня, в своих блестящих разноцветных косынках, в похожих друг на друга драгоценностях и украшениях составляли некую гармонию, которая определялась и точным знанием движений танца, и своего места, и повтором идентичных движений, выполняемых в строго определённом ритме... Да и все эти их штучки, нарисованные на лицах, вся эта их татуировка, вся эта единая форма лиц и движений придавала всему

этому странному спектаклю такое поразительное единство, такую коллективную красоту, которые вряд ли можно достигнуть в Европе, в нашей цивилизации, довести до такого совершенства, единения – ведь у нас каждый старается оставаться самим собой и только собой, играть свою собственную роль, быть единственным в своём роде... И никто у нас, ни в одной деревне, не танцует ничего подобного этим сакральным танцам, где столько ритма, столько единства, столько всеобщей красоты, которую раньше я никогда и нигде не видел...

...Часами длились эти танцы и песни, хлопанье ладош, звон бубнов, бой барабанов. Без усталости. Без каких-либо модификаций, разве что танцоры иногда прикрывали свои лица руками, когда порывы ветра осыпали их искрами из пламени костра, которые приходилось сбрасывать и со своих платков, и покрывал...

Костёр тоже, казалось, не становился меньше, всё так же высоко выбрасывая свой огонь в небо. Будто бы кто-то невидимый подкармливал его силы, подбрасывал поленьев и веток, чтобы осветить его пламенем этот священный танец, который отплясывали люди во имя какого-то Божества Ночи...

У подножия башни восседал Си Мадани Глауи, завернувшись в свой бурнус, и смотрел на этот ночной праздник. К нему постоянно подходили люди и целовали его в плечо. Этот неподвижно сидящий человек словно излучал всё достоинство и честь этих могущественных феодальных домов-крепостей в горах, которые казались какими-то огромными печатями, поставленными на окружающей пустыне, скрепами всей человеческой пыли, рассеянной вокруг. Но это только малость того, что я слышал и видел сам, наблюдая могущественного берберского вождя. Всего лишь слабый отблеск огня костра, плававшего в его замке в Телуэте...

В течение долгих тёмных лет в тени этих высоких крепостных стен главной амбицией этого человека было распространить свою власть на соседние земли и насилием, и интригами. Целые племена вырезались,

летели отрубленные головы, другим непокорным навязывались непомерные контрибуции и налоги: и это было нормальным brutальным ходом истории в этих краях. Хроника это не фиксировала: оставался только дым от ружейной пальбы, да ручьи крови в лесах...

Событием, очень важным для эпохи Глауи, был приезд в Телуэт Султана Мулая Хассана, когда тот возвращался из экспедиции в сахарский оазис Тафилалет... Надо представить себе все трудности горных переходов и продвижение по пескам пустыни через районы, где не было никакой возможности подкрепления ни провизией, ни водой, чтобы понять, насколько был доволен уже стареющий Султан, уставший от военных походов, приёмом, который оказали ему Си Мадани Глауи и его младший брат Тами, когда они вышли навстречу войску Султана, приведя за собой не только людей с провизией, но и лошадей и мулов, чтобы сменить уже выдохшихся и выбившихся из сил животных шерифской армии. Был устроен роскошный приём в крепости. Танцы и песни, ночной праздник, наверное, такой же, как я видел вчера, когда полыхал костёр... Очарованный таким приёмом, Султан подарил своему хозяину несколько пушек, ружей и другое военное снаряжение. Это произвело неотразимый эффект в горах, где берберское воображение и без того всё преувеличивает. Но с тех пор Телуэт считается огромным арсеналом оружия. Главным же последствием визита Султана к Глауи было то, что необычайно возрос престиж этого феодала, и именно при дворе, где жизнь течёт совсем не так, как в горных крепостях... Хотя при жизни Султана Мулая Хассана особо ничего во дворце не происходило, и Марокко, находясь в двух шагах от Европы, казалось таким же далёким и непонятным, как и Китай. Но с приходом к власти Азиза во дворце начались расточительные и безумные празднества, что, несомненно, быстро приближало старое королевство к краху...

Но если бы Абд эль-Азиз был столь же кровавым правителем, как и его предки, от-

личавшиеся особой жестокостью, то о нём говорили бы меньше, да и, может, молчали бы вовсе, но его имя было связано с другого рода скандалами. И хотя они были куда более невинны, чем истребление целых племён, но с достоинством Шерифа – верховного главы государства – несовместимы. В его дворцах – и в Марракеше, и в Фесе – устраивались фейерверки, совершались велосипедные прогулки с дамами из гарема, увлекались фотографией, механическими пианино и всякими другими сумасшедшими новинками, которые покупались по немыслимым ценам на рынках Европы... Отчаявшись выслушивать рассказы о всех этих нововведениях в жизни Султана и сумасбродствах его двора, некоторые берберские племена возмутились и стали прислушиваться к голосу Бу Хамарни – одного из новомодных учителей Корана, который призывал верующих восстановить «порядок в исламе», его «изначальную чистоту» и заставить повсюду торжествовать справедливость...

И Глауи, конечно, поспешил в Фес к Абд эль-Азизу на помощь. Экспедиция была неудачной. Его войско разгромили под Газой, самого его трижды ранили, и его продвижение в Фес было приостановлено. Ему пришлось бежать в Алжир, где французские офицеры приняли его и посоветовали вернуться в Марокко морским путем, через Оран и Танжер. Когда Глауи вернулся, наконец, в Фес, то надеялся, что его услуги, его ранения, его опыт в разрешении трудных военных ситуаций как-то будут вознаграждены. Но он не принял во внимание ревность своего соперника, богатого феодала Тази, выходца из еврейской семьи, принявшей ислам, который управлял тогда в Фесе всеми государственными делами.

Достаточно было видеть их рядом пять минут – Омара Тази, который был доверенным лицом Султана Азиза и устройтелем всех его оргий и удовольствий, и Глауи, чтобы понять, что эти два человека никогда не договорятся между собой...

...В этих двух персонажах сконцентрировались прямо противоположные жизненные концепции: одна – достаточно зауряд-

ная, но дальновидная и во многом осведомлённая, а другая – тоже исполненная эгоизма и личных амбиций, но решительная, отважная, казавшаяся способной очистить достоинство монарха от всех низостей и мерзостей жизни...

И вот в течение пяти месяцев Глауи, исполненный достоинства и чести, гордец, привыкший к тому, что люди в его горах прибывают к нему из самой глуши по первому его зову, чтобы поцеловать его колено, должен был сейчас жить при дворе этого исламизированного еврея, опьянённого своей властью и дворцовой роскошью, всем этим новомодным люксом, который позволял и ему, и его Султану жить, ни о чём не думая, среди своих многочисленных рабов. Раздосадованный Си Мадани Глауи, не получив взамен своей преданности то, на что рассчитывал, и удовольствовавшись какой-то ничтожной суммой денег в качестве вознаграждения, отправился в Марракеш.

В то время там жил в качестве вице-короля юга Марокко один из братьев Абд эль-Азиза – Мулай Хафид, по прозвищу «Паршивец». Он действительно был покрыт лишаём, но впридачу был хитроумным и злобным. Он вёл жизнь весьма скромную в давно обветшалом дворце – удел многих сыновей и братьев султанов. Без денег и без влияния он выглядел весьма убого в сравнении с богатыми феодалами Атласа. Но его ум и теологическая эрудиция, его таланты филолога и поэта стоили ему некоторых заслуг в среде людей образованных не только в городе. Его знали и в народе как приверженца религии – он умел порассуждать на божественные темы, хотя, быть может, сам по себе был человеком, меньше всех верующим в Аллаха во всём Магрибе. Он был к тому же жестоким, беспощадным, очень завистливым по отношению к своему брату и с трудом переносил свою ситуацию, поддерживая вокруг Марракеша все непокорные Султану племена. Так что между Фесом и Марракешем было пространство беспокойное. И когда Глауи и этот неудовлетворённый своим состоянием брат короля оказались рядом в какой-то убогой комнатёнке

дворца, расположенной рядом с конюшней, где Хафид назначил Глауи аудиенцию, то картина стала ясной. Восемнадцать месяцев они вели свою интригу против власти Султана в Фесе. Хотя вокруг этого заговора царило немало выдумок и лжи. Вообще – это нелёгкий труд, писать правдивую историю Марокко! В этой стране не только много говорят о всяких «подозрительных вещах», но и много молчат. Поэтому расспрашивать кого-то о каких-то событиях, в которых человек участвовал – не значит получить о них реальную информацию. Вас пригласят на обед, угостят самыми изысканными блюдами, напоят сладким чаем с мятой, займут болтовнёй, разговорами, уверениями в дружбе... А время идёт и идёт и идёт. А вы ещё ничего не узнали толком о том, что вас интересует... А вскоре вы вообще можете понять, что ваш вопрос не имеет никакого эха, и вам лучше помолчать. Да и вообще здесь излишняя любознательность всем портит аппетит... Так вот и уходишь из гостей, ничего не узнав толком. А хозяин поскорее забудет, зачем к нему приходил гость...

Да и потом в Марокко, как и везде на Востоке, прошлое – это прошлое, и о нём вспоминать не любят. Интересует всех день сегодняшний... Кажется, что марокканцы говорят: «Зачем тебе все эти давние истории? Мы о них уже забыли... Кушай себе на здоровье вот эту курочку с лимоном и оливками, радуйся моменту, в который живёшь, и не думай о бесполезном!» У них есть, конечно, у марокканцев, своя логика, но от нас она часто ускользает...

...Си Мадани не был человеком красноречивым, голос его был хриплым, и говорил он невнятно, словно жёлтые зубы, плохо сидевшие во рту, мешали ему. Но у него были ясные мысли и дар убеждать слушателя, а главное – ни с кем не сравнимый опыт ведения политики на юге страны. Несколько месяцев его восточный гений работал над тем, чтобы собрать под свои знамёна тех феодалов Атласа, которых разъединили зависть, злоба и жажда денег. И Хафид не сразу поверил ему. «Паршивец» долго присматривался к человеку, который подталкивал его

к тому, чтобы захватить власть. Он постоянно выманивал у Глауи деньги, считал его несметно богатым... Случались между ними и раздоры, и вспышки недоверия... Тогда Хафид посылал своего делоправителя к Мадани с уговорами и извинениями. Тот во время своего пребывания у Хафида жил в Касбе Иминзат на склоне Атласских гор. Отсюда Глауи внимательно следил за всем, что происходит в Европе, приказав переводить ему ежедневно все парламентские дебаты в Париже и выступления Жореса...

Посланец Мулая Хафида (тот самый ставший мусульманином еврей) обычно получал от Мадани Глауи немалую сумму денег (в долг Мулаю Хафиду!), которую обменивал потом на обещания своего господина поделиться частью урожая ячменя или пшеницы или просто апельсинов или оливок...

...В ту среду августа 1907 года в маленьком, ещё никому не известном тогда порту Касабланка несколько европейцев, работавших на рейде, были убиты; в ответ французские моряки, высадившиеся на берег, завладели городом. Хафид, которого сразу же предупредили об инциденте, встретился с Глауи под предлогом вместе поохотиться в горах... А в пятницу он уже собрал в своём дворце знать, религиозных деятелей и вождей племён, на которых рассчитывал. Было устроено чтение каких-то писем (может быть, фиктивных), в которых люди с побережья обращались к Хафиду с просьбой помочь им... Потом Мадани Глауи заявил, что безумный Султан Абд эль-Азиз был только тенью истинного правителя, абсолютно неспособной управлять своей страной, и что он давно готов продать Марокко христианам, и что только Мулай Хафид сможет избавить страну от попадания в иностранную зависимость... Но никто из ассамблеи не решился проявить инициативу свергнуть Султана. Нотабли заметили, что выборы Султана – дело представителей ислама, улемов, и что религиозные деятели свалят свои обязанности на вождей племён, а те не хотят ни о чём слышать... Тогда, повернувшись к своим верным людям, повстанцам-партизанам, которые боролись с не-

покорными племенами с оружием в руках и которых он сейчас привёл сюда с собой, Глауи подал им знак. И те в один голос воскликнули, обернувшись к Хафиду: «Долгой жизни Господину!» – эта формула означала приветствие, которое предназначалось только королям.

Однако Мулай Мустафа, первый судья Марракеша и шурин Азиза и Хафида, объявил, что не подпишет бумагу о смещении Султана, полагая всё это незаконным и противоречащим правилам ислама. Завязалась дискуссия, и Си Мадани Глауи стал заклинять его, называя предателем, прислужником христиан и угрожая убить его, если он будет сопротивляться подписанию указа о свержении Султана. Заговорщики обнажили ему голову, схватив за капюшон плаща, и выхватили ножи. Но Глауи, не теряя самообладания, бросился на Хафида и сжал его в объятиях, словно защищая от ударов кинжалов, которые предназначались судье, дабы не пролилось ни капли королевской крови...

К счастью, настал полдень. Муэдзин призвал всех к молитве. И это прекратило ссору. Все ушли в мечеть, которая стояла рядом с дворцом. Один из судей Марракеша, менее щепетильный, чем Мустафа, совершил молитву, которую обычно произносят от имени Султана, но ошибся именем, и вместо Азиза произнес имя его брата – Хафида. По выходу из мечети над его головой развернули бархатный зонт – символ всевластия. И с этого момента в Марокко стало два Султана.

Три месяца спустя Хафид и Глауи входили в Фес в сопровождении сорока тысяч всадников. В то же самое время султан Абд эль-Азиз шёл на Марракеш со своим войском, пушками и французскими военными инструкторами. Хафид послал Глауи на переговоры с братом, потому что видимых оснований для ареста Азиза не было. Но судьба распорядилась так, что случилось нечто другое, как это может произойти только в Марокко.

В то время как Глауи продвигался навстречу Султану, озабоченный не только его, но и своей судьбой, он заметил, что

войско Азиза рассеялось без боя. Случилось какое-то чудо, и несколько тысяч ещё вчера отважных солдат, готовых сражаться за своего короля, вдруг превратились в горстку пыли. Как это происходит в Марокко, никто не может объяснить. Но здесь ничего нет ни вечного, ни прочного, ни надёжного. Ни чувств, ни дружбы, ни ненависти. Вообще ничего...

Вот и однажды утром Абд эль-Азиз оставил свой военный лагерь и отправился со своим войском атаковать всадников из племени Айяди. Султан, его визири и военные французские инструкторы приготовились увидеть разгром армии неприятеля, разбомбить из своих пушек тридцать или сорок палаток лагеря противника. Не было дано ещё никакого приказа, как кавалерия бросилась атаковать палатки, окружив их. Раздалось несколько выстрелов. Султан послал разведчиков узнать, что произошло. Они вернулись, трепеща от ужаса, сообщив, что вся кавалерия разгромлена! Но вскоре всадники возвратились восвояси, и пули стали свистеть вокруг Султана. Артиллерия и кавалькада бежали. Визири быстро покидали лагерь на своих мулах. Около Азиза остались только его чёрные рабы и французские инструкторы, которые начали быстро подбирать боеприпасы и складывать их в поклажу на мулах. С каким невыносимым хладнокровием Азиз сообщил: «Нас предали!» И отдал приказ свёртывать лагерь. С Султаном остались только его верные чёрные рабы, которые убегали вместе с ним, меняя ему каждые двести метров свежих лошадей... А в лагере, брошенном Азизом, начался разбой, мародёрство, были разбиты и разобраны ящики с боеприпасами, разрезаны кинжалами палатки визирей, чтобы унести из них всё, что осталось... Азиз добрался до своего султанского шатра, посадил всех женщин своего гарема на мулов и в окружении верных своих негров и французских инструкторов, в кафтане, прошитом семнадцатью пулями, покинул местность, куда приехал сражаться. Он был без армии: все солдаты остались продолжать грабить недограбленное. Ночью беглый Султан остановился под фи-

никовой пальмой, сделал какое-то укрепление из сёдел и матрасов, чтобы хоть как-то обеспечить отдых своему гарему, потом сел под пальму и спокойно сказал французскому офицеру, который и пересказал мне все эти события: «Сегодня утром я ещё был Султаном и назначал вождей племён. Сейчас, вечером, я стал простым человеком, как и все остальные: такова была воля Аллаха!»

В течение двух месяцев Си Мадани Глауи, обосновавшись во дворце Ба Ахмеда в Марракеше, жил привольно и беззаботно, увеличивая своё состояние, повсюду устраивая своих родственников. И, возможно, именно в это время, на пике его фортуны, приходит к нему мысль вообще не возвращаться в Фес и провозгласить здесь, на юге, свою не зависимую ни от кого власть.

Хафид, брат несчастливому Султану, по природе своей человек подозрительный, да ещё и озабоченный своим будущим, лучше, чем другие, знал личную отвагу и предприимчивость своего визиря Глауи. Он много раз просил его прибыть к себе, в свой фесский дворец. Но всё напрасно. Тот долго не появлялся. Но вот, в один прекрасный день, Глауи решился. Он пересёк всё Марокко с эскортом не менее пышным, чем султанский, появился в Фесе и устроился в одном из богатых домов, которые он когда-то конфисковал у семейства Тази...

...С этого момента его история – это история приключений великого визиря, подобная многочисленным арабским историям. В течение долгих месяцев или даже лет он менял вождей племён, манипулировал людьми по своей прихоти. Все богатства королевства стекались в его руки: он их распределял среди верных своих подданных, которым доверял сам, обогащая и их родственников, их семьи, ну, и о себе, конечно, не забывая. Глауи хотел, чтобы его личное окружение жило в роскоши и имело вид могущественный... Он женил сыновей Султана на дочерях своих верноподданных, а самого Султана женил на своей собственной дочери...

Так было до тех пор, пока брат Султана Хафид не стал ревновать Глауи к власти, которой тот обладал, к его богатству и автори-

тету. Султан тоже посчитал всю эту роскошь своего визиря оскорбительной и решил не снабжать его больше таким богатством, которое предоставлял ранее в его распоряжение... И даже, как говорят, Хафид воскликнул: «Пусть Господь сломает ту лестницу, по которой мне помогли подняться!» Так и сделали. Богатства Глауи сильно уменьшили, как и его войско, семью его разорили, а самого оставили в тени, сохранив его жизнь: лучше так, чем тюрьма... Вот такова была история Си Мадани Глауи.

Отвергнутый своим Господином, повергнутый в своём величии, покинутый всеми, как это принято на Востоке, когда ты терпишь крах, Глауи жил несколько месяцев в полном уединении в Марракеше. Как вдруг пробил час нового Учителя Веры, или, как здесь говорят, «хозяина времени», какого-то «сына колдуна», называвшего себя «магом» и «чародеем», – Махди Эль-Хиба, т.е. почти нового пророка, появившегося на границе пустыни и Атласа и шедшего в Марракеш, дабы провозгласить себя новым Султаном. Хиба предложил Глауи начать священную войну против «неверных», против христиан. Но Глауи не верил этому «пророку на час», этому «хозяину времени»! Уже во время своего пребывания в Фесе он прекрасно понял, что Марокко больше не может управлять своим народом самостоятельно, что ему нужен иностранный протекторат. Он отклонил предложение Хибы стать его главным визирем, попросил его не причинять никакого ущерба французам, которых тот взял в заложники и держал в тюрьме, и в течение трёх недель, пока длилось это эфемерное царствие Мага и Чародея, Глауи и его брат Хадж Тами посылали людей два раза в день в тюрьмы кормить французских узников.

...Но вот, наконец, и можно подвести жирную черту под итогом последних лет жизни главного феодала Атласа, черту, связавшую его личную историю с историей столь далёкой от берберского сеньора Франции.

2 августа 1914 года генерал Ламот, французский командующий марракешским регио-

ном, собрал всех «сеньоров Атласа», чтобы сообщить им, что началась война между Францией и Германией, и он хотел бы знать намерения этих марокканских правителей. Надо сказать, что это была трагическая минута ожидания ответа. В городах Марокко стояли, правда, небольшие военные гарнизоны; но вокруг простиралась необъятная и плохо понятная страна, очевидно, враждебно настроенная к французскому присутствию; страна, где племена исторически преданы своим феодалам, которых мы, французы, едва знали и были вовсе не уверены в их преданности и верности нашим целям. И если они нам скажут: «Нет! Мы не будем воевать на вашей стороне!», – то нам будет нужно покинуть по меньшей мере половину территории страны. Другая будет немедленно во власти немецких эмиссаров, которые подвигнут и все другие племена к восстанию. Словом, мы были в руках тех, кого пригласил на встречу генерал Ламот. Что они решат?

Си Мадани Глауи взял первым слово, как это он сделал тогда, когда захотел опрокинуть власть Султана Абд эль-Азиза. И тогда было много сомневавшихся в его словах, но и сейчас их было не меньше, ещё более обеспокоенных и нерешительных. Выступал Глауи недолго. Этот человек, который заставлял переводить для себя все самые крупные европейские газеты, имел весьма ясные идеи о том, что сейчас происходило во Франции, с какими силами придётся мериться этой державе, и ему было известно всё, чем мы рискуем... «Но вопрос, – как сказал он, – сейчас не о том, кто станет в этой войне победителем или побеждённым. Подписывая акт о протекторате, Марокко так или иначе уже присоединилось к судьбе Франции. И сейчас настало время либо доказать свою преданность, либо предать свою же политику».

Выражали ли его слова истинные чувства тех, кто слушал его? Да и сколько других феодалов прислушивалось к совсем другим голосам? Но тон, в котором говорил Глауи, был столь твёрд и решителен, что остальные просто промолчали. Все только кивнули головой.

Таким образом, Глауи наметил для всей протяжённости войны, какой бы длительной она не была, общую позицию великих сеньоров Атласа.

В тот же день он заставил прийти к себе всех своих родственников, находившихся в Марракеше, и высказал им своё решение оставаться верным французам. Один из членов семьи предложил попросить у французоз вознаграждение побольше, чем те выдадут им за такого рода услуги... На что Глауи своим тихим, глухим голосом ответил, что если в его семье кто-то недоволен существующим положением дел, то в Телуэте есть тюрьма, откуда ещё никто никогда не убегал...

Глава XVII. Смерть Глауи

[Из главы XV: В борьбе за объединение Марокко вокруг Франции погиб сын Глауи Абд эль-Малек, который сражался с непокорными племенами, возглавляемыми берберским вождём, противником Глауи. Смерть сына приблизила кончину самого Глауи. Ему выразил свои соболезнования генерал Ламот, командующий французским гарнизоном в Марракеше, сказав, что Абд эль-Малек «погиб как истинный герой, сражаясь за Королевство». Но все поняли, что это означало: сын Глауи погиб за дело Франции].

...Французы уже боялись продвигаться в глубь страны, в горные ущелья, где оставалась горстка отважных людей, решивших до конца защищать армию. Надо было возвращаться и терпеть заново всю эту чудовищную жару, трудности горных переходов на лошадях... Не самые лучшие воспоминания о малознакомой стране...

Тоскливо я вспоминаю об этом на горном, открытом солнцу плато, где мы расставили свои палатки и где единственным нашим развлечением было вытряхивать камешки из ботинок и смотреть, не застряли ли в них скорпионы... И тут внезапно за мной прислали самолёт. Я должен улетать... Солдаты и белые палатки, ведь лагерь остаётся внизу, похожи на маленькие коробоч-

ки, расставленные на огромном столе... С трудом замечаю мулов и лошадей, привязанных гривами к верёвкам... Вскоре следы всякой человеческой жизни исчезают из виду. Справа и слева по борту самолёта я вижу только цепи гор... Но воздушный коридор, по которому мы летим, пролегает над гладкой долиной красивого оранжевого цвета, где холмы и овраги образуют выступы, подобные складкам на муаровой ткани.

Потом горы расступаются, и под нами – огромное плато, которое я не узнаю с высоты, хотя ещё вчера пересекал его на своей лошади. Перед глазами что-то похожее на анатомический рисунок с артериями, мелкими сосудами, большими венами... Об этом можно прочесть в книгах по истории арабского искусства ирригации, которая казалась в прошлом, в Испании, где они господствовали, чужой, а вот здесь, под самолётом, у меня перед глазами – живая реальность... Повсюду ручьи, родники, русла речушек, каналов – всё великолепие воды, журчащей и звенящей, чтобы привести сюда жизнь, в это безлюдье и безжизнь горных массивов. Это – плоды необыкновенных человеческих усилий, работы ума и рук, в которых отдаёшь себе отчёт только тогда, когда оказываешься на бесплодной земле, где выросли оливковые плантации, сады, поля пшеницы, где зеленеют поляны с травой, которая потом понадобится, превратившись в сено, на корм скоту; сейчас она была, по обычаю страны, мелко нарублена и сохла на солнце, сияла, как драгоценные камешки, как золотые монетки...

Огромные окружавшие оазис пальмы казались сверху многочисленными иголками, воткнутыми в землю. Издали был виден и сам Марракеш, в таком же пальмовом наряде, и даже были видны белые крыши его домов и дворцов, и внутренние их дворики, и казалось, что вот-вот мы увидим в них всю скрытую от чужих глаз тайную жизнь ислама. Но как только самолёт стал снижаться, страницы этой книги словно внезапно захлопнулись перед нами, рассеяв иллюзии, и, коснувшись земли, мы перестали быть небесными птицами.

Въехав в город, я увидел огромную толпу. В этот ранний час – а было всего девять – эта толпа могла означать только одно: собравшихся на похороны. Здесь были и пешие, и всадники, но такое количество людей говорило о том, что хоронят какого-то очень важного человека. Кто мог бы подумать, что речь шла о Глауи!

Умер он рано утром. Несчастливая судьба сына разрушила в старике всё то, что ещё как-то теплилось в нём... Он собирался посетить могилу сына в Демнате, где тот был захоронен, и поехал на автомобиле. По возвращении Глауи лёг на матрас в уголке своего дворца, пролежал на нём два дня, плохо себя чувствуя, но никто и не подозревал, что он умирает. Рядом, в соседней комнате, чтения вслух, громкими голосами, читали разные суры Корана, – таков уж обычай: если Священную книгу успеют дочитать до конца, на дом снизойдёт благодать...

Но ночью состояние Глауи ухудшилось. Сбежались его братья, уселись рядом с его ложем. И только успели они разместиться, как Глауи отдал богу душу. Было 4 часа утра...

Над его телом читали похоронные молитвы. Но в доме совершалась обычная для богатых исламских семей суэта, хотя и тайная и невидимая: нетерпеливые наследники, дальние родственники, приближённые и рабы, слуги и все, кто находился в доме, делили наследство, можно сказать, грабили, присваивая то, что попадалось под руку: золото, драгоценности, предметы роскоши, закрытые, спрятанные в тайниках, шкафах и сундуках. Кто сопротивлялся этому расхищению? Обычные законы наследования не работают в семьях такого уровня! У Атласских сеньоров своё право. Женщины, дети, слуги покойного, бессчётное количество рабов просто делают то, что позволяют себе самые «смелые» родственники! И все эти рыдания, взрывы безудержного горя или наоборот, глубокого безразличия, всё тонет в главном: кто-то из слуг обязательно укажет, где расположены тайники, потихонечку снабдят кого-то ключами, кто-то устранил свидетелей, людей

«неудобных», кто-то заранее проявит благосклонность к тому, кто придёт на место усопшего; но главное – это быстренько и незаметно прихватить то, что можно унести под плащом, спрятать под кафтаном, засунуть куда-нибудь поглубже.

Вот что здесь и происходило ранним утром. И среди сотен людей, населявших огромный дворец Глауи, искренне заплакала только одна старая рабыня, которая принесла ему поднос с чаем и узнала, что хозяин её мертв.

Она бросила поднос с чашками и серебром на землю, упала сама, задыхнувшись от слёз и умерла посреди расколотого фарфора...

Ещё не прошло и пяти часов с момента смерти Глауи, как весь город уже был на ногах и рвался побыстрее проститься с его прахом. Ведь человеческий труп – по понятиям исламской религии – вещь нечистая, и от неё должно, особо не медля, избавиться, чтобы она не осквернила весь дом... И тело Глауи унесли в мечеть Мулая Слимана... Затерявшись среди огромной толпы, медленно текшей по узким улочкам города, я был далеко от начала кортежа, и только изредка до меня доносилось пение похоронных молитв имамами, которые шли во главе этой процессии, приближаясь к мечети.

Эта мечеть Мулая Слимана, куда несли для захоронения тело Глауи, была расположена в глубине одного удалённого квартала Марракеша. К ней вели темные, молчаливые улочки, тупички, проходы под сводчатыми арками, дворы с фонтанчиками, увитые виноградной лозой... Здесь почти не было магазинчиков, лавочек... Разве что несколько негрятенок торговали свечами, сахаром, мятой и чаем. Изредка встречались красивые дома, где жила крупная буржуазия. Словом, месторасположение мечети находилось в очень старом мусульманском квартале, далёком, уединённом, достаточно пыльном, куда европейцы и не заходят, боясь заплутать...

Глауи сам выбрал для себя место захоронения. И как же этот выбор соответствовал чувствам умершего! Этот знатный бер-

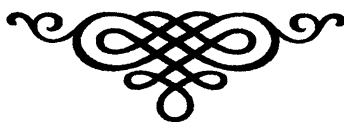

берский сеньор после стольких жизненных приключений стал другом Франции, скрепив свой союз с ней кровью погибшего в бою за объединение Марокко своего сына Абд эль-Малека. По видимости, наша цивилизация привлекала его. Он во многом заимствовал наши новейшие достижения и изобретения. Его дворец сиял электричеством, он пользовался телефоном; у него было несколько автомобилей. И в заснеженных горах и цветущих долинах, где были его дворцы, часто звучало фортепиано!.. Но всё это не помешало ему выбрать самую удалённую в городе мечеть местом своего захоронения – подальше от чужеземцев...

Ну, вот уже и прошло две недели, как я покинул Марракеш. Я часто вспоминаю его «сумасшедшую» площадь со всеми её фокусниками, факирами, заклинателями змей, с восточным базаром... Вспоминаю и роскошные дворцы, и бедные хижины, и руины. Но чаще всплывает другой образ, странный довольно... По возвращении с похорон Глауи, войдя в сад арабского домика, где я жил, я заметил в глубине аллеи старую негритянку, которая обычно носила воду из колодца.

Присев на корточки, она вела беседу с растениями, которые должна была поливать. Неожиданно, хотя и медленно, она начала выпрямляться и стала заклинять цветы подняться из земли вместе с ней... Послушные цветы расправляли свои стебли, вырастали, дотягивались до её губ... Она уже стояла во весь рост и целовала их... Показалось ли ей, что кто-то за ней наблюдает? Обернулась, заметила меня, смутилась, что её застали врасплох, и скрылась в соседней аллее... Унесла вместе с собой свою странную старую душу, похожую, как мне показалось, на тот тёмный, глубокий и тесный квартал, который выбрал для себя могущественный берберский сеньор с Атласских гор, чтобы остаться в нём навечно...

Почему же этот образ старой негритянки, взывавшей к духам земли и заклинявшей цветы расти всё выше и выше, приходит мне на память всякий раз, когда я вспоминаю Марракеш? Не знаю, но это, как все запахи, краски и звуки прошлого, где-то глубоко застрявшие в моей душе, тайно запечатанные в ней, вдруг оживают в моей голове, наполняют её видениями и чудом оживляют навсегда ушедшее из жизни время...

В.В. Беляков

КРЕЙСЕР «ПЕРЕСВЕТ» И ЕГО КОМАНДА

Спустя почти сто лет после гибели возле Порт-Саида «Пересвета» 4 января 1917 г. в Египте вновь вспомнили о русском крейсере. В январе 2014 г. крупнейшая каирская газета «Аль-Ахрам» опубликовала интервью с Эззатом Хасаном, чей покойный отец был специалистом по поиску затонувших у берегов Египта кораблей. По словам Хасана, на «Пересвете» была статуя Иисуса в полный рост из чистого золота, а также 10 тысяч золотых монет – зарплата экипажа. Уже вскоре после гибели крейсера и позже его пытались обследовать, но всякий раз неудачно. Хасан предложил, используя добрые отношения Египта с Россией, организовать совместную экспедицию по подъёму «Пересвета» и утверждал, что, благодаря документам своего отца, он может точно указать местоположение крейсера¹.

В нашем распоряжении есть подборка документов из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), проливающих некоторый свет на судьбу «Пересвета» и его команды. Но сначала – коротко о самом крейсере и о том, как он попал в Египет.

«Пересвет», вступивший в строй в 1901 г., был построен как эскадренный броненосец водоизмещением 12674 т, экипаж – 24 офицера и 736 матросов. 7 декабря 1904 г. он затонул на внутреннем рейде Порт-Артура от попадания японского снаряда, был поднят японцами и назван «Сагами». В 1916 г. Россия, нуждавшаяся в укреплении своего северного флота, выкупила «Пересвет» (а также крейсер «Варяг» и броненосец «Полтава»). 6 апреля 1916 г. он был зачислен в класс крейсеров и отправился в долгий путь из Владивостока в Архангельск, сделав в декабре длительную остановку в Порт-Саиде².

А теперь перейдём к документам.

1. А.А. Смирнов³ – Н.Н. Покровскому⁴, 3 января 1917 г. (здесь и далее даты указаны по ст. ст. – В.Б.)

Линейный корабль «Пересвет», около трёх недель простоявший в Порт-Саиде на пути с Дальнего Востока, снялся 22 декабря после четырёх часов пополудни и вышел из канала, направляясь на Мальту, под эскортом британского судна «Нигелла», но в 10 милях от берега, через час после выхода (в 5.15 вечера), он был взорван и потоплен. При рано наступившей темноте и при очень свежем ветре спасение утопающих являлось делом далеко не лёгким и выполнено было с самоотверженностью как британскими конвоирами, так и тремя французскими траулерами, находившимися поблизости. Из 800 человек команды⁵ 720 было спасено, из числа офицеров погибли шестеро⁶. Между спасёнными 140 человек ранено, обожжено и контужено при взрыве или изувечено в воде плававшими в ней обломками. Командир и старший офицер спасены после трёхчасового пребывания в воде. Все спасённые были помещены в Британском военном госпитале. <...>

В местных газетах ничего не было упомянуто об этом печальном событии, хотя, будучи принесено сюда из Порт-Саида и быстро здесь распространившись, это ни для кого не представляет тайны.

Под вечер (23 декабря) я присутствовал на похоронах трёх матросов, скончавшихся от полученных ими ожогов и ран⁷. В следующую ночь умерло ещё двое...

На другой день я посетил госпиталь и обошёл всех раненых. Между офицерами есть один гардемарин и лейтенант Зарин с лёгкой раной, да несколько человек, сильно простуженных от 2-3-часового пребывания в холодной воде. Но среди команды много очень тяжёлых случаев с обожжёнными лицами и телом, с поломанными руками, ногами, с разбитой грудью.

По мнению командира «Пересвета» капитана I ранга Иванова-Тринадцатого⁸, наш линкор погиб от нападения подводных лодок.

Старший офицер говорит, что он не может высказать определённого суждения: возможно, что корабль наткнулся на мину, тем более что немцы ставили минные заграждения у выхода из канала и пускали плавающие мины. За последние две недели было выловлено в этом месте более 15 мин⁹.

После трёхдневного пребывания в Британском военном госпитале в Порт-Саиде здоровая часть команды «Пересвета», временно помещённая там после потопления корабля, была отделена от раненых и больных и в количестве пятисот человек с лишком переведена в лагерь, разбитый почти в черте города, в палатках.

АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 876. Л. 309–315. Машинописный оригинал.

2. Рапорт комитета команды погибшего крейсера «Пересвет», находившейся в Бресте, господину Военному и Морскому министру товарищу Керенскому¹⁰, 21 июля 1917 года, № 18.

Команда погибшего крейсера «Пересвет», возвратившаяся из Бреста в Россию, просит Вашего, господин министр, разрешения доложить Вам вкратце о том, как прошла наша жизнь после гибели корабля, и есть ли наша вина в том, что, измученные и усталые, больные духом, а многие из нас и телом, мы не могли спокойно работать в Бресте и стали требовать нашего возвращения в Россию.

После гибели «Пересвета» вся команда, подобранная из воды, была доставлена в английский госпиталь в Порт-Саиде. Здесь каждому из нас выдали следующие принадлежности английской военной формы: 1 мундир, 1 брюки, 1 фуражку, 1 ботинки, из которых некоторые были рваные, 1 рубашку, 1 кальсоны, были выданы не всем, 1 носки, 1 подтяжки, 1 полотенце, 1 носовой платок, тоже не всем, 2 старых одеяла и столовые приборы. После двухдневного [пребыва-

вания] в госпитале здоровая команда была переведена в палатки по 10 человек, первое время просто на голом песке. Потом нам купили подстилок циновок, но их на всех не хватило. Да и те, которые были, быстро приходили в негодность и не могли служить достаточной защитой от холодной почвы. Ни простыней, ни подушек нам не дали, так и спали – одно одеяло на землю, другим покрываться, а под голову кулак. В песке и грязи, с одной сменой белья, грустно влачили мы своё печальное существование, дожидаясь отправки к новому месту службы.

Полученные предметы обмундирования скоро сносились, и больно было смотреть в городе [на] гуляющего оборванного русского матроса, особенно в сравнении с чисто одетым английским солдатом. Обращались мы с заявлением о своей нужде к своему начальству, но результаты иногда получались неожиданные. Так, однажды, когда наши товарищи, которым попалась рваная обувь, обратились с просьбой о замене к ревизору старшему лейтенанту Тарасенко-Отрошкову, то вместо удовлетворения они попали на несколько часов в палатки. Бывало такое и при заявлении других подобных просьб. Но в конце концов даже крепкие сердца командира и ревизора не выдержали при виде нашей нищеты, и месяца через 1½–2 нашего пребывания в лагере они решили подновить наш гардероб. Были заказаны и выданы нам по одной рубашке, 1 кальсонам, которых опять-таки хватило не на всех, да и сшиты-то были как на мертвецов, 1 пара носков, 1 полотенце, 1 наволочка, для набивки которой была предложена солома, по единодушному свидетельству команды совершенно не годная. Кроме перечисленных предметов было выдано: на 10 человек одна баночка ваксы, 1 иголка и на 30 человек одна катушка ниток. Полученное раньше от англичан обмундирование за 1½ месяца непрерывной носки испортилось совсем, выдано дополнительно недостаточно и плохого качества, и русский матрос так и остался чуть не голым, забытым своим начальством. Не видели мы, чтобы командир наш принимал какие-либо меры к скорейшему удовлетворению закон-

ных наших нужд и отправки из Египта. Даже жалованья своего мы не получали долгое время, лишь в исходе второго месяца нам как нищим было выдано ревизором по два шиллинга на брата. Не имея ни денег, ни кредита, мы не могли себе купить ни мыла, ни табаку и молча терпели и холод и грязь. Но пришла революция, и мы почуяли свободу своего права требовать законное, обратились к командиру капитану 1-го ранга Иванову-Тринадцатому с требованием удовлетворить нас чем полагается. На другой же день в лагерь явился ревизор с деньгами и начал было давать команде по списку снова по 2 шиллинга. Но команда категорически отказалась от такого удовлетворения. Ревизор собрал тогда команду и спросил: сколько же вы желаете? 5 или 10 шиллингов? Причём говорил, что если выдать даже по 1 фунту стерлингов, то у командира мало останется. Но команда не удовлетворилась предложенным, и на этом разошлась. На другой день пришёл утром командир и вызвал делегатов в палатку, стал убеждать их отказаться от выставленных требований. Он говорил, что не может выдать жалованья, так как не имеет положения. На это делегаты заявили, что команда с помощью баталеров сумеет восстановить точные оклады и без книг. Тогда командир стал ссылаться на отсутствие денег, говоря: я получил лишь 150,000. Я думал, что англичане подарили нам обмундирование, а мне пришлось заплатить за эту сволочь 40,000; впереди предстоит отправка раненых и больных во Владивосток, и тому подобное. Как наибольший размер возможности выдать командир предложил по 1 фунту стерлингов, кроме того, командир говорил, что сам поедет с нами в Россию и там лично поможет нам в скорейшем удовлетворении всех наших законных требований. Но делегаты твёрдо стояли на своём. Тогда командир сказал, что будет телеграммой просить в Петрограде разрешения удовлетворить команду полностью, ручаясь через 8 суток дать окончательный ответ. Делегаты согласились ждать телеграммы и не брать никаких авансов. Прошло 8 дней, ответа не бы-

ло, не было его и после. Тем временем начальством употреблялись все меры, чтобы сломить упорство команды и заставить её взять аванс. В команде через верных людей велась агитация в пользу аванса, ревизор при личных встречах старался вручить деньги, пользуясь всяким удобным случаем. Так, например, встретив одного матроса, ушедшего в город без увольнительного наруканика, он ласково спросил его: ты ко мне за деньгами? Но получив отрицательный ответ, набросился на него с руганью за самовольную отлучку. Уйти из лагеря за деньгами самовольно можно было, а пойти погулять преступление. И товарищи послабее, для которых предложенный фунт после долгого безденежного быта являлся слишком заманчивым, шли и брали деньги вопреки общему решению. Так без денег мы и просидели до самого отъезда во Францию, за 2-3 дня до которого командир выдал нам жалованье за время с момента гибели корабля, не боясь остаться без денег.

3 месяца прожили мы в Порт-Саиде, грязные, плохо одетые, без всякого дела, предоставлены самим себе, редко видя своих офицеров, из которых лишь лейтенант Зарин приходил поговорить с нами, почитать газетку, что особенно было нам дорого после революции, когда каждая весточка с родины находила живой отклик в нашей душе. Но вот пришло и желанное время отъезда в Россию. Выясняется, что отправка будет через Францию. Неприятная возможность встретиться с подводными лодками заставляет командира забыть своё обещание поехать с нами в Россию, и, обманув нас, он остался в Порт-Саиде вместе с ревизором неизвестно зачем. Начальником эшелона почему-то назначается инженер-механик капитан 2-го ранга Брунс, которого команда давно уже считала не способным к активной деятельности ввиду его застарелой раны. С первого же дня мы не верили в своего командира эшелона, и действительность скоро показала нам справедливость наших опасений. При переходе Средиземным морем были даже среди команды разговоры, чтобы предложить капитану 2-го ранга Брунсу

сдать командование эшелоном лейтенанту Зарину, офицеру, сумевшему заслужить расположение команды. Но считая такой шаг хотя и желательным, но незаконным, команда отказалась от него.

Приехали во Францию, выяснилось, что остаёмся в Бресте для работы. К нашему начальнику капитану 2-го ранга Брунсу прибавился новый – военно-морской агент в Париже капитан 1-го ранга Дмитриев, а проку от этого не вышло никакого. Горькая жизнь за границей свободного русского гражданина матроса, вручённого попечением представителей царистской ещё России, всё продолжалась. В Бресте, нашем новом месте пребывания, нас бросили в казармы 2-го этажа, где в небольшой сравнительно комнате нас поместили 300 человек, где нары были в 4 этажа, и где на лежавших внизу сыпались грязь и песок с троих, помещавшихся на верхних ярусах нар. Положение ещё ухудшалось благодаря запрещению со стороны французов мыть комнаты водой. Естественно, что при таких условиях грязь развелась страшная и в изобилии появились насекомые. Мы страдали в борьбе с ними, задыхались ночью от духоты и проклиная пославших нас сюда. Французы делали дезинфекцию комнат и матрасов, прибавляли нам помещение и отнимали, но ни одной ночи не провели мы здесь по-человечески. Тот, кто устроил нас в Брест, не посмотрел даже заблаговременно, есть ли помещение для нас, и какое. Говорили мы об этом и начальнику эшелона, и военно-морскому агенту, но получали в ответ лишь отговорки, обещания, ссылки одного на другого, а жить продолжали как свиньи. Помещены мы были на жидкий французский рацион и 22 дня жили впроголодь, получая на стол 1 франк 24 сантим, когда наши солдаты в Бресте же получали 2 фр. 25 сант. И лишь только приступили мы к работам, как нам стали попадаться работы явно частного характера, например, ставить заборы, красить, грузить для частных фирм, причём получали мы те же 10-ть сантим в час, что и за работу казённую. Станным нам показалось, что нас, матросов, Русское правительство заставляет

работать на капиталистов, избавляя от необходимости оплачивать труды в должном размере. Ходили слухи, что мы не обязаны делать такую работу, что это лишь эксплуатация нас Русской миссией в Бресте. Команда волновалась, были случаи отказа от таких работ. Но дешёвый труд русского матроса очевидно был заманчив, и нам тут же на месте работ в таких случаях предлагалась отдельная плата, доходившая до 1½ франка на брата. Факты подобного рода ещё больше вселяли уверенность, что в организации работы в Бресте не всё обстоит благополучно. И лишь когда у нас, как у солдат, бежавших из плена и работавших в Бресте, на почве этих частного характера работ стали возникать недоразумения, военно-морской агент объявил нам, что мы обязаны работать только на погрузке боевых материалов для России. В чью пользу ушла сделанная нами до этого частная работа, так и осталось нам не известным. Производя погрузку, нам пришлось ознакомиться с печальным состоянием многих грузов, отправляемых в Россию. Благодаря преступной небрежности в хранении столь ценных в настоящее время для России, военные материалы гибли и в негодном состоянии отправлялись в Россию. Кровью обливалось сердце при виде этого развала и нервы трепались всё больше.

Привезённые нами из Порт-Саида недовольные требованиями и здесь удовлетворялись либо медленно, часто и совсем не удовлетворялись. Полученное нами французское обмундирование матроса не содержит в себе многих полагающихся нам предметов, в частности постельного белья и подушек. Идёт уже седьмой месяц, а подушек и простынь всё нет. И так всё время. То нам не дают, то вдруг втрое передадут, как это было например с годовым окладом. Не видно было твёрдой знающей руки, которая на основании закона удовлетворяла бы нас. Ни начальник эшелона, ни военно-морской агент не дали нам того, что мы вправе были ждать от них как своих начальников. Агента не заманишь ничем в Брест, начальник же эшелона не ходил в казармы. Во время командировки лейтенанта Зарина в течение

почти месяца мы не видели ни одного офицера. За всё время не было отдано ни одного приказа по команде, говорящего о новом устройстве русской жизни, о правах матросов революционного флота или о каких-либо других вопросах. Все эти обстоятельства всё время давали нам чувствовать, что жив ещё здесь старый режим, выдвигавший людей, лишённых энергии способствовать режиму, от которого интересы матросской массы очень далеки. Особенно ярко почувствовалась давящая близость этого режима, когда военно-морским агентом нам был назначен лейтенант Корнилов, списанный с кр[ейсера] «Аскольд», который с первых же слов своих к команде отрекомендовался сторонником столь бесславно исчезнувшего монархического режима, как желательного в России. Команда, почуяв в нём своего врага, не дала ему договорить, и под свист и крики «Долой!» лейтенант Корнилов должен был оставить собрание. И после этого делегаты команды, бывая в Париже, всегда встречали в агентстве лейтенанта Корнилова, что конечно разрушало последние остатки доверия к агенту, окружённому людьми, выброшенными революцией.

Сильно нервировало нас и ухудшавшееся отношение к нам со стороны французов, что было особенно заметно после установившегося затишья на нашем фронте. В отношении французских брестских властей изменение это особенно ясно сказалось после инцидента с лейтенантом Корниловым, который не постеснялся, идя к нам, просить у французского адмирала гарантии в своей безопасности, что и было ему предложено в виде заготовленного на дворе казармы французского караула. Можно было видеть, что в глазах французов инцидент с лейтенантом Корниловым был освещён как бунт против власти. И префектом Бреста было заявлено бывшему председателю комитета лейтенанту Зарину, что никакие комитеты и собрания не будут допущены и что с командой будут поступать, как с военнопленными, если она не будет повиноваться своим властям. Адмирал просил даже передать нам это. Этой предубеждённостью можно было объяснить резкость меры,

принятой в отношении нас французскими властями, когда часть команды, назначенной на «Аскольд», отказалась ехать впредь до удовлетворения. Мы все были арестованы, и прав, и виноват, и этот арест был снят лишь через 2 дня по просьбе прибывшего военно-морского агента.

Вот каковы были обстоятельства нашей грустной жизни за границей, и вот почему мы, не видя правды от наших властей во Франции, не смогли спокойно работать в Бресте.

Председатель общего собрания: Вл. Орлов.
Секретарь: Логинов.

*РГА ВМФ. Ф. р21. Оп. 1. Д. 27. Л. 35–40
с об. Рукописный оригинал. Подписи – автограф.*

3. А.А. Смирнов – в МИД, 12 марта 1917 г.

Я довёл своевременно до сведения Морского министра сделанное мне через каирского агента Русского общества пароходства и торговли г-на Альшевского предложение итальянской фирмы «Панелли» относительно поднятия и спасения пушек затонувшего около Порт-Саида крейсера «Пересвет»¹¹. Предложение это найдено было выгодным, и мне было поручено Морским министерством заключить с г-ном Панелли контракт, причём для обсуждения технических подробностей последнего выписать сюда из Порт-Саида командира «Пересвета» Иванова. Контракт с г-ном Панелли был мною подробно разработан с капитаном Ивановым и Альшевским. Затем я передал его на рассмотрение одного из лучших адвокатов Каира. <...> Предприниматель готовится приступить к началу работ, которые должны быть окончены в течение 9 месяцев.

*АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 876. Л. 328.
Машинописный оригинал.*

4. А.А. Смирнов – в МИД, 30 августа 1917 г.

Имею честь донести, что работы по поднятию пушек затонувшего броненосца

«Пересвет» до сего времени не были начаты фирмой «Панелли». По прибытии сюда капитана первого ранга Макалинского¹² я посоветовался с ним и решил написать г-ну Панелли о том, что я считаю контракт нарушенным по его вине. Панелли ходатайствует о новой 20-дневной отсрочке. Принимая во внимание, что до сих пор к нам не поступало никаких новых предложений о спасении пушек с «Пересвета», вероятно, вследствие рискованности этого предприятия, мы решили дать эту отсрочку¹³.

*АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 876. Л. 349.
Машинописный оригинал.*

5. Отчёт А.К. Старицкого¹⁴ о работах по спасению крейсера «Пересвет» от 4.7.1920 г.

Работы проводятся итальянской фирмой “Sindicat Angelo Belloni” по условию, заключённому владельцем затонувшего крейсера Э. Павичевичем с означенной фирмой 25 мая 1920 г. в Каире. Павичевич приобрёл затонувший крейсер «Пересвет» от Русского правительства по договору от 28/15 декабря 1918 г.¹⁵, по коему выговорены определённые русские интересы. Работы должны были производиться пароходом этой фирмы “Fortunale” в 300 т. с 5 водолазами и двумя водяными помпами. Водолазы должны были обследовать наружные стены судна, снять с них всё что можно, не нарушая стенки судна. Работы начаты 8.6. (по н. стилю).

За отчётный месяц извлечено 1000 кг меди и бронзы, целый артиллерийский дальномер с ящиком и бронзовым пьедесталом, целая пароходная буссоль, машина и котёл парового катера, одно орудие 75 мм и разные металлические части весом 250 кг, 30 медных цилиндров с ручками для подноса снарядов, кругло 300 кг. Реализовано, т.е. продано, не было.

*АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820. Д. 565. Л. 177.
Машинописный оригинал.*

6. Из письма А.К. Старицкого в Российское дипломатическое агентство в Каире, 6.7.1920 г.

В последнюю неделю, т.е. до 2.7., водолазы вытащили словно в насмешку 13 медных кастрюль и только. Что они там делают? Уж не работают ли они под водой над денежными ящиками?¹⁶

*АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820. Д. 565. Л. 179.
Машинописный оригинал.*

7. Из письма А.К. Старицкого С.П. Разумовскому¹⁷, 29.1.1927 г.

Павичевич сообщил мне, что за 1926 г. им получено чистой прибыли от продажи извлечённой с «Пересвета» бронзы всего 1407 ег. ф. Это есть четверть часть общей выручки от продажи согласно его действующего теперь контракта с фирмой “Nereide”, по которому Павичевич имеет 25% от выручки. Те же имеют 75%, но несут все расходы и риск.

Значит, кругло продано 125 тонн бронзы по 45 фунтов, что даёт общую сумму выручки в 5.625 фунтов. С весны работы возобновятся.

*АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820. Д. 565. Л. 213.
Машинописный оригинал*

* * *

Более поздних документов о «Пересвете» в архиве бывшего Российского дипломатического агентства в Египте нет. Так что неясно, возобновлялись ли работы на затонувшем крейсере в 1927 г., как планировал Павичевич, и если возобновлялись, то как долго они велись и какие дали результаты.

О статуе Иисуса из чистого золота в документах не упоминается, и полагаю, что её существование — не более чем легенда. А вот денежные ящики, вполне возможно, всё ещё на месте. Из-за длительности пути «Пересвета» из Владивостока в Архангельск, необходимости нескольких остановок в портах разных государств для заправки углём,

продовольствием и водой денежные средства хранились, скорее всего, в золотых монетах, а не в ассигнациях. Так что очередная экспедиция к «Пересвету», которую предложил организовать египетский эксперт совместно с представителями России, могла бы не только установить, наконец, причину гибели крейсера, но и дать коммерческий результат.

Примечания

- ¹ «Аль-Ахрам», Каир, 06.1.2014.
- ² *Моисеев С.П.* Список кораблей русского парового и броненосного флота (1861–1917 гг.). М., 1948. С. 56; Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 426.
- ³ Смирнов Алексей Александрович (1857–1924) – с 1908 г. дипломатический агент и генеральный консул России в Египте.
- ⁴ Покровский Николай Николаевич (1865–1930) – министр иностранных дел России (с 30.11.1916 по 04.3.1917).
- ⁵ Сформированная во Владивостоке команда «Пересвета» состояла из 815 нижних чинов (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6417. Л. 35об.).
- ⁶ В списке погибших, составленном ревизором «Пересвета» Тарасенко-Отрошковым, значатся 84 фамилии (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6417. Л. 140–141).
- ⁷ Согласно списку Тарасенко-Отрошкова, всего в госпитале умерли 11 матросов. 13 тел, включая 9 не опознанных, были выброшены морем (РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6417. Л. 139 с об.). Последняя запись датирована 18 января. Всего же на греческом православном кладбище в Порт-Саиде 27 могил русских моряков. Только на одной из них есть надпись: «Лейтенант Иван Иванович Рентшке, старший артиллерийский офицер крейсера “Пересвет”. Погиб 22 декабря 1916 года». Остальные могилы безымянны. В 1954 г. министерство обороны СССР установило скромный обелиск с надписью: «Русским морякам, погибшим на боевом посту в январе 1917 года». 25 февраля 1991 г. в торжественной обстановке с участием моряков с эсминца «Безупречный» были открыты две новые мемориальные доски. Одна, мраморная, – с именами тех, кто похоронен на кладбище, другая, бронзовая, – со списком всех погибших (*Беляков В.В.* Русский Египет. М., 2008. С. 77, 93).

⁸ Иванов-Тринадцатый Константин Петрович (1872–1933) – морской офицер, герой русско-японской войны.

⁹ Значительная часть команды «Пересвета» считала, что крейсер погиб в результате диверсии, и требовала расследования. Была создана специальная комиссия с участием представителей команды. Однако из-за событий в России комиссия так и не завершила свою работу, причина гибели крейсера не установлена. Писатель-маринист Николай Черкашин, автор документальной повести «Взрыв корабля», пришёл к выводу, что «Пересвет» был взорван немецкой агентурой через баталера Палена, немца по происхождению. См.: *Черкашин Николай.* Морское солнце. Сборник. М., 1988.

¹⁰ Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) занимал должность военного и морского министра Всероссийского временного правительства с 3 (16) марта по 1 (14) сентября 1917 г.

¹¹ По свидетельству очевидца, во время длительной стоянки «Пересвета» в Порт-Саиде на него устанавливали новые американские пушки. См.: *Беляков В.В.* Указ. соч. С. 81, 83.

¹² Капитан I ранга Макалинский, военноморской агент России в Греции, был назначен председателем Следственной комиссии по расследованию обстоятельств покупки, плавания и гибели крейсера «Пересвет».

¹³ Фирма «Панелли» работы на «Пересвете» так и не начала.

¹⁴ Старицкий Александр Константинович, инженер путей сообщения, сотрудник Администрации Суэцкого канала в Порт-Саиде. Представлял интересы российской стороны во время работ на «Пересвете».

¹⁵ Неясно, от имени какого «Русского правительства» был подписан договор. Данные о личности Э. Павичевича отсутствуют.

¹⁶ 12 сентября 1920 г. А.К. Старицкий сообщил в Каир, что синдикат «Беллони» лопнул и работы на «Пересвете» прекращены (АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820. Д. 102. Л. 106). В конце мая 1926 г. работы возобновились, но уже другой фирмой (там же, л. 115).

¹⁷ Разумовский Сергей Павлович (1875–1947) – бывший секретарь Российского дипломатического агентства в Египте.

Н.Л. Крылова

ВАЛЕНТИНА РЫКОВА: СТРАНИЦЫ БИЗЕРТСКОЙ ЮНОСТИ

К 95-летию вхождения Русской черноморской эскадры в Бизерту

С Валентиной Ивановной Рыковой мы встретились весной 2014 г. в Швейцарии. Перед поездкой меня предупредили: Валентина Ивановна интервью даёт неохотно. Устала от приукрашивания, преувеличения её слов («Я не Евангелие, чёрт побери!», скажет она позже, во время одной из наших бесед). Тем не менее, встреча состоялась, и с некоторыми её итогами читателю предлагается ознакомиться ниже.

* * *

Валентина Ивановна родилась осенью 1913 г. в Петербурге в семье морского офицера¹. Шестилетней девочкой (как и легендарная Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская) с Черноморской эскадрой попала из революционной России в Африку и провела в тунисском городе-порту Бизерта своё детство и часть юности.

Её судьба сложилась так, что она оказалась свидетельницей не только великих исторических событий XX в., но и событий «в области духа», одним из которых стала встреча русского символизма с антропософией Рудольфа Штайнера². Будучи ученицей Марии Штайнер и близкой знакомой Аси Тургеневой (жены поэта Андрея Белого), Валентина Ивановна много лет жила в уникальном духовном пространстве антропософии – науки, с помощью которой возможно выразить в познавательной форме, понятной каждому человеку, основные черты внутреннего существа души и духовной подосновы истории³. Так что в широком смысле воспоминания Валентины Ивановны – не только автобиографическая хроника этапов собственной жизни, но и своего рода биография культурной эпохи.

На вопрос, почему она не пишет собственных воспоминаний, связанных с Бизертой, Валентина Ивановна лаконично отвеча-

ла, что на самом деле очень много эпизодов их общих с Анастасией Александровной воспоминаний, которые она могла бы воспроизвести в своих текстах, уже вошло в книгу последней⁴. Действительно, как показали наши последующие встречи, стиль воспоминаний Валентины Ивановны несколько аритмичен, что не удивительно: по её собственным словам, всё уже сказано в книге её подруги юности, в воспоминаниях других участников бизертской эпопеи.

Валентина Ивановна вспоминает, что когда замысел Анастасии Александровны начал воплощаться в жизнь, понадобилась мобилизация коллективной памяти, реставрация воспоминаний детства и юности, в которых нужно было навести исторический порядок, а это можно было сделать только вместе – поправляя и дополняя друг друга, уточняя и сверяя. И всё для того, чтобы создать целостный, глубокий и возможно более полный образ своей эпохи и русского в нём присутствия. «Что-то вспоминала Аста⁵, что-то я...». Их воспоминания объединялись и таким образом проверялись на истинность.

Да и никогда Валентина Ивановна не думала серьёзно, что она будет писать, «в отличие от Асты, которая этого очень хотела... И тогда она всё говорила: ну, скажи, что ещё помнишь?.. Мы тоже имена не могли найти многих. Потом находили, спрашивали у кого-то тоже... Таким образом, все эти вещи постепенно приходили. Но это в самом начале было... Всё это я с Астой вспоминала, но не писала». И поэтому, несколько не считая себя соавтором этой книги, она, несомненно, внесла свою лепту в её создание.

В то же время при всём видимом сходстве воспоминаний нельзя не заметить некоторой разницы в восприятии обеими жен-

щинами одних и тех же событий. В устных текстах-воспоминаниях Валентины Ивановны открываются новые бесценные нюансы и детали, дополняющие важнейшие реалии того времени, но уже в ином свете. Её зачастую лаконичные сообщения, дополняющие уже описанные хроники и образы, дают новый материал для размышлений.

Когда А.В. Плотто⁶ готовил свой очерк в книгу «Автографы Бизерты»⁷, он делал это, по его собственным словам, «держа в руках книгу Асты»⁸. В сущности, то же делает и Валентина Ивановна: она поправляет, комментирует, соглашается, спорит и, таким образом, очень разнообразит и обогащает уже известный текст.

Потомкам предстоит сравнить все эти эпохальные свидетельства. Мы же отметим, что автотексты Валентины Ивановны отличаются краткость, даже некоторая сухость в сочетании со стремлением к предельной объективности. Прямолинейная, обезоруживающе честная, она старается быть точной в деталях, но при этом резко отказывается включать в текст банальные обстоятельства, излишне перегружающие повествовательную мелодику.

В то же время слушать Валентину Ивановну необычайно интересно, ибо, обладая талантом рассказчицы, она в своих воспоминаниях твёрдо соблюдает два неперемennых условия повествования: верность исторической правде и нежелание подгонять жизненный материал под какую-либо сюжетную схему, расшифровывать и адаптировать «под читателя».

Духовная же проницательность её свидетельств, наверное, от «посвящённости» в антропософию, в эвритмию, воплощённую в сценическом мистическом искусстве пластически выражать и изображать то, что живёт в душе, исходя из двух фундаментальных антропософских начал – света и тени, бытия и небытия.

И всё же попытки писать были⁹. Но ей претит малейший налёт псевдоромантической лакировки материала или сенсационности в изображении описываемых людей и событий, равно как и двусмысленность мо-

ральных оценок, что, по её мнению, приводит к необратимым качественным изменениям в изложении истины. Кроме того, современная потребность в легендах и мифах об отцах-мучениках столь велика, что, по её собственным словам, «им плевать на истину», которой сама Валентина Ивановна верна все эти годы. У неё жёсткая авторская позиция: «...*Не надо поучать людей! Или люди поняли, а если не поняли, тогда и нечего читать*».

Единственное, с чем не в ладах Валентина Ивановна – это даты. «*Да не помню я, когда это было... И неважно...*». Но это вполне простительно, учитывая её солидный возраст (в позапрошлом году Валентина Ивановна отметила своё столетие). А главное, это несколько не влияет на несомненную познавательность и историческую ценность её автотекстов.

* * *

Эвакуация

О переходе в Бизерту я помню. Папа был старшим офицером на «Адмирале Корнилове», этот корабль последний уходил, потому что всегда флагманский последним уходит. И я помню вечер, Севастополь горит весь, и я именно ребёнком не могла понять одной вещи: чувствуется страх кругом, почти осязаемый, грохот пушек (обстрел приближается), огонь всюду, вода тёмная и дома стоят, они в огне и все стоят... Огонь-то был сзади, а я этого понять не могла и всё думала, это странно как-то... И этот ужас, который кругом, и всё это у меня осталось... И, как я пишу, «Мы покидали Россию в огне, Красную Россию!»¹⁰.

В Константинополь, когда мы туда пришли, из Англии пришёл «Илья Муромец», который там находился в ремонте. Вообще он был сделан в Англии и потом по каким-то причинам там оставался. Но тут они прислали его и хотели дальше направить в Россию. Но мы его перехватили, и папу назначили командиром. И кажется, даже потом «Илья Муромец» тащил каким-то об-

разом на буксире «География Победоносца». Насколько я знаю – чтобы понятно было – до нашего перехода его у нас не было. И это был совсем новый корабль. И потом, когда мы сошли на землю, масса мебели оттуда была, и у Асты, и у нас...

А именно в этом месте Аста пишет, что они (военные, офицеры) должны были быть сапожниками, чем-то таким делаться, потому что они ничего не умели. Я не знаю, но это факт: папа был геодезист, он был специалист на эту тему ещё в Сибири. Но понимаете, все они умели всё это делать! У Асты это место очень трагично звучит, что все, в общем, остались не у дел. А я помню, что всё-таки (да, не всегда это было просто) все они благодаря своим знаниям могли работать. Потому что культурных людей там мало было. Французы приезжали туда, всякие колонисты, а так культурных людей очень мало было. Так что тут мы с Астой расходимся во мнениях. И так несколько раз (это очень важно, потому что вы вносите свой комментарий, у вас другое видение ситуации, но ничего страшного в этом нет). Но я спрашиваю себя, кто прав? Наверное, были и такие, и такие. Просто Аста сосредоточилась на тех, а я помнила этих. И в этом смысл наших общих воспоминаний. Это – коллективная копилка памяти, куда мы вместе складывали свои воспоминания.

Бизертское детство

Понимаете, многое из того, что Аста пишет про наше детство... а ведь при этом её часто и не было! Она должна была постоянно заботиться о сёстрах. Об этом говорил и Плотто¹¹... Аста была очень сильный человек. Она привыкла за всех работать, за всю семью. Сначала она воспитала и Люшу (это её младшая сестра была), и Шуру. Потом и их детей – они у Асты выросли. Коля, её племянник. Шура его подобрала (во время войны. Я её очень любила). А Аста – факт – была отцом и матерью их всех. Была очень сильна. Работала, как сабака. Давала уроки...

Сейчас я по памяти вас проведу по «Географии». Мы на «Географии» жили на батарейной палубе. Эта палуба – сразу после наружной палубы. И спускаться надо была трапом... Батарейная палуба – это, в общем, палуба адмиральская. И первая дверь – это маленькая каюта, в которой мы потом жили. Номер 13 (ещё вернусь к этому). Потом идут так называемые адмиральские помещения, в которых жили Тихменевы со своей дочерью Кирой. Потом ещё какие-то комнаты были, для старшего класса... Потом зал адмиральский, где все праздники были, он находился совсем на корме. Так что видите, мы идём на корму. Корма – и тут праздники. И всё...

Теперь идём с другой стороны. С этой стороны библиотека, где мы учились... Что-то рядом с библиотекой, чего я не помню, что там было... Напротив нас (потому что мы возвращаемся) было адмиральское помещение, где адмирал Николя со своей женой жили. Оно было меньше, но явно, когда к адмиралу кто-то приезжал, у него было ещё помещение. И потом большие – так же, как и с нашей стороны – там ничего не было. Так что я вернулась к нашей комнате. Я вам сейчас её опишу.

Если в неё войти, тут сразу умывальник, так что, я думаю, что это было служебное помещение для офицера, который должен быть при адмирале. Мне ставили маленькие ступеньки, чтобы я могла добраться до него, и было зеркало. И я помню, что я смотрела в него и думала: вот, такая же девочка где-то в другой части мира, она тоже теперь моется и на меня смотрит... И эта девочка – это тоже я. И мы совсем близнецы. Где она? Как мне её найти?..

Потом койка, которая была такая, складная, на ней я спала, а днем её к стене ставили. Дальше идём: наверху иллюминатор, под ним стол стоит. Также о столе расскажу. Я помню, на этом столе мы, дети, решили гадать. В то время массу говорили о всяких привидениях, обо всём оккультном. Мы что-то слышали и решили присесть все, держась за руки, и долго ждали, что дух придёт. Помню, что кто-

то ногами толкался, в общем, вначале глупости делали, потом сказали, что нужно спокойно сидеть и ждать. И мы сидели и ждали. Но ничего не приходило... И ничего не было, пока кто-то не догадался: стол, как и всё на корабле, привинчен был! Он не будет прыгать! Так что все отчаянно обиделись и бросили это дело...

И вот это окно. В этот иллюминатор я и влезала, когда нужно было открывать маме дверь. У нас был такой замок, что он запирался автоматически. У мамы всегда ключ был, но иногда она его забывала и в отчаянии стояла за дверью. Я её уговаривала, да подожди, не так всё страшно! Она говорила, а что ты сделаешь? Подожди! И я бежала наверх, на борт, спускалась через иллюминатор и ей открывала. Она, конечно, в ужасе была. Но я ей говорила: я же всегда это делаю!..

А дальше угол был. Там был мамин такой туалетный столик, трюмо и тому подобное. Всё так красивенько. И дальше стояла её постель, которая днём как софа была, на ней сидеть можно было...

Дальше от маминой софы стоял такой буфет, шкаф-буфет, на который можно было что-то поставить, и на нём всегда поздно вечером появлялась маленькая мышка и приходила просить еду. Мама её кормила, и я всегда на это смотрела. Когда другие об этом узнали, они возмущались: как это, мышей, их надо ловить! Мама говорит, ничего не будете ловить, мою мышку не трогайте! И очаровательная маленькая мышка всегда приходила... А потом в буфете можно всегда было дверцу открыть внизу, и там всякое барахло лежало. И затем выход из двери каюты. Так что я вам описала нашу квартиру, заодно видно и некоторые вещи сразу.

Как мы учились на корабле. Я вам про латынь рассказывала? Наш учитель (как его звали?), он меня терпеть не мог. Он был в маму влюблён по уши, а она над ним издевалась. А мы над ним тоже издевались! Все. А у него кошка был несчастная. Мальчишки этой кошке что-то прицепили на хвост, и когда она бегала... Но я в этом не участво-

вала: я такие штуки не люблю. Животных я не люблю мучить... Ну, и он меня к доске. Пиши: роза и склонения – розе, розы... Я ничего не знаю. Тут все сидят за столом – огромный стол под трюмо, это библиотека была – и тут же доска. Я, значит, стою. Он сидит. Я думаю: написала «роза». Он начинает нервничать, встаёт, начинает идти, я в их (класса. – Н.К.) сторону смотрю (нас много было). Потом он поворачивается, а я уже пишу: «розы». Он думает, что-то тут было за спиной. На меня смотрит. А я тупо смотрю в воздух и их всех вижу. Мне показывают, и я пишу, он бежит туда-сюда, а я задумчиво в воздух смотрю, то в эту сторону, то в ту и... написала всё как нужно. Он ничего не мог сказать...

Потом наш священник был очаровательный... У него бас был замечательный. Молодой был, с такой бородкой. Я его очень любила. И он нас всех любил и называл: «Вы все мои орлы». И рассказывал очень хорошо. Он Закон божий преподавал, в общем, мы его очень любили. Очень смешной такой был. Я помню, Олег Бирилёв (он с нами был, он немножко моложе меня) говорил: я не орёл, я кондор. Ну, и значит, я помню, он к Олегу подходил: «Ну, кондор мой (и так его по макушке), не знаешь, кондор, ну так лети вот именно в угол, вот туда». И тогда кондор, руками махая, кричал: «Я лечу» и летел в угол... Это было замечательно!

А на корабле ещё Галина Фёдоровна Блохина, кончившая Бестужевские курсы. Наша начальница. Она была настоящая учительница. Могу сказать, меня начальница очень не любила... И вот, я помню, она говорит мне: «Вот, у меня было стадо белых овец, всё было замечательно, и пришла чёрная овца – и на меня злобно смотрела, – и всё испортила!» И я знала, что я – чёрная овца...

А другая – Ольга Рудольфовна Гутан. Но она была очаровательная, очень милая... Она, кажется, была очень православная... Что она преподавала, я не помню, но мы её очень любили...

Что нам ещё преподавали? Особенно ничего не помню. Тут Аста немножко по-

фантазировала, что нам офицеры преподавали что-то и интересно нам рассказывали. Никакие офицеры нам не преподавали. А что в Корпусе было, нас не касалось. В школу к нам никакие офицеры не приходили!..

Аста на год старше была, Олег Бирилёв на год младше меня. Вот они в Бизерте надолго остались. Я с ним дружила, мы всегда дрались. У него страшная астма была. Я же была задира. У нас в классе так я не помню больше, кто был. Как мы в зубного врача играли, это тоже Аста написала. Мы в столе дырки делали и пломбы вставляли из бумаги. И у нас была песня, которую мы с Астой вместе пели. Она этого не помнила, и я начала ей петь, и она: «Ах, да!»... Мы где-то нашли какую-то книгу. Это был какой-то учебник... И мы прочитали, как мы это смогли. И начали читать, напевая... Такие штуки... Но этого не запишешь...

У нас занятия только утром были, по моему. Потому что мы много играли тоже, потом у нас учительница французского была тоже, совершенно очаровательная, несчастная, мы её мучили. Как Аста пишет, она была «совершенно некультурная». Не то сицилианка, не то ещё что-то такое... А нам её дали, чтобы учить французский язык. Но она скорее русскому у нас научилась, чем мы французскому. А мы ни бельмеса не знали по-французски. Несколько слов: мы знали «сава», это филин по-нашему, у них значит «всё хорошо». Нет, мы ни черта не знали. Мы научились потом уже...

Первое время я даже как-то не помню, как мы жили... Покуда нашли какую-то квартиру, работу, по-французски не умели говорить... мама говорила хорошо по-французски, именно из школы (она в какой-то французской школе была, у каких-то сестёр), насколько я понимаю. Папа, я думаю, научился.

Мама рукодельница была, она очень хорошо вышивала, и вообще у неё масса вкуса была. И первое время у нас была одна такая статуэтка, другая... И постепенно они исчезли куда-то: надо было деньги иметь...

Я под парусом любила ходить. У папы был катер, я умела так рулём править и

гордо так пришиваться. Это очень приятно было. Как взрослая...

Тогда мы как редкость ели французский шоколад. В маминых записках, в которых она мои штуки записывала, в одном месте: «У Вали завтра будет день рождения, и нам очень тоскливо, потому что нет денег чего-нибудь купить». И вдруг письмо от тёти Ляли, и там она всегда посылала доллары (они там хорошо зарабатывали). И мы отправились покупать! И вот что мы купили: плиточку маленькую шоколада. Столько-то изюмчика. Несколько фиников. Потом ещё какой-то кошелёчек арабский. И ещё что-то такое. Я поражена была – какую массу роскоши можно было купить! И потом, когда всё это купили, я ей говорю: «Мама, как будто Рождество завтра!»¹² Всего понемножечку. Это казалось чем-то потрясающим, я до сих пор вижу это...

Поэтому когда я говорю, например, что нам, детям, во всяком случае, было замечательно, то, думаю, что взрослым было ужасно. Я в этом не сомневаюсь, но тогда мне было хорошо, и я не могла думать за других...

Эти мамины записи датированы в основном 1923–1925 годами. Здесь есть и другие очень милые штуки. Мне очень нравится, например, такая запись. Мы сидим с Астой. Она старается решить какую-то задачу и говорит: «Ох, мне удалось только две сделать». Я говорю: «Ну, с нас хватит и двух...» Или мама мне говорит: «Валя, не ходи так, пузом вперёд» А я ей говорю: «Так все бояре были пузатые, и я вот тоже...» Мне всегда говорили: спрячь живот и не надуй губы! Или: напишите образ вашей подруги. И Аста – мама пишет, что Аста написала обо мне (тоже очень смешно): что я, как тюфяк, танцую и ещё что-то. Что я плакса, но что я хороший друг. В этих дневниках я зову маму «золотая Муся». Так я к ней обращалась в детстве...

Монахини – это была единственная школа, которая дальше вела. Поэтому я там оказалась. И многие другие наши там тоже были. Например, Астины две маленькие сестры тоже туда ходили. Воспомина-

ния у меня об этой школе очень хорошие. Я помню, одна старая монахиня занималась красотой нашего писания. Но у неё всегда насморк был. И я всегда ждала, что капелька у неё на носу упадёт, наконец... Но она никогда не падала... Это я помню. Потом другая была, очень красивая, молодая. Я её очень любила и всё думала, ну, почему она пошла в монахини? А меня старались очень в католицизм привести, и тут я единственный и первый раз в обморок упала... Меня уже тащили в церковь, и тут я упала в обморок, и тогда меня уже оставили в покое. И мама сказала, что мне незачем здесь Ветхий Завет учить, что «она это всё порусски прочтёт». В этой школе я оставалась больше года. У нас такие ленты были, каждый класс другого цвета: зелёные, красные... Потом мама с папой посоветовались, и папа сказал, хватит этого... И когда я позже приезжала, Аста там всех их уже знала. А во время войны, когда было трудно, когда они там все вместе были...

Когда я перешла из монастыря в мужскую гимназию, там были арабы. Двое в моём классе. Я помню одного, и он что-то такое сделал, и педагог ему: «Пико» (а это очень нехорошее слово) и в зад ногой ему. С французом такое было невозможно, никто бы такого не сделал, а с арабом можно... Нет, понимаете, это было возмутительно! Но такое было возможно... Одного я помню, рыженький такой, из очень богатой семьи. Меня пригласили к ним на какой-то праздник, и мы пошли с Астой. Нас принимали очень хорошо. В хорошей семье, знаете, замечательное воспитание... Нет, у восточных часто есть чему поучиться...

И вот сначала мы с мамой поехали из Бизерты в Польшу, к её сестре Ляле, потом в Париж, я там начала музыкой заниматься в русской консерватории. Но сначала я почти каждый год возвращалась в Бизерту на лето, к папе...

Во второй раз, когда я приехала к папе после Польши, я целый год пожила в Бизерте, потому что родители, в конце концов, сообразили, что мне надо школу заканчивать, а я всё где-то и не занималась. И я по-

ехала к папе кончать школу в Бизерте. Аста замечательно училась, а я особенно не старалась... Я часто у них жила, потому что мне было скучно одной жить. Папа снял для меня квартиру, но я перебралась к ним, потому что мне с ними интересно было, я тоже молодая была... Папа платил им за это, конечно, потому что я там и ела, и жила. И всем это было удобно...

В Бизерте, пока я была там, папа каждый вечер с нами выходил в кафе «Риш». И все думали, что мы с Астой две сестры, потому что папе потом говорили, например, нет, ваша младшая дочь (про меня, как я позже узнала). И мы тогда, как помню, кокетничали с этими морскими (офицерами. – Н.К.). И как оказывается, несколько приходили к папе, просили познакомиться с очень серьёзными надеждами на меня. Папа сказал, молодая слишком! Потом, из этой группы молодых людей, где был Сервер (будущий муж Анастасии Манитейн. – Н.К.), один считался мой кавалер, и он тоже у папы просил моей руки. Папа сказал, он на тебе хочет жениться, и меня спросил, не хочешь за него замуж? Ты его любишь? Я говорю, да мне его жалко! Если жалко, тогда хорошо. Не будем больше об этом говорить. Факт, мне его было жалко. Я ему писала, когда же ты приедешь?... Тогда мне было 17 лет. Папа, я думаю, увидел, что это так, что меня надо оставить в покое.

Папа занимался со мной, сколько мог. Вот, каждый вечер мы в этом кафе ели-пили, главным образом, мороженое... И в один прекрасный день папа сказал, знаешь, я не могу, у меня больше нет денег... В это время он от времени до времени работал в поле. И геодезистом, и геологом, и археологом – по-всякому. У меня открытки есть из всех этих мест археологических, где он работал. И он подарил мне римскую лампу, он сам её нашёл... Но про папу и про всё это Аста почему-то ни слова не написала...

В тот год, когда я приезжала, у нас там целая группа была весёлая. Аста тоже про них пишет. Про двух, один как-то на «де», другой просто офицер¹³. Он фотографию свою подарил, где он стоит рядом с

колодцем, и там череп... Стихотворение про меня написал. По-французски: «Кто эта маленькая лошадка, которая кричит: вы мне надоели! Оставьте меня! Пойдите вы! Конечно, вы уже узнали Валю...». Но тоже Аста не всегда могла приходиться...

Бизертские друзья и соседи

Александр Маништейн, он был вообще фантазёр. Умел всё своими руками делать. Я помню, он для нас – Асте и мне – сделал лодку... Но главное, это у него всякие идеи были, он массу всего читал и всё это нам рассказывал. И фантазёр был потрясающий! И мы его очень любили. Он был не от мира сего... Она же (жена А.С. Маништейна. – Н.К.)... Я запомнила Зою Николаевну, как она лежит на диване, читает романы...

Ещё Мордвиновы были. Папа с ним вместе служил. У них две дочери было. И потом Ире Мордвиновой было 14 лет, а нам по 11-ти, по 10-ти. И когда Ире что-то нужно было, она ко мне приходила. Я была маленькая. И могла со взрослыми глупости делать. Они меня брали. И я помню, они все собрались, что-то хотят делать, все друг друга за руки держат, я тоже. И мы пошли (я не знаю, кто там жил, надо было у Асты спросить, пока она была жива), и кто-то подошёл к свету и пальцы туда засунул (а все держались за руки), чтобы увидеть, пройдет ли ток через всех? Ну, вот все захохотали – ну, дураки все были, и я тоже – конечно, ток нас здорово треснул, и мы увидели, что да...

С другой стороны, я помню, Ира была в старшем классе, и она как-то ко мне подошла перед праздниками. Мы должны были получить в подарок книги и тому подобное. Кто получит, а кто не получит. Но все более или менее, кажется, получали, некоторые – просто чтобы их успокоить, другие – факт, заслужили. Ира мне говорит, послушай, они (книги. – Н.К.) в адмиральском помещении лежат (это всё на «Георгии»), а мне хочется узнать, что мне дали. Ты маленькая, и ты иди в иллюминатор. А я часто там лазила, ну, чтобы там дверь от-

крыть и тому подобное. Мама была в ужасе, когда первый раз увидела, как я сначала за борт... а я маленькая... так вот, пойдёшь, посмотри. Ну, хорошо. Я полезла в иллюминатор, пошла смотреть книги – такие яркие детские книги Жюль Верна, старое такое издание, все ярко красные с золотом. У меня глаза разбежались... Вижу, вот, для Иры, ишу, ишу, ишу название... Прочитала. Так, золотом написано «Ашетт». Вернулась и говорю ей: «Ашетт». А это издатель был! И мне потом сказали: дура ты такая, не могла посмотреть название... Аста про это пишет, как будто это она... И тут я подумала – вот жалко... А мне говорят, так вы пишете это сами! Но я не могу, не хочу, чтобы это выглядело так, что Аста... понимаешь? А она это про себя написала... Конечно, могу написать, написать, что ошибочно, но я без этого не умру, не страшно... Вот, такие штуки. Незачем это, понимаешь?..

Мои знакомства с Плотто очень короткие – я его знала маленьким мальчиком, его сестру хорошо знала и мать, мы с Астой к ней часто ходили. Евгению Сергеевну Плотто я помню позже, когда она всех собак и кошек собирала, она давала уроки, как сумасшедшая, и Аста у неё занималась... Но со мной мадам Плотто музыкой не занималась, у меня другая преподавательница была, французженка. А она (Евгения Сергеевна Плотто. – Н.К.), факт, день и ночь носилась по урокам..., потом, кажется, за Ваню Иловайского замуж вышла, они рядом жили, он с матерью жил... А вот она была номер! Потрясающая женщина была! Она – урождённая Нарышкина. Она с мужем, кажется, удрала, он, кажется, казак был или что-то такое... Мы её тоже очень любили. Некрасивая была... (бабушка Плотто). Я любила мать Вани Иловайского очень. Нарышкину. Немножко сумасшедшая была... Чтобы удрать из такой семьи с казаком!.. На меня это большое впечатление произвело. А он (Иван Иловайский. – Н.К.) тоже в поле работал. У меня даже есть фотография, они где-то с папой встречаются там, в Сахаре. И они с мате-

рю где-то рядом с Плотто жили. Под конец очень мало русских там жило...

А Олю (Манитейн) я не любила. Она всегда была такая: вот, давайте, сделайте, а то я маме скажу... Ябедницей была. Шурку я любила. Она тоже немножко сумасшедшая...

Очень многие вещи, которые Аста описывает, у неё с этими людьми не было контакта... Это была весёлая молодая компания на корабле, вокруг мамы или с мамой и с Катей Гонгард, которая была замечательно красивой, а мама с ней дружила, и которая была моделью в Париже... Очень красивая была. Я помню, она дарила мне свои старые платья... Как-то я пришла к ней голодная, и она мне всякие такие вот птифуры поставила, мне стыдно было ей говорить, что мне хочется есть. Это было уже в Париже...

И ещё помню... когда у них какие-нибудь проблемы были, когда там что-нибудь нужно было, так маму посылали к Тихменеву (это адмирал, Кирич отец, он был слегка влюблён в маму), они говорили маме, вот, ты у него попроси, тогда это выйдет... Я как-то вошла в нашу комнату на «Георгии», мама сидела и он сидел и так это на неё влюблённо смотрел, и мама так ножкой слегка покачивала...

С Николя было совершенно иначе. Вот тут я тоже помню, мама – факт – очень много помогала жене Николя, она старушка была, Ольга Александровна. Умерла она в 1922 году. И мама часто приходила ей что-нибудь помочь, чего-нибудь принести или сделать... Ну, и я поэтому могла всегда туда ходить! И она мне всегда варенье с чаем делала. А вот вечером он страшные сказки мне рассказывал. Я дрожала, а его жена говорила, ну, послушай, она же боится, а он отвечал, но ей же нравится! И я просила: расскажите дальше! А там какие-то призраки были. Из мёртвых кто-то вставал... и каждый день было продолжение, которое я с восторгом слушала... Она была очаровательная, очень милая женщина...

Я помню похороны Николя (Аста про это ничего не пишет: явно не помнила). Но

у меня это осталось. Почему? Это были последние похороны с военными почестями, был военный оркестр, были кадеты, офицеры. И тогда – я это тоже помню – пришёл английский корабль, и оттуда тоже несколько офицеров и матросы пришли. Я помню, мы с мамой где-то сзади стояли, и потом мама к одному из них подошла спросить, где такой-то и такой-то их корабль. Потому что когда в Севастополе мы были, то приходили английские корабли. А мы жили в морском госпитале, и там часто, несмотря и на войну, и на все трудности, балы делали. Я помню, меня клали спать, говорили, ты спи, а чтобы я не боялась, маленький свет оставляли. И мама уходила, и в том же доме они танцевали. С приезжими, конечно, тоже. Так что у мамы там какие-то знакомые были, и она спросила, назвала какую-то там фамилию, и ей сказали, что этот корабль в каком-то таком-то месте, и этот офицер переведён туда-то и туда-то... Так что я помню, что были эти вопросы...

Под конец нас очень мало осталось в Бизерте. Все... большей частью были в Тунисе...

О «смешанных» браках

За Валентиной Ивановной одно время ухаживал врач-араб, «очаровательный вдовец, у него двое мальчиков было. Он со мной ходил, куда-то приглашал, в общем, это достаточно ясно, когда мужчина имеет какие-то намерения... И он начал меня «выводить». Я помню, была приглашена к ним в дом, где он жил с матерью. И когда мы пришли, этот врач, этот взрослый человек, сделался мальчиком! Мать на меня тоже так посмотрела... я тогда не понимала, что меня, в общем, уже выбирали... могу ли я выйти замуж за него? Я это потом поняла. И он перед ней был... Что она говорила, он так и действовал... Нет, он был такой, очень милый. Потом там был ужин какой-то, был приглашён мэр города, он был женат на французенке, потом ещё какой-то адвокат, который женат на женщине из

Монте-Карло, и ещё какие-то люди. И все эти дамы были тоже. Без матери мы ужинали. И потом вдруг пришло известие, что произошло какое-то несчастье. И, конечно, врач и несколько этих мужчин срочно отправлялись на место. Мы, женщины, остались одни. Что я тут услышала?! Они говорят, не думайте, что всё это так происходит. Это всё совершенно иначе. Во-первых, мать – это всё. Вы после неё. Муж за вас не будет. Если вы матери не понравились – драма. Но, так или иначе, вы должны ей служить. Муж меняется, и всё иначе. И тут они такое выпустили, что я прямо остолбенела. Это были француженки. Так что мне стало совершенно ясно, когда начали наступать русские – это уже позже было – что у них этим кончится... Но вообще это совершенно другое – в чужой стране или дома...

Но в наше время такого не было. Вообще на арабов смотрели, как... меня часто спрашивают, вы по-арабски умеете? Я говорю – ругаться немножко умею, потому что мы все это знали, а так нет. Почему? Если бы это теперь было, я бы, конечно, учила. Но тогда никому и в голову не приходило по-арабски с этими... Понимаете, колония была! Французы. Уже сицилианцы были «промежуточными», а русских ставили куда-то иначе, знали, что культурные люди... Но много странного. Нет, колония – это совершенно другое. Это совсем особая жизнь. Это так. А после независимости? Когда Бургиба был, было всё очень хорошо. После него уже хуже было, этот Бен Али... Вначале вроде бы тоже хорошо, но потом!.. Это всегда плохо кончается, они деньги загибают, где бы они ни были, они все одинаковы – арабы, китайцы, русские...

Примечания

¹ Рыков Иван Сергеевич, выпускник Морского Корпуса 1906 г., капитан 2-го ранга, прибыл в Тунис с Русской эскадрой, в Константинополе получив назначение командиром ледокола «Илья Муромец». В Тунисе работал землемером-топографом. (Подробнее см.: Русская колония в Тунисе. 1920–2000. М., 2008. С. 346–347).

² Тургенева, Ася. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. М., 2002. С. 9.

³ См.: Прокофьев С.О. Духовные судьбы России и грядущие мистерии Святого Грааля. М., 1995.

⁴ Речь идёт о книге воспоминаний Анастасии Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка». СПб., 2003.

⁵ Аста – сокращение от Анастасия. Так домашние и близкие друзья звали Анастасию Александровну Манштейн-Ширинскую.

⁶ Плотто Александр Владимирович (р. 1920), член Морского Собрания, историк флота, автор книги «Служба под Андреевским флагом» (Париж, 1998), командир миноносца «Гневный» (с 1921 г.). До 1924 г. жил с семьёй в Бизерте.

⁷ Автографы Бизерты. Дневники. Воспоминания. Размышления. М., 2013.

⁸ Там же. С. 249–262. В последние годы Валентина Ивановна всё же решила попытаться написать историю своей жизни, центральной частью которой станет её знакомство с антропософией, жизнь в Гётеануме, работа эвритмистки.

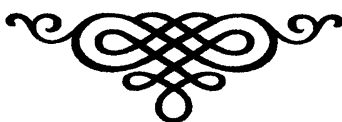
⁹ См., например: Автографы Бизерты. С. 149–156.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Имеется в виду очерк А.В. Плотто в книге «Автографы Бизерты». С. 249–252 и 255–262.

¹² Подробнее см.: Из записных книжек Полины Ивановны Рыковой // Автографы Бизерты. С. 161.

¹³ У А.А. Манштейн-Ширинской они – «Два молодых лейтенанта, Ги де Ливуа и Андре Детре, верные члены нашей группы» (См.: Ширинская Анастасия. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 254).

Изабела Кончак

ПИСЬМА ПРОФЕССОРА ТАДЕУША КОВАЛЬСКОГО АКАДЕМИКУ ИГНАТИУ КРАЧКОВСКОМУ

Личный архив известного востоковеда-арабиста Игнатия Юлиановича Крачковского (1883–1951) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд № 1026). Фонд составляют: научные труды, документы о научно-организационной деятельности, биографические материалы, а также личная переписка учёного, – всего 1100 дел. Среди корреспондентов, с которыми переписывался И.Ю. Крачковский, были и польские востоковеды: Владислав Котвич (1872–1944), Зигизмунт Смогоржевский (1884–1931), Давид Кунстлингер (1867–1940), Тадеуш Левицкий (1906–1992), Ананяш Зайончковский (1903–1970), Влодзимеж Зайончковский (1914–1982), Леон Кричинский (1887–1939/40). Если некоторая часть упомянутой переписки стала предметом исследований русских учёных-арабистов, в том числе и А.А. Долининой, которая использовала её в своей замечательной работе «Невольник долга»¹, то письма профессора Ягеллонского университета в Кракове Тадеуша Ковальского (1889–1948) никогда не были предметом научного исследования.

В деле № 450 хранятся 34 письма, 31 открытка и 2 визитные карточки. В период с сентября 1924 г. по ноябрь 1947 г. переписка велась с большой регулярностью, за исключением пятилетнего перерыва (1939–1945 гг.), причиной которого стала Вторая мировая война. Почти вся переписка – на польском языке, лишь первое письмо и две открытки на французском. Наверно, это и стало основной причиной, из-за которой письма профессора Т. Ковальского до сих пор не были предметом изучения. Исследуемая в статье переписка является бесценным источником сведений о польском востоковедческом окружении, состоянии востоковедения, прежде всего в межвоенный период, в Ягеллонском университете.

Инициатором переписки стал академик Крачковский, который в 1923 г. отправил в Краков первое письмо. Ответ Ковальского на это письмо не сохранился. В следующем письме отправитель делает намёк на то, что, наверно, оно не дошло до адресата, так как письмо было обыкновенное, а польская почта в то время не отправляла заказные письма в СССР². Уместно отметить, что Ковальский писал Крачковскому на польском языке по собственному желанию академика. Зато советский учёный писал польскому востоковеду на русском, который тот довольно хорошо знал³. Почти все письма написаны от руки, только шесть последних напечатаны. По нашему мнению, это могло быть вызвано тем, что Крачковский с 1945 г. для переписки использовал пишущую машинку, потому что «руки всё хуже слушаются и писать чернилами для меня сущее наказание»⁴.

Особенностью данной переписки следует считать и тот факт, что, кроме научных вопросов, хоть и в небольшой степени, переписка коснулась и личных, семейных дел. Например, в 1925 г. польский учёный, оправдывая своё долгое молчание, сообщил Крачковскому, что у него родился сын⁵. Из очередного письма становится ясно, что пятимесячный сын Ковальского поглощает всё его время и у него не остаётся возможности для научной работы⁶.

Обращение к личным, семейным делам можно объяснить и тем, что оба учёных были почти ровесниками. Тадеуш Ковальский был моложе академика Крачковского всего на 5 лет. Он родился 21 июня 1889 г. в Шатору во Франции в семье польского эмигранта. В 1904 г. семья переехала в Краков, где три года спустя Тадеуш закончил учёбу в гимназии Св. Анны. Уже в средней школе он проявил интерес к востоковедению, но в то время в Польше не было ни одного восто-

коведческого центра. Это послужило причиной отъезда Ковальского на учёбу в Вену, где его учителем стал профессор Рудольф Гейер (1861–1929) – большой знаток классической арабской литературы. В 1911 г. Ковальский защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему «Культура ислама».

После защиты он продолжил обучение в Германии, сперва в Страсбурге у профессоров Теодора Нёльдеке (1836–1930) и Энно Литтманна (1875–1958), а затем в 1912–1913 гг. в Кёльне у профессора Георга Якоба (1862–1937)⁷.

В 1914 г., ещё до начала Первой мировой войны, Ковальский получил степень доктора наук в Ягеллонском университете за перевод с обширным критическим комментарием дивана древнеарабского поэта Кайса ибн аль-Хатима. Стоит добавить, что спустя пять лет, уже в независимой Польше, была создана первая кафедра арабской филологии, и Ковальский стал её экстраординарным профессором. В 1921 г. он получил звание ординарного профессора. Эту кафедру Ковальский возглавлял почти 30 лет, вплоть до своей смерти в 1948 г.⁸

В самом начале переписки научное сотрудничество двух учёных ограничивалось обменом публикациями. Крачковский посылал польскому профессору материалы, автором которых был он сам, или же являлся членом редколлегии выпускаемых журналов. При анализе писем можно прийти к выводу, что для польского учёного это был важный способ обогащения своей личной востоковедческой библиотеки. Ковальский был очень заинтересован в русских и советских востоковедных изданиях. По этому поводу он писал: «Мне даже не стоит добавлять, каким большим благом будет для меня возможность получить издания, которые давно ищу»⁹.

С течением времени Крачковский стал отправлять в Краков не только свои работы, но и труды других востоковедов, о которых просил Ковальский. Последний не был в состоянии отблагодарить коллегу и послать ему аналогичные польские востоковедные

публикации, которых тогда было очень мало, но, не желая оставаться в долгу, предложил академику способ расчёта. Причитающиеся советскому арабисту деньги он вносил на счёт зарубежного книгопродавца¹⁰. Из переписки видно, что Крачковский заказывал книги по арабистике в Лейпциге в книготорговой фирме Харрассовица¹¹. Таким образом, из Кракова в Лейпциг был отправлен денежный перевод в немецких марках, и непосредственно на эти деньги академик приобретал книги для собственного пользования. Обмен научной литературой в такой форме просуществовал до 1939 г.

Ковальский очень интересовался научной деятельностью Крачковского, он считал, что «мы должны знать друг о друге и пытаться установить отношения, прерванные Первой мировой войной»¹². Польский учёный полагал, что вклад советских исследователей в развитие мирового востоковедения очень значителен. По этому поводу он отметил: «Следует восхищаться чрезвычайной энергией и плодотворностью русских востоковедов, которую я заметил на основе получаемых время от времени публикаций. Если к этому добавить ещё исследования русских эмигрантов, издаваемые во французских и английских журналах, то действительно участие русской науки в исследовании Востока является внушительным»¹³.

Сравнивая советские и польские достижения в области востоковедения того времени, Ковальский приходит к грустному выводу, что польская ориенталистика «несёт печать проклятья нашего прошлого»¹⁴. История изучения Востока, в частности, арабистика, не имела в Польше продолжительной традиции, которая в полном объёме формируется лишь в XIX веке. Примерно в то же время существовал Центр восточных исследований в Виленском университете, который играл значительную роль и в развитии польского востоковедения эпохи романтизма. Однако Виленский университет был упразднён в 1832 г.¹⁵. Арабистические исследования на польских землях были прекращены и возродились лишь в 1919 г., когда создаётся Кафедра арабистики в Ягеллон-

ском университете, которую возглавил Ковальский.

Книжные ресурсы по востоковедению в библиотеках были мизерными ещё и потому, что в то время, когда польские земли находились под протекторатом России, Пруссии и Австро-Венгрии, никто не покупал изданий по востоковедению, а на пополнение коллекций не хватало финансовых средств. По мнению профессора, нехватка литературы в этой области являлась огромной, и восполнение её требовало бы громадных средств¹⁶. В другом месте Ковальский упоминает, что, когда он сам начинал работу в Кракове, у него не было даже основной литературы по арабистике. Он признался, что у него не было и основного учебника – «Истории арабской литературы» Карла Брокельмана, а на публичные библиотеки по вышеупомянутым причинам он не мог рассчитывать. Таким образом, ему нужно было попытаться создать личную библиотеку, состояние которой к 1945 г. – между прочим, благодаря Крачковскому – он считает удовлетворительным, а то, что она уцелела и во время Второй мировой войны, являлось великим счастьем¹⁷.

Недостаток в области востоковедения чувствовался не только в наличии жалких книжных ресурсов, но также материалов и рукописей. С самого начала переписки польский востоковед завидовал богатству рукописных материалов у советских коллег и по этому поводу, обращаясь к Крачковскому, писал: «Я бы очень хотел когда-нибудь поехать в Россию и поработать с этим громадным научным материалом, которым обладают русские востоковеды. Мы в этой области очень скудны»¹⁸. После того как Ковальский получил от Крачковского его знаменитое произведение «Над арабскими рукописями», он написал: «Читая Ваши воспоминания, я вспомнил невольно собственные студенческие времена. <...> Между нами было много сходства, но и много различий. Главное различие состоит в том, что, когда Вы страдали, возможно, от обилия материалов, книг, рукописей, я всю жизнь страдал от бедности»¹⁹.

Недоступность материалов по арабистике принудила польского востоковеда расширить поле научных интересов. Оно охватывало практически весь мусульманский Ближний Восток²⁰, т.е., кроме арабистических, польский учёный вёл и иранистические, и тюркологические исследования. Как отмечает ученик проф. Ковальского Ананьяш Зайончковский: «В каждой из трёх больших частей науки о Востоке (арабистике, иранистике, тюркологии) Т. Ковальский выбирал главное направление исследований. В арабистике самым близким ему было традиционное, классическое <...> филологическое направление, в области персидского языка и литературы занимало его главным образом историко-литературное направление, а по тюркологии его работы касались главным образом диалектологии»²¹. Что касается последнего направления, то Ковальский в 1926 г. по этому поводу писал: «В течение последнего года я занимался почти исключительно языком наших караимов. В летние месяцы я изучал их колонии в Галиче, Луцке и Троках, откуда привёз очень много материалов»²².

Однако сам Ковальский столь широким масштабом интересов оставался недоволен. В письме Крачковскому польский учёный жалуется на большой объём своих научных интересов. Обвиняет в этом создавшиеся социальные условия, а именно работу в небольшом университете, где он должен заниматься всем Ближним Востоком. Он отдавал себе отчёт в том, что очень трудно заниматься наукой, если она охватывает слишком большое пространство. В 1924 г. он писал Крачковскому: «Мне всё ещё тяжело вернуться к начатым работам по арабистике, так как необходимо закончить неотложные работы по тюркологии»²³. Через два года ситуация никоим образом не улучшилась, и в 1926 г. польский востоковед писал советскому арабисту: «...работаю главным образом над тюркологической проблематикой, пытаюсь единственно в области арабистики быть на поверхности и удержать связь с наукой»²⁴.

Действительно, из 213 текстов, написанных Ковальским, лишь 40 посвящены непо-

средственно проблемам арабистики. Несмотря на то, что с течением времени Ковальский занимался древнеарабской поэзией всё меньше и меньше, он с удовольствием заметил, что выводы, касавшиеся некоторых научных проблем, у него похожи на выводы Крачковского. Когда польский учёный получил от Крачковского четвёртый номер журнала «Восток», то в ответ написал: «Более всего меня заинтересовала именно Ваша статья “Арабская поэзия”, потому что я тоже несколько лет тому назад написал на эту же тему текст в наш “Rocznik Orientalistyczny”. Читая Вашу статью, я с гордостью отметил, что мы едины в основных вопросах, касающихся темы, которой мы оба и занимаемся»²⁵. Польский учёный завидовал Крачковскому, что тот вовремя сумел сосредоточить все усилия на одном лишь предмете, т.е. арабистике, не отвлекая своей энергии на другие направления. Ковальский восхищался научным творчеством советского коллеги, его научной плодотворностью²⁶.

В начале 1930-х годов польские учёные-историки, являвшиеся членами Познаньского научного общества, обратились к Ковальскому с просьбой составить критическое издание «Записок Ибрагима ибн Якуба о славянах». При этом они просили использовать все известные рукописи – кроме двух копий из библиотеки Нуру Османие, использованных А. Куником и В. Розеном, а также новообнаруженной рукописи из собрания Лалели 2144. Ковальский сразу же справился у Крачковского, в какой из библиотек сейчас хранится рукопись Ландбергал-Бекри, о которой упоминает во введении Фридрих Вестберг²⁷. В дальнейшем он просит советского академика также уточнить, не появился ли с момента издания работы Розена и Куника²⁸ в русских библиотеках какой-либо новый, до сих пор не известный манускрипт, содержащий записки Ибрагима ибн Якуба²⁹.

Крачковский, как обычно, не оставил просьбу польского коллеги без внимания, на что указывает и следующее письмо Ковальского, в котором автор благодарит советско-

го арабиста за оказанную помощь. Крачковский прислал ему копию своей тогда новейшей работы «О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии»³⁰. Пять лет спустя, в 1937 г., Ковальский пишет Крачковскому: «После возвращения из командировки я собираюсь взяться за конечную подготовку к печати нового издания Ибрагима ибн Якуба, о котором наши историки постоянно упоминают. Работы уже не будет много, так как текст у меня подготовлен»³¹. Работа, однако, длилась ещё два года – по октябрь 1939 г., но из-за начавшейся Второй мировой войны была напечатана только в 1946 г.

Преимуществом научной деятельности Ковальского, в отличие от Крачковского, было то, что он мог выезжать за границу на стажировки или принимать участие в международных научных конференциях и конгрессах. Ковальский трижды побывал в научных экспедициях в Турции (1923, 1929, 1936), а в 1937 г. с целью собрать языковой материал, касавшийся татарского диалекта, посетил румынскую Добруджу. Он активно участвовал в мировой научной жизни. Ковальский, к примеру, принимал участие в Съезде востоковедов в Лейдене в 1927 г., в Конгрессе немецких востоковедов в Вене в 1930 г., в Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1935 г. О своих путешествиях и о ходе конференций или конгрессов он с большой регулярностью извещал советского учёного³².

Кроме этого, Ковальский подробно информировал Крачковского о развитии востоковедения в тех странах или университетах, где ему удалось побывать. В письмах он подробно пишет, кто и над чем в данный момент работает в области востоковедения во всех им посещаемых странах. В 1926 г. после своего визита в Чехословакию Ковальский сообщает: «Я был очень приятно удивлён, какой большой прогресс сделан в области востоковедения в Праге. Там уже функционируют три кафедры востоковедения: Кафедра семитских языков (проф. Рудольф Ружичка), Древнего Востока (проф. Бежих Хрозны), Истории Ближнего Востока

(проф. Алоис Мусиль). Кроме того, доцент д-р Ян Рыпка читает курс по новоперсидской и османской филологии, а доцент д-р Феликс Танер – курс по литературе мусульманских народов»³³.

Однако не все конгрессы или конференции польский востоковед считал удачными. Как следует из переписки, более всего его разочаровал всемирный конгресс востоковедов в Риме в 1935 г. В то время обмен научной информацией происходил исключительно благодаря взаимным личным контактам, налаживаемым как во время заседаний, так и в кулуарах. Польский учёный заметил, что «много членов конгресса предпочитали посещать город, а не сидеть в залах, тем более что стояла жара»³⁴.

Ковальский постоянно спрашивается у Крачковского, собирается ли он принять участие в этих предприятиях, как например, в письме от 5 апреля 1928 г.: «Собираетесь ли Вы в Оксфорд? Я, по всей вероятности, буду там и был бы очень рад, если бы мы могли познакомиться лично»³⁵. На все такого рода вопросы академик отвечал отрицательно. Как известно, Крачковский, будучи ещё молодым востоковедом, по собственной воле отказался от завершения своей двухгодичной ближневосточной стажировки в какой-либо западноевропейской стране, гордо считая, что ученику Виктора Розена нечему учиться на Западе.

Своё мнение он изменил спустя некоторое время. В 1925 г. Крачковский предпринимал попытки во второй раз отправиться на Ближний Восток, но не получил загранпаспорта. То же самое повторилось, когда учёный пытался поехать в Швецию с лекциями в Упсальский университет³⁶. Почему Крачковского не выпускали за границу? Возможно, причиной было то, что академик хотел путешествовать вместе со своей женой В.А. Крачковской, а советские власти в какой-то степени опасались, что знаменитый арабист может не вернуться на родину. Возможно, что ему мстили за неиспользованные им в прошлом возможности.

Невозможность Крачковским выехать за границу стала причиной того, что поль-

ский востоковед и советский арабист познакомились лично только в июне 1945 г., когда профессор Ковальский приехал в Москву по случаю чествования 220-летнего юбилея Академии наук СССР. И как заметил сам Крачковский в письме своему ученику Теодору Адамовичу Шумовскому: «Приятно было познакомиться лично после переписки чуть ли не с 1914 года»³⁷.

Ковальский также очень тепло вспоминал об этом. Он писал: «Постоянно вспоминаю подробности моего пребывания в Москве и Ленинграде. Жаль, что это было так кратковременно и не хватало времени, чтобы действительно познакомиться с библиотеками и собраниями. <...> Я рассчитываю также на то, что между нами будет взаимобмен не только публикациями, но и докладчиками, и мы будем счастливы приветствовать Вас в Кракове»³⁸. Но эта мечта польского учёного не сбылась, как известно, Крачковский никогда не был в Польше.

Ещё до личного знакомства, в 1925 г., Ковальский просил Крачковского сотрудничать с Востоковедной комиссией Польской Академии наук и сообщил об условиях: «Принимаем работы от 2 до 10 печатных листов. Языки публикации: английский, французский, немецкий, польский и русский»³⁹. Советский арабист не подал текста для публикации в Польскую Академию наук. Причиной может быть и тот факт, что Крачковский пообещал прислать статью для публикации в старейший польский востоковедный журнал „Rocznik Orientalistyczny”, который издавался с 1914 г. Инициаторами создания журнала были Владислав Котвич и Тадеуш Ковальский. В 3-м томе журнала за 1927 г. опубликована на французском языке статья Крачковского, посвящённая поэтическим произведениям аббасидского халифа Ибн аль-Мутазза⁴⁰.

После личного знакомства научное сотрудничество востоковедов, помимо обмена публикациями, принимает иной характер. Тадеуш Ковальский в 1927 г. был избран членом-корреспондентом Польской Академии наук, а с 1932 г. становится действительным членом этой столь значительной

для польской науки организации⁴¹. Семь лет спустя Ковальский был избран генеральным секретарём академии и занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1948 г.

На заседании 18 июня 1946 г. Игнатий Крачковский был избран действительным иностранным членом Польской Академии наук⁴². Об этом он спрашивает Ковальского, который подтверждает известие такими словами: «Это избрание является проявлением глубокого уважения и симпатии, которую чувствуют наши учёные, имевшие возможность познакомиться с Вашей научной деятельностью, а также лично с Вами»⁴³. Польский востоковед обращает внимание на то, что избрание Крачковского совершилось единогласным решением всех членов Академии наук.

Профессор Ковальский с 1914 г. и практически до конца своих дней работал над диваном арабского поэта Ка'ба ибн Зухайра, таким образом, эту работу можно считать трудом всей его жизни. В 1924 г. он писал Крачковскому: «Надеюсь завершить издание Ка'аб ибн Зухайра к концу будущего учебного года. Он доставляет мне много трудностей, так как у меня нет другой рукописи, с которой я мог бы сравнить имеющийся материал. Как вам известно, работаю, пользуясь исключительно уникальной рукописью из библиотеки в Галле»⁴⁴. О своей работе над рукописью Ковальский постоянно информировал советского учёного⁴⁵. В 1945 г. он пишет Крачковскому, что у него в рукописи уже есть весь перевод на немецкий язык этого памятника, а также комментарии к нему с разработанным критическим аппаратом⁴⁶.

Издание этой капитальной работы началось только спустя два года и продвигалось очень медленно, так как в Кракове работал только один наборщик, имеющий понятие об арабской системе письма⁴⁷. Напечатанные части работы Ковальский отправлял в Ленинград, так как Крачковский согласился сделать все необходимые корректуры. Однако советский учёный успел проработать лишь 24 страницы. После тяжёлой болезни

5 мая 1948 г. обрывается жизнь польского востоковеда.

Ковальский не успел издать труд всей своей жизни. Это было сделано в 1950 г. его учениками. Хотя он был на пять лет моложе академика Крачковского, на состояние его здоровья сильно повлияли события Второй мировой войны. В 1939 г. он вместе с другими краковскими профессорами был арестован фашистами, побывал в тюрьме во Вроцлаве, а затем до февраля 1940 г. находился в концентрационном лагере Заксенхаузен, в котором – по его собственным словам – более 10% коллег погибло⁴⁸. Ковальскому удалось вернуться в Краков, и до конца оккупации он работал в Ягеллонской библиотеке.

Примечания

¹ Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994.

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФАРАН). Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Архив Института востоковедения Российской академии наук. Личный фонд Оде-Васильевой К.В. Письмо И.Ю. Крачковского К.В. Оде-Васильевой от 11.02.1945.

⁵ СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 16.

⁷ Poradzisz J. Materiały Tadeusza Kowalskiego // Biuletyn Archiwum PAN. 1973. № 16. S. 53.

⁸ Kowalska-Lewicka A. Wspomnienie o moim Ojcu Tadeuszu Kowalskim // Ibrahim Ibn Jakub i Tadeusz Kowalski w sześćdziesiąt rocznicę edycji. Kraków, 2008. S. 19.

⁹ СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 23.

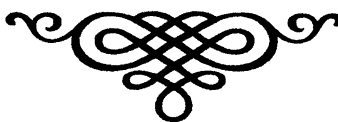
¹⁵ Dziekan M.M. Profesor Tadeusz Kowalski (1889–1948) na szlakach islamu // Arabica et islamica. Studia z dziejów islamu i kultury arabskiej. Warszawa 1997. S. 7.

¹⁶ СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 97.

- ¹⁸ Там же. Л. 17.
¹⁹ Там же. Л. 97.
²⁰ *Dziekan M.M.* Polacy a świat arabski. Słownik biograficzny. Gdańsk 1998. S. 51.
²¹ *Zajaczkowski A.* Tadeusz Kowalski i jego prace orientalistyczne // Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. Warszawa 1957. S. 40.
²² СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 23.
²³ Там же. Л. 8.
²⁴ Там же. Л. 23.
²⁵ Там же. Л. 1.
²⁶ Там же. Л. 55.
²⁷ Речь идёт о работе: *Westberg G.* Ibrahims ibn Jakubs Reisebericht über die Slavenlande aus dem Jahre 965. St. Petersburg. 1898.
²⁸ Речь идёт о работе: *Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878.
²⁹ СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 48.
³⁰ Там же. Л. 50.
³¹ Там же. Л. 74.
³² Там же. Л. 18, 23.
³³ Там же. Л. 18.
³⁴ Там же. Л. 60.
³⁵ Там же. Л. 25.
³⁶ *Долинина А.А.* Указ. соч. С. 233-234.
³⁷ *Шумовский Т.А.* Свет с Востока. М.; СПб., 2009. С. 325.
³⁸ СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 450. Л. 99.
³⁹ Там же. Л. 13.
⁴⁰ См.: *Kratchkovsky I.* Une liste des oeuvres d'Ibn al-Mu'tazz. <http://dSPACE.uni.lodz.pl:8080/xmlui/bitstream/handle/11089/4657/3.265-278.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
⁴¹ *Dziekan M.M.* Badania arabistyczne profesora Tadeusza Kowalskiego (1889–1948) // Przegląd Orientalistyczny. 1996. № 1–2. S. 68.
⁴² СПбФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 53. Л. 1.
⁴³ Там же. Л. 102.
⁴⁴ Там же. Л. 1.
⁴⁵ Там же. Л. 5, 25.
⁴⁶ Там же. Л. 97.
⁴⁷ Там же. Л. 108.
⁴⁸ Там же. Л. 93.

Н.А. Семенченко

КОНТАКТЫ МЕЖДУ СССР И ИЗРАИЛЕМ В КОНЦЕ 1960-х – НАЧАЛЕ 1970-х гг.

История отношений между Советским Союзом и Израилем продолжает привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Ведь отношения между этими государствами развивались не просто как дипломатические, внешнеполитические и международные. Между Россией, русской культурой, Советским Союзом, советской коммунистической идеологией, с одной стороны, и еврейским народом, Израилем и сионистским движением, с другой, существует прочная связь, которая и в наши дни продолжает играть важную роль в формировании системы отношений между нашими странами.

Одним из наиболее интересных для исследователей периодов в отношениях между Советским Союзом и Израилем являются годы, когда между ними были разорваны дипломатические отношения. Факт их разрыва в 1967 г. играл заметную роль в развитии политической ситуации на Ближнем Востоке, а также, в немалой степени, оказывал влияние на развитие отношений между СССР и США.

Приняв решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем, советское руководство вряд ли предполагало, что этот разрыв продлится так долго. По словам отечественного дипломата А.А. Бессмертных, А.А. Громыко (советский министр иностранных дел) считал, что через 3–4 месяца отношения восстановятся¹. Однако процесс восстановления отношений оказался непростым. В создавшейся после Шестидневной войны 1967 г. ситуации, в разгар «холодной войны» «восстановление дипломатических отношений с Израилем было напрямую увязано с прогрессом в деле политического урегулирования на Ближнем Востоке»².

Архивные документы, которые постепенно становятся доступными, дают воз-

можность внимательнее изучить позиции этих стран и реакцию их политиков на события, имевшие место в недалёком прошлом. Открывшиеся в последние годы израильские архивные материалы позволяют более объективно анализировать израильскую позицию. Эти документы проливают свет и на некоторые стороны советской политики и тем самым дают возможность изучать и анализировать представления советского руководства в первые годы после разрыва советско-израильских дипломатических отношений о возможности сближения с Израилем.

Для Израиля разрыв дипотношений с Советским Союзом оказался неожиданным. Несмотря на проарабскую внешнюю политику и негативные дипломатические заявления в адрес Израиля до начала Шестидневной войны и в её ходе, Израиль не допускал, что СССР пойдёт на столь крайний шаг. Многие в Израиле сожалели о том, что это произошло, другие осуждали советское решение. Дальнейшая поддержка арабских стран и одновременное осуждение политики Израиля в немалой степени отрицательно влияли на готовность израильского руководства идти навстречу Советскому Союзу.

Следует отметить также следующее. Развитие советской политики в арабо-израильском конфликте проходило путь от проарабских позиций к антиизраильским, а затем вело и к антиссионистским, и антисемитским настроениям. И это ещё больше ужесточало позицию израильских политических кругов в вопросе о восстановлении отношений с Советским Союзом. Многие в руководстве Израиля занимали простую, но, как представляется, достаточно «незрелую» позицию: раз СССР разорвал дипотношения, он и должен открыто, на официальном уровне, заявить об их восстановлении, что вряд ли было реальным в тот момент. Формально

же Советский Союз не мог идти на восстановление отношений с Израилем, поскольку не были устранены причины их разрыва.

После продолжительных нелёгких дебатов в Совете безопасности ООН была принята резолюция № 242 по Ближнему Востоку. «Резолюция № 242 обозначила начало нового этапа дипломатических достижений на Ближнем Востоке, – писал индийский представитель в ООН Артур Лалл. – Перспективы ближневосточного мира никогда не были такими обещающими, как в начале 1968 года»³. В том же году Советский Союз выступил с Планом поэтапного выполнения резолюции № 242 Совета Безопасности ООН⁴, но советский план был отвергнут Соединёнными Штатами, которые не собирались оказывать давление на Израиль в вопросе о выводе войск до тех пор, пока арабы не продемонстрируют готовность вести с Израилем диалог об установлении мира и не признают его право на существование как национального образования.

Адекватно ответить на возраставшую роль Соединённых Штатов в ближневосточном регионе, а также закрепить свои позиции в ближневосточном урегулировании Советскому Союзу сильно мешало отсутствие прямых контактов с Израилем. Из израильских источников известно о предпринимавшихся советскими и израильскими дипломатами попытках в конце 1960-х – начале 1970-х гг. установить такие контакты «на полях» работы органов ООН, а также между послами двух стран в Вашингтоне. Посол СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрынин в конце 1968 г. предпринял некоторые шаги для встречи с израильским послом И. Рабином. Встреча эта была должна продемонстрировать готовность СССР возобновить диалог с Израилем, но не состоялась, поскольку активизировались переговоры по урегулированию конфликта между СССР и США.

Советская позиция, требовавшая прекращения войны и уважения, признания суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном регионе, являлась неотъемлемой частью советских инициатив по

урегулированию ближневосточного конфликта. Главным и существенным в планах, согласованных с арабской стороной, являлось положение о том, что выполнение всех пунктов резолюции № 242 должно быть увязано с выводом израильских войск с арабских территорий, захваченных в 1967 г. Вторым важным для советской стороны принципом являлось максимальное усиление роли ООН как в контроле за выполнением принятых решений, так и в гарантиях арабо-израильских границ. Именно поэтому в советской позиции особый упор делался на посреднической миссии шведского посла Г. Ярринга, уполномоченного СБ ООН, в противовес американско-израильской концепции прямых переговоров⁵.

Как отмечал участник советско-американских конфиденциальных переговоров Е.Д. Пырлин, «нормальная логика говорила, безусловно, в пользу прямых переговоров. Но слишком свежими и болезненными были для арабов воспоминания о недавнем военном поражении в “шестидневной войне”, слишком велика была степень “египтоцентризма” в нашем подходе ко всем аспектам урегулирования, чтобы можно было легко поломать устоявшийся и, скажем откровенно, мешавший делу стереотип о нежелательности прямых арабо-израильских переговоров; руководством к действию для нас служила в этом вопросе чёткая формулировка, высказанная (естественно, после согласования с Москвой) послом А.Ф. Добрыниным: “Относительно формы обмена мнениями между арабскими странами и Израилем Советское правительство исходит из того, что точки зрения сторон должны доводиться до взаимного сведения через посла Ярринга. Постановка же вопроса о прямых переговорах может лишь осложнить достижение урегулирования”»⁶.

Когда стало ясно, что посланнику ООН д-ру Г. Яррингу не удалось повлиять на израильскую и американскую позиции в вопросе о возвращении Израиля к границам 1967 г., замминистра иностранных дел В.С. Семёнов встретился в конце 1968 г. с посланником Израиля в ООН Й. Текоа и

попытался убедить его в том, что Советский Союз готов проявлять большую гибкость в отношении формулировок резолюции № 242, с тем, чтобы Израиль также смягчил свою позицию. Но реакция Й. Текоа была жёсткой: «Сначала СССР должен возобновить отношения с Израилем, до того как Израиль будет обсуждать какие-либо советские предложения»⁷. Несмотря на такой ответ, между В. Семёновым и Й. Текоа неоднократно происходили встречи (19.12.1968, 26.12.1968 и 21.01.1969). В тот же период, будучи премьер-министром Израиля, Л. Эшкол в беседе с президентом ВЕК (Всемирного еврейского конгресса) Н. Гольдманом (19.11.1968), который пытался стать посредником между СССР и Израилем, также высказал жёсткую позицию: «Я не верю никаким советским намёкам по вопросу об отношениях с Израилем»⁸.

В июне 1969 г.⁹ Советский Союз внёс на рассмотрение участников четырёхсторонних консультаций по Ближнему Востоку – СССР, США, Англии и Франции – план Основных положений по урегулированию ближневосточного конфликта, однако и этот план СССР был отвергнут Соединёнными Штатами. Г. Меир, ставшая в 1969 г. премьер-министром Израиля, была категорическим противником любого решения по Ближнему Востоку, которое будет навязано извне.

По мнению отечественных политологов-ближневосточников, конфиденциальные советско-американские переговоры весной, летом и осенью 1969 г., попеременно в Москве и Вашингтоне, «оказали определённое воздействие на развитие тенденции выдвижения американцами единоличных, самостоятельных инициатив по урегулированию конфликта, не согласованных с другими членами международного сообщества»¹⁰. Это проявилось уже в трёх планах американского госсекретаря У. Роджерса, последовательно выдвигавшихся в декабре 1969 г., в июне 1970 г. и в октябре 1971 г. Причём в американских инициативах прослеживался постепенный отход от принципа всеобъемлющего урегулирования.

Тем времени в Вашингтоне посол А.Ф. Добрынин предпринимал шаги для поддержания контактов с израильскими представителями. В июле 1970 г., после того как выяснилось, что великим державам в очередной раз не удалось добиться какого-либо успеха в мирном урегулировании на Ближнем Востоке, в итальянском посольстве в Вашингтоне состоялась встреча между А. Добрыниным и послом Израиля в США И. Рабином. Сценарий встречи был тщательно разработан. По настоянию Рабина, советский посол должен был сделать первый шаг и подойти к нему. В ходе встречи А. Добрынин не упомянул о возможности более гибкой советской позиции в вопросе будущих границ Израиля, но предложил Рабину продолжить диалог. Поскольку израильское правительство не видело каких-либо изменений в советской позиции, оно не торопилось дать Рабину указание продолжить переговоры по этому каналу.

Однако диалоги и встречи на дипломатическом уровне эпизодически происходили, порой это получалось случайно. При этом представители СССР и Израиля не уклонялись от общения. Так, в феврале 1971 г., выходя из здания сената на Капитолийском холме, Добрынин и Рабин, ожидая прекращения дождя, оказались рядом. Состоявшая между ними беседа продолжалась более 20 минут. Ещё один непродолжительный разговор между ними имел место на приёме по случаю национального праздника Румынии 23 августа 1971 г.

В архивных материалах можно найти не только сведения о контактах между советскими и израильскими дипломатами в Вашингтоне и Нью-Йорке. В них также содержится информация о как бы случайных диалогах и встречах между советскими и израильскими представителями в разных странах и при разных обстоятельствах, причём эти контакты проходили в основном по инициативе советской стороны. Так, например, в мае 1968 г. израильский консул по экономическим делам в Канберре Й. Гордон получил приглашение от советского советника по торговым делам на ежемесячный tradi-

ционный приём, организованный торговыми представительствами в Австралии. Казалось бы, обычный протокольный приём. Однако по совету израильского генерального консула в Сиднее Й. Гордон проигнорировал это приглашение¹¹.

Посол С. Диниц в Вашингтоне встречался обычно с советскими дипломатами. Однако случались и незапланированные встречи. Так, 21 августа 1968 г. на званом ужине С. Диниц встречался с корреспондентом агентства ТАСС Мкртчян. В письме с информацией о беседе с ним С. Диниц отметил: «Вполне возможно, что по указанию из Москвы советские агенты стараются проводить и развивать контакты с израильскими лицами, чтобы расширить каналы информации, которые во многом закрылись после разрыва отношений»¹². В декабре 1969 г. состоялась как бы случайная встреча советника СССР с израильским послом в Бухаресте. Израиль одобрил решение посла не развивать контакты по этой линии¹³.

В докладе главы представительства Израйля при Офисе Международных организаций ООН в Женеве отмечено, что 27 сентября 1968 г. сотрудник постоянного представительства СССР имел дружелюбную беседу с израильским представителем при этой организации. В докладе было подчеркнуто, что беседа проходила на глазах у многих, и советский представитель не пытался завуалировать её¹⁴. Посол Израйля в Мехико имел случайную встречу в ноябре 1968 г. с первым секретарём советского посольства в Мексике Ю.В. Купляковым, который ранее работал в посольстве в Израиле и учил иврит. При этом, как распорядился 10 января 1969 г. генеральный директор министерства иностранных дел Израйля Гидон Рафаэль, «все встречи израильских дипломатов с советскими представителями в ООН, Нью-Йорке и т.д. должны получить предварительное подтверждение МИДа»¹⁵. Так, израильский МИД запретил израильскому послу в Камфаре (Уганде) встречаться и разговаривать с работающим там советским послом¹⁶. В рамках ряда встреч советских представителей с еврейскими лидерами в

США член советской делегации в ООН – старший советник А. Чурлин – обратился к двум еврейским деятелям с предложением организовать ему встречу с послом Й. Текоа на частной территории¹⁷. Израильский МИД дал своё разрешение на встречу с А. Чурлиным, но не в частном доме¹⁸.

Вместе с тем, израильский посол в Катманду (Непал) доложил 7 апреля 1969 г. департаменту Европа-3, что имеют место личные «корректные» отношения с некоторыми представителями советского дипломатического корпуса. Известный израильский журналист Хаги Эшед доложил в МИД о своей встрече с Львом Костенко из советского посольства в Лондоне¹⁹. В январе 1969 г. корреспондент ТАСС С.А. Лосев пригласил на «приятную беседу» постоянного представителя Израйля при ООН М. Лешема, с которым был знаком ранее, когда сам работал в Израиле. В своем отчёте о беседе М. Лешем отметил, что, по его мнению, этот ход нужен был для того, чтобы передать Израйлю на невысоком, не обязывающем уровне месседж о том, что советские предложения, включённые в План поэтапного выполнения резолюции №242 СБ ООН, являются исходной точкой для торга, а также для того, чтобы укрепить впечатление, будто Советский Союз является умеренным и искренне стремится к урегулированию на Ближнем Востоке²⁰.

Другой попыткой для установления контактов с Израилем была встреча директора бюро Интуриста в Стокгольме Ю. Дерюгина с представителем туристического отдела в израильском посольстве 2 февраля 1970 г. Встреча состоялась по инициативе советской стороны. Предлогом было желание получить рекламные туристические материалы об Израиле. На это израильский посол попросил своего сотрудника воздерживаться от дополнительных контактов с советским представителем и быть более осторожным в случае, если он снова попросит о встрече²¹.

Случайной была и встреча израильского посла в Маниле 5 декабря 1970 г. с советскими дипломатами на праздничной семей-

ной церемонии члена Конгресса, в которой принимал участие и президент Ф. Маркос с супругой²². К случайной можно отнести встречу корреспондента ТАСС Вячеслава Шахова с израильским представителем на конгрессе транспортных работников в Вене в 1971 г. В июле того же года во время своей командировки в Лондон проф. Г.Л. Бондаревский пытался завязать контакты с израильскими дипломатами. Однако в Израиле отнеслись сдержанно и с недоверием к его инициативе²³.

Для получения информации об Израиле советская сторона использовала любые, самые нетривиальные способы. В Израиль наезжал, например, Виктор Луис – личность одиозная, об интригующихся деталях карьеры которого до сих пор мало что известно. Официально он являлся московским корреспондентом английской газеты «Ивнинг стар», но, по-видимому, был тесно связан с КГБ и исполнял роль секретного агента во время поездок за границу. Так, например, в июне 1971 г. он оказался в Израиле. Его миссия, в интерпретации западных наблюдателей, должна была выглядеть как зондаж возможностей восстановления отношений с Израилем, что, в свою очередь, должно было стать средством давления на Садата, выхолившего из-под контроля СССР²⁴.

Приведённые примеры составляют далеко не полный список встреч, бесед и контактов, которые инициировала советская сторона. Все они дают основания считать, что Советский Союз был заинтересован в информации об Израиле из первых рук. Он неоднократно предпринимал шаги к возобновлению диалога с этим государством, что могло бы постепенно привести к сближению между странами. Израильская же сторона относилась к советским попыткам установить контакты с недоверием и подозрением. Советское правительство не один раз подавало знаки, которые должны были вызвать интерес у Израиля, а возможно и практическую реакцию, считал Х. Герцог, который имел личный контакт со многими представителями советского МИДа, в том числе работавшими в ООН. В своё время он

писал, что убеждён в том, что позиция правительства Израиля в вопросе об отношениях с СССР была пассивной. По его мнению, из-за этого неоднократно были упущены возможности установления мостов между Иерусалимом и Москвой. В конце 1970-х гг., после смены власти в Израиле, «чувствовалась определённая закрытость со стороны правительства Израиля в вопросах, касающихся отношений с Советским Союзом. Под предлогом того, что это государство разорвало отношения с Израилем, израильское руководство считало, что оно и должно быть инициатором их восстановления. Израиль игнорировал вопрос о том, кто был более заинтересован в восстановлении отношений»²⁵.

Израиль, в свою очередь, также искал возможности установления контактов с СССР, но, в отличие от Москвы, был заинтересован в основном в контактах на высоком уровне. Ему нужна была информация о советских предложениях по ближневосточному урегулированию из первых рук, а не через посредников²⁶. В августе 1971 г. состоялся тайный визит Е.М. Примакова в Израиль, встреча его с премьер-министром Г. Меир и рядом других ведущих министров. Как представляется, именно его намерение встречаться с руководством страны в немалой степени повлияло на готовность Израиля принять «тайного посланника из Москвы»²⁷.

По возвращении Е.М. Примакова из Израиля в Политбюро ЦК КПСС 24 сентября 1971 г. было принято решение о проведении либо в Вене, либо в Гааге встречи с представителями правительства Израиля «с целью закрепления контактов с израильскими руководителями и детального обсуждения позиций сторон по ближневосточному конфликту». В Иерусалиме же на закрытом совещании у премьер-министра с рядом израильских министров и советников 2 октября 1971 г. обсуждалось переданное Е.М. Примаковым послание и возможность дальнейших встреч с ним. Участники совещания не были едины в оценке этого визита.

Министр юстиции Я.Ш. Шапиро, например, подчеркнул, что он против секретных (тайных) контактов. «Русские заинтересованы в контактах больше, чем мы. Я не вижу никакой пользы от таких контактов». Шаул Авигур (до 1970 г. глава Натива, затем генеральный директор в канцелярии премьер-министра), напротив, считал, что Израиль заинтересован в непосредственном общении с русскими, а не при посредстве американцев или кого-либо ещё. Министр обороны М. Даян, со своей стороны, считал, что вопрос о восстановлении отношений в тот период не был актуальным для Израиля и не представлял особой важности в числе прочих государственных дел. К русским он относился как к врагу, с которым надо решать только один вопрос: будет война или нет. Кстати, будучи министром иностранных дел (1977–1979), во время своего визита в Вашингтон М. Даян отказался встречаться с А.А. Громыко, поскольку встреча не предполагалась быть официальной. Министр без портфеля Исраэль Галили, в свою очередь, поддерживал проведение неформальных, тайных и постоянных контактов с русскими. В итоге большинство участников совещания одобрили начавшиеся двусторонние контакты и их формат, хотя и не без оговорок²⁸. Секретные встречи между советскими и израильскими представителями продолжались практически до восстановления дипотношений.

Первый визит Е. Примакова в Израиль проходил практически одновременно с визитом группы израильских общественных деятелей в СССР. В рамках поиска путей для диалога с израильской общественностью в августе 1971 г. по инициативе КПИ в СССР приехала группа из шести израильских общественных деятелей, членов Комитета за улучшение отношений с СССР. Это были известные в Израиле люди, но не имевшие, однако, особого политического веса в израильском обществе. Тем не менее, как следует из архивных документов, израильское руководство довольно серьёзно следило за этим первым после Шестидневной войны визитом израильской делегации в

Советский Союз. О готовившемся визите израильский МИД информировал израильского посла в Вашингтоне И. Рабина,²⁹ который, в свою очередь, информировал американскую администрацию.

К возвращению делегации в Израиле готовились особенно серьёзно. В подготовленной Й. Кохэном, директором департамента «Европа-3», записке в связи с поездкой «группы шести», говорилось, что «настоящая миссия группы, по плану принимавшей их советской стороны, начнётся после их возвращения в Израиль, непосредственно после прибытия в аэропорт Лод». Поэтому было предложено организовать в аэропорту в день приезда делегации демонстрацию новых иммигрантов из Советского Союза с соответствующими плакатами. Более того, предлагалось, чтобы в этот день ежедневные газеты публиковали критические статьи и карикатуры, связанные с визитом. Было предложено также, чтобы везде, где бы члены группы ни выступали, организовывать беспорядки, но избегать насилия, подготовить провокационные вопросы. Телевидению и другим средствам массовой информации было рекомендовано ограничить информацию о визите «группы шести»³⁰.

Такое поведение израильских властей можно объяснить лишь нежеланием, чтобы позиция Советского Союза была услышана простыми израильянами. В записке директора департамента «Европа-3» было отмечено, что «послание, которое привезёт “группа шести” для израильского народа, содержит все известные пункты советской политики»³¹.

В неподписанном документе архива, озаглавленном «Телеграмма из Т.А. 26.10.71», в коротких лаконичных фразах приводится некоторое видение советско-израильских отношений в тот период: «Русские не скрывают своего беспокойства развёрнутой кампанией в защиту советских евреев. Что касается самого Израиля, то русские хотят иметь возможность услышать израильскую точку зрения, а также укрепить свои связи с левыми кругами. Это в том

числе для того, чтобы оказывать давление на арабов. Израильские же лидеры осознают необходимость иметь отношения с такой великой державой, как СССР, но не хотят заниматься этим поспешно. Премьер-министр Г. Меир в своё время даже наложила запрет на связь министров с Виктором Луисом. Приглашение “группы шести” вызвало в Израиле смешанные чувства.

Для Израиля отношения с Москвой всегда складывались в основном по поводу вопроса об эмиграции евреев. И если со стороны Москвы будут подвижки в этом вопросе, то и Израиль будет реагировать более умеренно на ситуацию с евреями в СССР. В настоящее время Израиль проявляет в отношении России определённую сдержанность, и нет сомнения, что израильтяне воздерживаются от поддержки выступлений раввина Кахана.

Что касается возобновления нормальных отношений между нашими двумя странами, то это долгий и деликатный процесс. Израильтяне считают, что миссия дипломатического тайного посланника является для русских шагом, который будет учтён только на более продвинутом этапе. Поскольку, по мнению израильтян, русские хотят начать сближение на более скромном уровне. Среди израильтян есть и такие, которые опасаются советского шпионажа и поэтому выступают против дипломатических отношений с СССР вообще»³².

По поводу шпионажа – казалось бы, что это странные и несерьёзные доводы. Но как бы то ни было, много лет спустя, летом 1987 г., известный израильский журналист и политолог М. Зах заявлял, что он против приезда советской консульской группы в Израиль, поскольку «основная её цель – это шпионаж»³³.

Изучение целого ряда архивных телеграмм, отчётов и писем израильского МИДа и канцелярии премьер-министра даёт нам основание полагать, что Советский Союз, особенно в первые годы после разрыва дипотношений с Израилем, неоднократно пытался «прощупывать и зондировать» возможность установления определённых кон-

тактов с Израилем, наладить какой-то диалог, в том числе не на официальном уровне. Более того, ссылаясь на дипломатические источники в Вашингтоне, израильская пресса писала о более серьёзных предложениях СССР³⁴. Как отмечали эти источники, летом 1971 г. Советский Союз неоднократно зондировал в Израиле возможность установления отношений на более низком уровне, чем полноценные дипломатические, и создания Отделов по защите интересов при посольствах третьих стран. Эта идея, только в другом формате, была реализована лишь 15 лет спустя, во второй половине 1980-х гг., с приездом советской консульской группы в Израиль.

Израиль же не торопился делать шаги навстречу. На встречах с руководством советского МИДа израильтяне ставили вопрос о возобновлении отношений в отрыве от причины их разрыва.

Тем не менее, весь этот период Советский Союз продолжал развивать контакты с израильскими дипломатами, политическими и общественными деятелями. Вопрос о возобновлении дипотношений с Израилем не был приоритетным для Москвы, он всегда был привязан к подвижкам в процессе урегулирования.

Примечания

¹ Из личной беседы с А.А. Бессмертных 13.04.2011 г. на конференции, посвящённой 20-летию восстановления дипотношений с Израилем. Москва, МГИМО(У).

² Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005. С. 180.

³ Сакер Г.М. История Израиля. Т. III. М.: Текст; Книжники, 2011. С. 321 // Эпштейн А. Арабо-израильский конфликт и попытки его урегулирования. <http://hedir.openu.ac.il/kurs/politic/conflict.html>

⁴ СССР и ближневосточное урегулирование. 1967–1988: документы и материалы. М.: Политиздат, 1989. С. 70–72.

⁵ Материал Т.В. Носенко (см. подробнее в книге: Носенко Т., Семенченко Н. Напрасная

вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991. М.: ИВ РАН, 2015).

⁶ Пырлин Е.Д. Проблема ближневосточного урегулирования в контексте российско-американских отношений // Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. Сборник статей. М., 2000. С. 197. «13 пунктов США» и сопутствующие материалы цитируются по соответствующим документам из Архива внешней политики СССР за 1969 г., а также по некоторым материалам из личного архива автора статьи.

⁷ Зак М. 40 шнот ду-сях им Москва (Сорок лет диалога с Москвой). Тель-Авив. Сифрият Маарив. 1988. С. 384.

⁸ Государственный архив Израиля. Папка 4221/5 – зп. Документ от 19.11.68.

⁹ Зак М. 40 шнот ду-сях им Москва С. 87–91.

¹⁰ Пырлин Е.Д. Проблема ближневосточного урегулирования. С.198

¹¹ Государственный архив Израиля. Папка 4221/5 – зп. Документ от 09.05.1968.

¹² Там же. Папка 4221/5 – зп. Документ от 06.09.1968.

¹³ Там же. Папка 4221/7 – зп. Документ от 27.09.1968.

¹⁴ Там же. Папка 4221/5 – зп. Документ от 27.09.1968.

¹⁵ Там же. Папка 4221/5 – зп. Документ от 10.01.1969.

¹⁶ Там же. Папка 4221/5 – зп. Документ от 12.03.69.

¹⁷ Там же. Фонд – МИД. Папка 4221/9 – зп. Послание от 12.02.1969.

¹⁸ Там же. Папка 4221/5 – зп. Документ от 02.03.1969.

¹⁹ Там же. Папка 4221/5 – зп. Документ от 31.01.1969.

²⁰ Там же. Папка 4221/9 – зп. Беседа с представителем ТАСС. 12.01.1969.

²¹ Там же. Фонд – Правительственные министерства, Папка 4604/8 – зп. Послание от 06.07.1970.

²² Там же. Папка 4604/8 – зп. Послание от 08.12.1970.

²³ Там же. Папка 7051/16 – алеф.

²⁴ Freedman R.O. Soviet Policy toward the Middle East since 1970. Praeger Publishers. N.Y.–L., 1978. P. 57.

²⁵ Гаарец. 25.09.1981.

²⁶ См. подробно: Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. С. 266–268.

²⁷ Там же. С. 260–280.

²⁸ Государственный архив Израиля. Папка 7246. Документ от 02.10.1971.

²⁹ Там же. Папка 4604/8 – зп. Документ №142 от 17.08.71

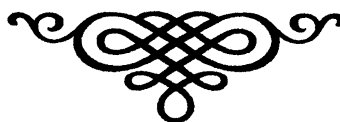
³⁰ Там же. Фонд – МИД. Папка 4604/8 – зп. «В связи с возвращением 6 посланников мира из Москвы»

³¹ Там же.

³² Там же. Папка 4604/7 – зп. Телеграмма из ТА. 26.10.71.

³³ Маарив. 19.06.87

³⁴ Давар. 22.11.1971; Государственный архив Израиля. Фонд – МИД. Папка 4604/7 – зп..

Р.Р. Эминов

МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВОРЦА И МУЗЕЯ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (1917–1944) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ КРЫМСКИХ ТАТАР*

В ходе изучения истории первого национального музея крымских татар¹ (с 1922 г. – Государственный Дворец и музей тюрко-татарской культуры²) введён в научный оборот новый корпус документов, на основе которых были раскрыты основные моменты создания и функционирования этого учреждения. Весомый вклад в изучение данного вопроса на начальном этапе внесли работы В.Ф. Козлова³ и Д.П. Урсу⁴, которые первыми воссоздали ряд событий, связанных с историей музея в 1920-е гг. Развивая эту тему, С.А. Андросов⁵, У.К. Мусаева (Асанова)⁶, А.В. Хливнюк⁷ извлекли новые архивные данные, благодаря чему открылись возможности для дальнейшего изучения проблемы. В большей степени это относится к работам У.К. Мусаевой. В этот же период была предпринята первая попытка исследования коллекций музея. Так, в работе Н.Р. Абдульваапа⁸ раскрыта судьба книжной коллекции музея, а известный крымовед, профессор А.А. Непомнящий рассмотрел аспекты сотрудничества музея с именитыми учёными из академических центров⁹.

Автор настоящей статьи в публикации, посвящённой первому национальному музею крымских татар, подробно исследовал начальный этап работы музея, кратко показал деятельность музея в 1930-е – 1940-е гг., также затронул вопрос о судьбе его фондовой коллекции¹⁰.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «История создания и формирования коллекций Бахчисарайского дворца-музея: 1917–2014 гг.» (Целевой конкурс проектов междисциплинарных исследований 2015 года «Крым в истории, культуре и экономике России») № 15-31-10132.

Названные исследователи использовали источники из архивов Автономной республики Крым и Российской Федерации, а также доступные документы самого музея, ныне отложившиеся в архиве Крымского республиканского учреждения Бахчисарайский историко-культурный заповедник (КРУ БИКЗ¹¹), который является преемником «довоенного» музея. Заметим, что основное внимание уделялось основателю и первому директору Усеину Абдурефиевичу Боданинскому¹².

Несмотря на постоянно проявляющийся в последние два десятилетия интерес к истории музея, значительная часть источников все ещё остаётся неизвестной авторам, многие факты жизни музея были раскрыты не полностью или неправильно интерпретированы. Особенно это относится к ранним работам по данной теме. В частности, эти замечания можно отнести к статье А.Г. Зарубина, где описывается положение музея в период с 1919 по 1921 г. Автор субъективно интерпретирует источники, что и привело его к ошибочным выводам. Исследуя обращения членов Таврической учёной археологической комиссии и совета Таврического университета к Таврическому губернатору по вопросу Бахчисарайского дворца, А.Г. Зарубин делает неверный вывод о решении проблемы заведывания дворцом – взятии его под юрисдикцию данных учреждений¹³. Однако из приведённых им документов этого не следует, а другие источники прямо указывают на нерешённость данного вопроса¹⁴.

Архив Государственного Дворца и музея тюрко-татарской культуры ранее не состоял на учёте в КРУ БИКЗ. Его разрозненные части находились в подвальных помещениях фондов. К сожалению, часть этого,

безусловно, ценного материала была утрачена. На настоящий момент выявлено более 150 новых содержательных документов, которые помогут заполнить лакуны в истории Дворца-музея. Среди уцелевших бумаг особое место по своей информативности занимают инвентарные книги, которые были приняты на учёт в 2009 г. в фонды КРУ БИКЗ, а в 2012 г. переданы в Научный архив КРУ БИКЗ.

Инвентарные книги Государственного Дворца и музея тюрко-татарской культуры являются бесценным источником не только по истории формирования коллекции Музея, но и в целом – по истории и этнографии крымских татар. В них отражена вся история музейных предметов: от кого, когда и из каких районов Крыма поступили предметы в музей, поэтому, на наш взгляд, в дальнейшем полезной будет научная публикация этих содержательных источников. Данная работа ставит перед собой задачу охарактеризовать упомянутые источники.

В настоящее время в архиве находятся восемь инвентарных книг довоенного фонда. Пять книг – по предметам основного фонда, две – книжного и одна – книга учёта фотонегативов.

Рассмотрим инвентарные книги основного фонда¹⁵. Для удобства исследования придадим им условные названия, с порядковыми номерами в хронологическом порядке, согласно времени их составления.

Книга №1 имеет надпись на лицевой стороне обложки «МУЗЕЙ», на крымско-татарском (арабский шрифт) и русском языках¹⁶. На последней странице имеется следующая запись: «В сей книге пронумерованных, прошнурованных и пропечатанных сургучной печатью районного исполнительного комитета семьдесят шесть листов» (сургучная печать и шнуровка не сохранились). Имеются подписи председателя райисполкома и секретаря без указания фамилий от 04.05.1925 г.

В настоящее время книга содержит семьдесят шесть листов, нумерация со второго листа, отсутствует лист под №71, однако порядковые номера единиц хранения не прерыва-

ются, что означает ошибку при нумерации листов. Разворот книги разделён на десять граф: 1) «Порядковый номер»; 2) «Номер отдела»; 3) «Описание предметов»; 4) «Количество предметов»; 5) «Шифр акта поступления»; 6) «Цена или оценка»; 7) «Откуда и когда поступили»; 8) «Где находится»; 9) «Перемещение»; 10) «Примечание».

Более подробно записями заполнены графы 1–4, 10, частично 5, 7, 8. Все ед. хр. имеют порядковый номер, он же – инвентарный. Отдельной графой выделен номер отдела и учётный номер в этом отделе ед. хр. Отделы сгруппированы по типу музейных предметов в следующей последовательности: I – ткани (314 ед. хр.); II – дерево, металл (337 ед. хр.); III – стекло, глина, мрамор (75 ед. хр.); IV – ювелирные украшения, драгметаллы и камни (71 ед. хр.), V – оружие (109 ед. хр.); VI – монеты (71 ед. хр.); VII – книги (259 ед. хр.); VIII – детали архитектуры и надмогильные памятники (13 ед. хр.). Инвентарный номер музейных предметов состоит из порядкового номера, номера отдела (римскими цифрами) и учётного по отделу, например: №252.II/29.

Определённая системность записи музейных предметов и присвоения им порядковых (инвентарных) номеров в данной книге заключалась в их очерёдности по отделам. Так, первоначально были внесены в книгу предметы I отдела, затем II и т.д. Далее запись предметов по отделам продолжена, но уже без очерёдности. Всего в книге 1249 учётных инвентарных номеров. Фактически количество ед. хр. несколько больше, так как идентичным и парным предметам отдельный инвентарный номер не присваивался, но указывалось их количество в отдельной графе. При подсчётах выявилось следующее количество таких предметов по отделам: I отд. – 17 ед. хр.; II отд. – 85 ед. хр.; III отд. – 7 ед. хр.; IV отд. – 6 ед. хр.; V отд. – 9 ед. хр.; VI отд. – 410 ед. хр.; VII отд. – 18 ед. хр. Всего: 552 ед. хр. Таким образом, общее количество предметов составляет 1801 ед. хр.

В графе «Описание предметов» – краткое описание музейных предметов, иногда с

зарисовкой предмета или орнамента. Имеются также пояснения и дополнения, написанные карандашом, на русском и крымско-татарском (арабским шрифтом) языках. Изначально наименования и описание предметов, относящихся к этнографии крымских татар, записывались на русском языке, без соответствующих крымско-татарских терминов, свойственных данным предметам, например: «кувшин», «салфетка» и т.п., но в некоторых случаях крымско-татарские названия предметов записаны в транслитерации на кириллицу. Например: №366 (л. 14) – «Зарф (подставка под кофейную чашечку. – Р.Э.) серебряный чеканной работы», №464 (л. 18) – «Украшения на феску («Зильф-Ас-кы»)» и т.д.

Наименование рукописей, рукописных и печатных книг, поступивших в фонды Музея, также записывались на русском языке, а арабские и тюркские термины – транслитерацией на кириллицу, например: №727 (л. 33) – «Книга печатная (Табакат-кыбра) – биография дервишей, составил Абдульга-Шараны в 1316 году», №737 (л. 33) – «Рукопись Деван-Ягья (песнь поэту)». Годы издания указывались так же, как в оригинале, без перевода на современный календарь (большая часть – по хиджре, но без указания соответствующих литер «г. х.»).

Официальные документы Крымского ханства, ярлыки, фиксировались следующим образом: №748 (л. 34) – «Рукопись, документ: Сеадет-Герай хана, выдан Сейт Усейну в 1138 г.».

С №790 (л. 37) по №947 (л. 48) – запись учёта рукописных и печатных книг, поступивших из Зынджирлы медресе по акту № 11 от 26.12.1923 г. Запись содержит оригинальные наименования книг на арабском, персидском и староосманском языках. Пояснения написаны на крымско-татарском языке арабской графикой, нередко с указанием даты рукописи или издания, без русского перевода¹⁷. Например: №945 – Даляиль ал-хайрат (название книги), на арабском языке, печатная. №946 – Кысас анбия ва теварих хулафа (название книги). Автор Ахмед Чурас, на турецком, печатная, 1323 г.х., №947

– Мухтар ас-сыхах (название книги), на арабском, печатная, 1326 г.х.¹⁸.

С № 948 запись предметов велась на русском языке, как правило, с обязательным, но не всегда, пояснением на крымско-татарском (арабским шрифтом).

Надмогильные плиты и другие эпиграфические памятники фиксировались на крымско-татарском (арабский шрифт) языке с их подробным описанием, редко с переводом и пояснением на русском языке. В графе также помещался эпиграфический текст, аутентичный надписям на этих памятниках, но не во всех случаях¹⁹.

Графа «Откуда и когда поступили» использовалась не всегда. Впервые запись в ней появляется только с №119 («Башлык», первоначально ошибочно записано «Елек», затем зачёркнуто, с датой поступления – 4.08.1918 г.). Примечательно, что в данной книге зафиксированы предметы, датируемые 1903–1908 гг., по всей вероятности, это предметы из коллекции А.Г. Котова и Н.П. Кондакова, членов Императорской Археологической комиссии, занимавшейся реставрацией дворца. Именно эта коллекция, а также предметы, относящиеся к имуществу Ханского дворца в период Российской империи, составляли одну из частей начальной коллекции будущего музея²⁰.

Самая ранняя дата поступления предметов в Книге – 07.08.1917 г., (№539) ещё до официального учреждения музея 4(17) октября 1917 г. Данная запись выполнена другими чернилами и, по всей вероятности, была вписана в графу позднее, но почерк тот же.

Не все ед. хр. имеют дату поступления. Большая часть предметов с датировкой относится к 1923–1924 гг.

Запись музейных предметов не всегда последовательна в хронологическом порядке, по дате их поступления в фонды. Возможно, существовали более ранние, предварительные книги поступлений, из которых музейные предметы были переписаны в данную книгу в 1925 г.

К сожалению, акты приёма предметов в фонды Музея сохранились в небольшом коли-

честве. Наличие таких актов, с соответствующим номером, зафиксировано в Инвентарных книгах, в отдельной графе. Но не всегда запись поступлений музейных предметов сопровождалась указанием номера акта и данными, откуда и когда поступил предмет.

Возможно, те музейные предметы, на которые нет данных о поступлении в Музей, являются предметами из коллекции самого У.А. Боданинского или членов Бахчисарайского краеведческого кружка, так как первоначальная коллекция состояла именно из них²¹.

В графе «Примечание» указаны новые номера музейных предметов из последующих Инвентарных книг №4 и №5, со следующей надписью «см. нов. инв. №» или «см. фондов. инв. №» из книги №3. Таким образом, данные книги связаны между собой и есть возможность проследить изменение номеров ед. хр. во вновь созданных Инвентарных книгах.

В этой же графе фиксировался номер акта изъятия музейных предметов из фондов Музея при утрате, краже или передаче в другие музеи.

Самая поздняя дата поступления музейных предметов №1053 (л. 58) «Нож (пичак)», акт № 41-11 от 14.08.1924 г. Позднейшая запись – отметка акта передачи в «Центральный музей Крымской республики»²², датирована 21.06.1933 г. – №27 «Ясдык-чатма – подушка стенная» – 4 шт. (л. 1). То есть, данная книга использовалась как минимум до этого времени.

Книга №2 имеет надпись на лицевой стороне обложки «МУЗЕЙ II» на двух языках²³. Книга была прошнурована (сто девятнадцать листов), печать и шнуровка не сохранились, подписи и дата аналогичны Книге №1 – данная книга является её продолжением. Книга включала 120 листов (т.к. нумерация начинается со 2-го листа). В настоящее время в наличии 112 листов, утеряно 8: отсутствуют листы №6, 19, 20, 35, а также с №14 по №17 включительно. Лист №119 при реставрации по ошибке вклеен в начале книги. Запись предметов хранения – с инвентарного номера №1250 (VIII/14) по №2364

(II/543). Утеряны листы с инвентарными номерами с №1324 по №1334 включительно, с №1394 по №1433, а также с №1444 по №1463, всего 70 ед. хр.

Допущенная описка (после инвентарного номера №1809 следует №1909) скорректирована (исправлена) с №1812 на момент записи. Листы №48 – №50, с инвентарными номерами №1822 по №1842, перепутаны при реставрации в конце 1990-х гг. К сожалению, из-за небрежной реставрации книги были заклеены столбцы с данными о количестве ед. хр., выявить общее количество парных и идентичных предметов представляется возможным только с №1283.

Музейные предметы распределены по отделам: I – ткани, вышивки, ковры, платья (390 ед. хр.); II – утварь, мебель (206 ед. хр.); III – стекло, фарфор, изразцы, фаянс, глина, майолика (29 ед. хр.); IV – ювелирные украшения, драгметаллы и камни (55 ед. хр.); V – оружие (84 ед. хр.); VI – нумизматика (91 ед. хр.); VII – эпиграфика, рукописи, книги, манускрипты, миниатюра (3 ед. хр.); VIII – скульптура и живопись, фрагменты архитектуры (211 ед. хр.); IX – орудия народной техники²⁴ (34 ед. хр.). Всего – 1103. Самая ранняя дата поступления музейных предметов – 04.05.1924 г., поздняя – 14.09.1929 г. Музейные предметы с №1250 по №1488 и №1802 – №1841 записаны крымско-татарским языком (арабский шрифт) без перевода на русский. Далее запись велась на русском языке, в большей степени это описание предметов, крымско-татарские названия предметов приведены кириллицей и арабской графикой. Разделение на графы выполнено так же, как и в книге №1, но, в отличие от первой, записей в них больше, в частности, лучше заполнены столбцы, отражающие историю поступления музейного предмета (дата поступления; местность, откуда поступили предметы; имя владельца) и его стоимость. Так, в книге №1 не было ни одной записи, отражающей стоимость предметов. Известно, что в начальные годы существования Музея коллекция преимущественно пополнялась за счет дарений²⁵. В графе «Примечания» фиксиро-

вались новые инвентарные номера из последующих инвентарных книг: №3, №4 и №5. Таким образом, данные книги между собой взаимосвязаны, что делает возможным проследить изменение инвентарных номеров музейных предметов. В этой же графе зарисовывались (карандашом и чернилами) графические изображения музейных предметов.

Общее количество музейных предметов по книгам №1 и №2 (1924–1929 гг.) следующее: I – ткани (704 ед. хр.), II – дерево, металл (543 ед. хр.), III – стекло, глина, мрамор (102 ед. хр.), IV – ювелирные украшения, драгметаллы и камни (126 ед. хр.), V – оружие (194 ед. хр.), VI – монеты (162 ед. хр.), VII – книги (263 ед. хр.), VIII – детали архитектуры и надмогильные памятники (224 ед. хр.), IX – орудия народной техники (так в книге) – 34 ед. хр., X – другое. Итого: 2364.

Книга №3 имеет название «Инвентарная книга фонда Бахчисарайского музея»²⁶. На последнем листе следующая запись: «В сей книге пронумерованных и прошнурованных сто девяносто один (191) листов». Далее, другим почерком и чернилами, написано следующее: «...и скреплённых сургучной печатью РИКа». На печати надпись «Бахчисарайский исполнительный комитет», имеются подписи председателя райисполкома и секретаря без указания фамилий и даты, они идентичны подписям в книгах №3 и №4, из чего следует, что данная запись была добавлена в 1934 г., после увольнения У.А. Боданинского.

По наличию в данной книге предметов из книг №1 и №2 можно заключить, что она является более поздней и, вероятнее всего, была заведена в 1929 г. Самая поздняя дата поступления предметов – 29.08.1932 г. (№493, л. 58). В книге продолжена запись музейных предметов, поступивших по актам в 1925–1932 гг. Запись оканчивается на 116 листе (нумерация со 2-го листа). По какой причине были прерваны записи, установить не удалось. Всего зарегистрировано 1040 ед. хр. Две последние записи музейных предметов с инвентарными (порядковыми) номерами №1039 и №1040 вписаны по ошибке в

1936 г. Эти же предметы тем же почерком и чернилами отражены в книге №4 под №2634, 2635 (л. 178).

Разделение на графы выполнено таким же образом, как и в книгах №1 и №2. С листа №58 графа «№ отдела» заменяется графой «№ старых музейных инвентарных книг», куда с №495 по №1038 вносились музейные предметы из книг №1 и №2. Аналогично книгам №1 и №2 в отдельной графе указан новый номер из последующих книг №4 и №5. С №323 по №331 путаница в порядковых номерах: за №325 следует №328, а №326 и №327 следуют после №330. Дважды фиксируется №323, в результате все инвентарные номера сдвинулись. Таким образом, книга содержит не 1040, а 1041 инвентарный номер, фактически же количество ед. хр. больше, так как идентичным и парным предметам отдельно не присваивался инвентарный номер, но записывалось количество предметов в соответствующей графе.

Предметы записывались кириллицей, в том числе и крымско-татарские наименования, описание ед. хр. полностью на русском языке. Первоначально в данной книге музейным предметам присваивались инвентарные номера (они же порядковые) в зависимости от типа предмета или предметов, поступивших в музей в составе той или иной коллекции, но не всегда с соблюдением хронологической последовательности.

Первые 309 ед. хр. поступили из Центрального музея Тавриды от Главвыставкома Парижской выставки 25.04.1925 г. по акту №180. Предметы записаны группами по типу. Учётный номер акта – «180/1» переправлен на «180/72», так же, как и все остальные 308 номеров, таким образом, вместо последнего номера «309» имеется переправленная запись под номером «380». Это обусловлено тем, что данным предметам уже был присвоен инвентарный номер в предыдущей книге №2²⁷. Таким образом, ошибка была обнаружена на момент записи и исправлена. Затем следуют учётные номера ед. хр., поступивших из имущества темки²⁸ «Накшбенди», №311 – №330 от 07.05.1928 г. (по акту №181-6 – №181-24).

Примечательно, что с №326 по №365 (л. 38–45) следует запись поступления отдельных предметов, датируемая в хронологическом порядке 1928–1930 гг. Она чередуется с записью ед. хр., принятых с 1918 по 1926 гг. По всей вероятности, это предметы, которые не состояли ранее на учёте, так как в описи они не содержат старых номеров из предыдущих книг. Исходя из записи истории поступления данных предметов (наличие даты и имён владельцев), можно заключить, что предметы были поставлены на учёт согласно ранним актам поступлений, однако номер акта не всегда фиксировался. Всего из 1040 ед. хр. книга содержит 546 музейных предметов, вновь поступивших и ранее не учтённых в книгах №1 и №2.

Книга №4 имеет название «Инвентарная книга Государственного Бахчисарайского Дворца-музея часть 1-я с №1 по №1225-й включительно»²⁹. Пронумерована и прошнурована (249 листов), подписи и печать идентичны книге №3. Так же не содержит даты. По всей вероятности, книга заведена примерно в то же время, предположительно в 1929 г., так как самая поздняя дата поступления, встречающаяся в книге – 21.11.1929 г. (л. 209, №1003). Листы книги разделены на девять граф типографским способом: «инвентарный №», «№ акта и № по акту», «описание предмета», «количество», «откуда и когда предмет поступил», «шифр», «местонахождение», «перемещения», «примечания». В отличие от предыдущих, в данной книге нет классификации предметов по отделам. Инвентарные, они же порядковые, номера не содержат в себе номер отдела. Старые номера фиксировались в отдельной графе «шифр», они совпадают с инв. номерами из книг №1 и №2; номера с литерами «мф» – идентичны номерам из книги №3.

Таким образом, в данной книге зафиксированы музейные предметы из книг №1, 2, 3, но не в хронологическом порядке поступлений ед. хр. в фонды, а группами по типу и назначению (использования предметов в быту). Например: сельхозорудия и техника, а также различное оборудование для

ткачества и вышивки (станки) и т.п. (№1 – №20); ткани и вышивка, предметы костюма (№20 – №99); ювелирные изделия или изделия из золота и серебра (№105 – №180), монеты (№432 – №555), оружие (№566 – №661) и т.д. Следует отметить, что подобной классификации придерживались в записях только в начале и в конце книги, но не всегда. Часто порядок записи предметов и присваивания им инвентарных номеров были бессистемными.

Наименования музейных предметов записывались на крымско-татарском языке (кириллицей), описание предметов – на русском. Многочисленные пометки, выполненные карандашом (синим и красным цветом), относятся к сверкам музейного фонда в 1944–1945 гг., после освобождения Крыма от немецкой оккупации и ликвидации «Музея татарской культуры». Это подтверждается документами музея, в которых отражены результаты сверки после преобразования его в Бахчисарайский Дворец-музей³⁰.

Из документов 1945 г. следует, что отметка «Эт», часто встречающаяся в книге, обозначает предметы, перемещённые в «этнографический склад»³¹. Отметки «акт №1 1944», «акт №2», «1944» – утрата музейных предметов во время фашистской оккупации, а «1945» – предметы, найденные при сверке. Инвентарные номера без пометок, согласно акту №5 от 31 декабря 1945 г., – предметы, не обнаруженные при сверке в 1945 г., на которые не было обнаружено никаких актов утрат 1944–1945 гг.³².

Книга №5 имеет название «Инвентарная книга Государственного Бахчисарайского Дворца-музея часть 2-я с № 1226-го»³³. Книга пронумерована, прошнурована (200 листов), подписи и печать тождественны книге №4, и является её продолжением. Фактическое количество – 191 лист, нумерация со второго листа. Отсутствуют листы под №41 и №187 – №193, но инвентарные (порядковые) номера не прерываются (по всей вероятности, были заново переписаны), дважды повторяется инв. №1975. Последний учётный инв. номер – 2715, непосредственно книга содержит 1489 ед. хр. Не учтён книж-

ный фонд, который в 1929 г. был внесён в отдельные книги.

Разделение на графы и запись ед. хр. аналогичны книге №4, но к первой графе добавлен ещё столбец «порядковый номер» с №1641 (л. 68). Фиксировались все музейные предметы из книги №3, и в новом столбце записывался инв. номер по данной книге, а в графе «шифр» – номер акта. С №2062 (л. 110об.), через «слеш» в дополнение к «фондовому номеру» в этой же графе, стали записываться инвентарные номера из книг №1 и №2. Новые поступления музейных предметов начинаются с инв. №2606 (л. 171об.), не содержат старого номера, запись ед. хр. первоначально без даты и редко с указанием, от кого поступили (если указывается, то не в отдельной графе, а в графе описания предмета). Дата поступления впервые указана с №2631 (л. 177) – 9.13.1935 г., самая поздняя – 25.06.1937 г. (л. 200, №2713). Всего вновь поступивших предметов – 109 ед. хр. Новые поступления чередуются с записью поступлений 1929 г., а именно ковров из соборной мечети «Ханджами», которые, по всей вероятности, не были инвентаризированы в своё время.

В книгах №4 и №5 всем парным и идентичным предметам из прежних книг был присвоен отдельный инв. номер с литерой. Многочисленные пометки на листах синим и красным цветом, сделанные карандашом, аналогичны книге №4. Всего музейных предметов по двум книгам (№3, №4, 1929–1937 гг.) – 2715 ед. хр.

Таким образом, инвентарные книги Государственного Дворца-Музея тюрко-татарской культуры содержат ценный материал, необходимый для исследования истории формирования фондов Музея, а также для атрибуции музейных предметов «довоенного фонда» КРУ БИКЗ и придания им собственных оригинальных наименований. В книгах отражена история поступления музейных предметов, что очень важно для дальнейшего их изучения.

Две инвентарные книги основного фонда датированы 1925 г., в них зафиксировано 2634 ед. хр. «Инвентарная книга фонда

Бахчисарайского музея», как мы определили, была заведена в 1929 г. В ней сделана попытка классификации фондов и содержится запись музейных предметов из двух предыдущих книг, содержит она всего 1040 ед. хр., не окончена. По какой причине были прерваны записи, установить не удалось.

Следующие две книги основного фонда не имеют датировки и содержат 2715 ед. хр. В них не учтён книжный фонд, который был внесён в 1929 г. в отдельные инвентарные книги библиотеки Музея.

Исходя из записи в данных книгах, следует, что они были заведены в 1929 г. В них переписан основной фонд из предшествующих книг и продолжена запись поступлений музейных предметов в 1935 г. Самая поздняя запись от 25.06.1937 г. Здесь указаны также старые номера из предшествующих инвентарных книг. Таким образом, все довоенные инвентарные книги Музея взаимосвязаны.

Из документов музея 1944–1945 гг. известно о существовании ещё одной инвентарной книги основного фонда, включавшей учётные номера с №2716 по №2795 – всего 79 предметов³⁴. Поиски этой книги в фондах КРУ БИКЗ не дали пока положительного результата. Она считается утерянной.

В настоящее время большую часть экспонатов, представленных в экспозициях Музея истории и культуры крымских татар «Ханский дворец» КРУ БИКЗ, составляют предметы довоенного фонда. Основная их часть была сформирована Усеином Абдуретфиевичем Боданинским – основателем и первым директором Музея. Продолжительное время значительной проблемой являлась атрибуция довоенного фонда, так как после ликвидации музея крымских татар в 1944 г. весь музейный фонд (в подавляющем большинстве это предметы этнографии крымских татар) был занесён в новые книги поступлений под новыми номерами. На сегодняшний день старые номера довоенного фонда не отражены в существующих инвентарных книгах КРУ БИКЗ. Более того, предметы этнографии крымских татар были за-

писаны произвольно, – их оригинальные крымско-татарские названия заменены на русские и украинские, что абсолютно неоправданно, так как в ряде случаев аналогий крымско-татарским названиям на этих языках не существует. Это обстоятельство вносит путаницу и затрудняет научно-исследовательскую и экспозиционную работу в музее. Именно инвентарные книги Музея тюрко-татарской культуры помогут решить данную проблему.

Чтобы определить связь между старыми и новыми, современными номерами, необходимо было найти промежуточные инвентарные книги, где эти номера были бы отражены вместе. Такие книги были найдены – это инвентарные книги Бахчисарайского Дворца-музея, заведённые в 1945 г., где указаны старые и новые номера³⁵.

Благодаря использованию инвентарных книг стало возможным идентифицировать предметы довоенного фонда Музея тюрко-татарской культуры и вернуть им оригинальные крымско-татарские названия, а также выяснить их полную историю – «легенду».

Содержащаяся в книгах информация даёт полное представление о коллекции «Государственного Дворца и Музея татарской культуры в Бахчисарае» перед его ликвидацией в 1944 г. и позволит в дальнейшем исследовать историю формирования фондов Музея.

Следует отметить, что ошибки, описки и многочисленные исправления, содержащиеся в данных книгах, особенно в книгах 1920-х гг., были вызваны нехваткой специалистов на начальном этапе становления музейного дела в только что созданной автономной республике. Штат научных сотрудников в то время состоял всего из трёх человек, включая заведующего Музеем, более того, они не имели практики музейного дела. Многое приходилось делать самому У.А. Боданинскому, в том числе и составление инвентарных книг. Учитывая его большую загруженность, неудивительно, что он допускал некоторую оплошность в записях.

Примечания

¹ Эминов Р.Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. 2011. №2 (24). С. 48–64.

² «Хан-Сарай» – бывший ханский дворец в Бахчисарае, памятник архитектуры XVI–XVIII вв. Кроме дворца музей включал в себя ряд филиалов: Дом-музей Исмаила Гаспринского, «пещерные города» (Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Черкез-Кермен) и ряд памятников мусульманской культуры в Бахчисарайском р-не. Просуществовал до насильственного выселения крымских татар в 1944 г.

³ Козлов В.[Ф.] Музей директоры // Йылдыз. 1987. №4. С. 112–125. Козлов первым из исследователей обратился к этой теме, его статья в переводе на крымско-татарский язык вышла в журнале «Йылдыз» в 1987 г. в сокращённом варианте, машинописная рукопись неизданной оригинальной статьи находится в фондах КРУ БИКЗ.

⁴ Урсу Д.П. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918–1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический институт. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 4–27; Урсу Д.П. Очерки истории и культуры крымско-татарского народа (1921–1941). Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. С. 63–73; Урсу Д.П. Новые архивные материалы по истории востоковедения в Крыму // Востоковедный сборник / Таврический экологический институт. Симферополь, 2000. Вып. 4. С. 3–19.

⁵ Андросов С.А. Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 3/4. С.126–138.

⁶ Мусаева У.К. Исследования в области этнографии Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (1926–1930 гг.) // Учёные записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «История». 2002. Т. 15 (54). №1. С. 89–99; Мусаева У.К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 гг.: историографические очерки / Таврический нац. ун-т им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2004. 214 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения», вып. 2); Мусаева У.К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского. Симферополь: СГТ, 2007. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 9); Асанова У.К. Ство-

рення нових експозицій у кримських музеях (перша половина 20-х рр. ХХ століття) // *Краєзнавство*, 2011. №2. С. 198–207.

⁷ *Хлівнюк О.В.* Охорона і вивчення культурної спадщини кримських татар (20–30-і роки ХХ ст.) / О.В. Хлівнюк // *Праці Центру пам'яткознавства*: [зб. наук. праць] / НАН України; УТОПІК. Київ, 2006. №10. С. 82–93; *Хлівнюк А.В.* Неизвестные страницы памятнично-охранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х годов ХХ века: по материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга / А.В. Хлівнюк // *Историческое наследие Крыма*. 2007. №17. С. 9–29.

⁸ [*Абдульваап Н.Р.*] Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке: Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина / Сост., вступ. ст., комм. Н.Р. Абдульваапа. Симферополь: Доля, 2007. 160 с., ил.

⁹ *Непомнящий А.А.* «Ещё держится у нас старая культурность...»: новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И.Ю. Крачковским // *Историческое наследие Крыма*. 2007. №19. С.181–202; *Непомнящий А.А.* Академик И.Ю. Крачковский и крымские памятники истории и культуры: Страницы истории крымской ориенталистики // *Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини*: зб. наук. праць з мистецтвознавства, архітектурознавства, і культурології / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України.– Київ: Вид. дім А+С, 2009. Вип. 6. С. 201–244; *Непомнящий А.А.* Академік Г.Ю. Крачковський і кримські орієнталісти: За матеріалами епістолярію // *Східний світ*. 2008. №1. С. 194–209; №2. С. 148–157.

¹⁰ *Эминов Р.Р.* Указ. соч.

¹¹ Переименован недавно в Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

¹² Боданинский Усеин Абдурефиевич (1877–1938) – художник, историк, этнограф. Выдающийся крымско-татарский деятель науки и культуры, подвижник музейного дела в Крыму.

¹³ *Зарубин А.Г.* Из истории Бахчисарайского дворца-музея // *Проблемы истории и археологии Крыма* / Сб. науч. тр. / Бахчисарайский историко-культурный заповедник. Симферополь, 1994. С. 212–213.

¹⁴ *Андросов С.А.* Судьба культурного наследия Крыма на изломе исторической эпохи (1917–1920 гг.) // *Историческое наследие Крыма*. 2004. № 3/4. С. 136; *Эминов Р.Р.* Указ. соч. С. 53–54.

¹⁵ Указанные книги необходимо исследовать отдельно (Научный архив КРУ БИКЗ. Нв 10305, Нв 10307). Н.Р. Абдульваап использовал в своей работе только одну инвентарную книгу (Нв 10307). См.: [*Абдульваап Н.Р.*] Указ. соч. С. 47–48.

¹⁶ Научный архив КРУ БИКЗ (НА БИКЗ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1.

¹⁷ Перевод и пояснения И.В. Зайцева.

¹⁸ Транслитерация на кириллицу и пояснения И.В. Зайцева.

¹⁹ Перевод Ш.С. Сейтумерова.

²⁰ *Эминов Р.Р.* Указ. соч. С. 50.

²¹ Там же. С. 52.

²² Ныне – КРУ «Центральный музей Тавриды».

²³ НА БИКЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2.

²⁴ Так в книге.

²⁵ *Эминов Р.Р.* Указ. соч. С. 52.

²⁶ НА БИКЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3.

²⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 100–111.

²⁸ Текие, текке – мечеть, обитель дервишей (суфизм).

²⁹ НА БИКЗ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 4.

³⁰ Там же. Нв 11398. Дела музея за 1945–1953 гг.

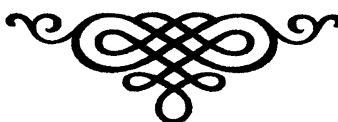
³¹ *Эминов Р.Р.* Указ. соч. С. 61.

³² НА БИКЗ. Нв 11398. Л. 12–18.

³³ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5.

³⁴ Там же. Нв 11398. Л. 78.

³⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 11.

М.М. Гибатдинов, Д.М. Усманова, Л.Р. Усманова

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА УРАЛО-АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ УНИВЕРСИТЕТА ПРЕФЕКТУРЫ СИМАНЭ (ЯПОНИЯ)

Данная статья посвящена итогам обследования фондов архива Хаттори Сиро, хранящегося в библиотеке университета префектуры Симанэ. Целью изучения указанного архива было выявления материалов, связанных с тюрко-татарской историей и татарской филологией. Обследование архива, предпринятое в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» (п. 1.9. «Документы по истории татар в архивохранилищах Европы и мира»), заняло несколько дней. В ходе этой работы авторы этих строк просмотрели более 200 различных изданий, имеющих отношение к татарской истории и литературе. Мы также составили черновой каталог этих изданий, сделали краткое библиографическое описание и определили научную ценность выявленных тюрко-татарских изданий, наметили некоторые перспективные исследовательские темы и направления, при изучении которых можно было бы привлечь выявленные материалы.

Прежде чем говорить собственно об итогах проделанной работы, следует сказать несколько слов о человеке, стоявшем у истоков данной богатой и разнообразной коллекции, а также об обстоятельствах, при которых происходило собирание книг и документов, легших в основу архива.

Профессор Хаттори Сиро (1908–1995), чей 100-летний юбилей широко отмечался в 2008 г., был признанным лингвистом и специалистом в области изучения урало-алтайских языков, автором ряда работ по проблемам лингвистики и тюркологии¹. Долгие годы он являлся почётным профессором Токийского университета, возглавлял Японское лингвистическое общество, оставил

ряд фундаментальных сочинений, в том числе по изучению старомонгольского языка.

Известно, что среди многочисленных языков, которыми владел проф. Хаттори Сиро, был и татарский. Интересно начало его соприкосновения с татарским языком и тюрко-татарским миром. Будущий признанный японский языковед закончил отделение лингвистики филологического факультета Токийского университета (1931), затем при финансовой помощи гранта «Японского общества поддержки науки» отправился в Манчжурию для совершенствования своих познаний в урало-алтайских языках. Там он выучил монгольский, бурятский и татарский языки, практиковался в русском и английском. Уроки татарского языка брал в Харбине у татарского поэта-эмигранта Хусаина Габдюшева². Некоторое время проживал в доме татарского купца-эмигранта Мухаммедшаха Агеева³ в Хайларе⁴, в семье которого и встретил свою будущую жену Магиду⁵. Это обстоятельство, помимо научных интересов, ещё больше сблизило учёного с татарским народом. Именно благодаря ей в семейном архиве сохранились многочисленные книги на татарском языке, в том числе изданные в эмигрантской среде, а также практически полный комплект газеты «Милли Байрак», издававшейся в 1936–1945 гг. в Мукдене родителями известного турецкого учёного татарского происхождения Надира Давлета⁶.

Конечно же, в личной библиотеке учёного были не только эмигрантские издания, но и сугубо научные сочинения, труды советских и европейских специалистов, а также литературные произведения на разных тюркских языках.

После смерти учёного его наследники – сын и две дочери – приняли решение пере-

дать богатый научный архив отца на хранение в университет префектуры Симанэ.

В последние годы особенно популярными становятся исследования архивных коллекций не просто как собрания отдельных документов, а как специфического интегрированного метаисточника, значение и ценность которого не ограничивается только суммой ценностей отдельных документов, которые он в себя включает. Подобные комплексные исследования архивов связаны не только с применением современных информационных технологий⁷ и применимы отнюдь не только к электронным архивам и ресурсам, но и к традиционным бумажным. Сегодня при изучении частных и личных архивов важно выявить не только то, что нам сообщают документы о той или иной исторической эпохе, событии и т.д.. Важно ещё и то, что эти документы могут нам сказать об их собирателе, владельце архива – о его внутреннем мире, мировоззрении, творческой лаборатории учёного, исследователя или писателя, которому принадлежал данный архив⁸. Такой подход к изучению архива в целом может помочь реконструировать ментальную картину его владельца⁹. Первоначальное обследование татарской части архива Хаттори Сиро – первый шаг в данном направлении.

В ходе обследования архива учёного, как уже отмечалось, мы выявили и просмотрели около 200 экземпляров книг, имеющих какое-либо отношение к тюрко-татарскому миру. Некоторые издания были отсеяны в ходе просмотра. Ряд произведений также встречался в дубликатах. В итоге этого «отсева» мы зафиксировали в списке 155 наименований, которые по ряду оснований привлекали наше внимание и могут стать основой для дальнейшего углублённого их исследования. Из этого числа мы выделили в отдельную группу периодические издания. Речь идёт лишь о монографиях, сборниках статей и оттиках отдельных статей.

Просмотренные издания были подвергнуты предварительной классификации по таким параметрам, как язык, место издания, издатель, жанр издания и содержание.

По языку и графике (алфавиту) среди обследованных книг преобладает татароязычная литература, издававшаяся на арабской графике. Таких книг выявлено не менее 55–60 наименований, что составляет треть изученной нами части коллекции. В основном речь идёт о дореволюционных и раннесоветских изданиях, вышедших в России и, прежде всего, в Казани. Также к этой группе причислены эмигрантские издания, т.е. литература, издававшаяся в основных эмигрантских центрах Дальнего Востока. Об этих изданиях будет сказано подробнее чуть ниже.

Другую группу, довольно многочисленную, составляют татароязычные издания, напечатанные латинской графикой или кириллицей. На латинице книги издавались в Татарстане в 1930-х гг., тогда как уже с 1940 г. вся тюркоязычная литература издавалась в Советском Союзе только с использованием кириллицы.

Третью группу составляет литература на турецком языке, изданная на латинице. В основном это научные статьи и монографии, изданные в Турции в 1950-х – 1970-х гг. Наше внимание привлекли труды, изданные на турецком языке представителями татарской эмиграции первой волны, которые сделали в Турции видную научную карьеру и внесли большой вклад в развитие мировой тюркологии (Ахмет-Заки Валиди (Валиди-Тоган)¹⁰, Агдес Нигмат-Курат¹¹, Рашит Рахмат-Арат¹², Саадат Чагатай¹³, Тахир Чагатай¹⁴ и др.).

Наконец, последняя группа – это русскоязычные издания, в основном научно-исследовательская литература, связанная с языкознанием, литературой, в меньшей степени – с историей татарского народа.

Среди издательских центров, где печаталась эта литература, первое место занимает Казань. Казанских изданий мы выявили 40 наименований. В основном это дореволюционные издания. Вероятнее всего, они оказались в коллекции благодаря супруге учёного Магире, так как могли быть вывезены её родственниками из России в период эмиграции на восток. Но, вполне возможно,

что некоторые из подобных изданий были приобретены в букинистическом (антикварном) магазине или куплены у других татарских эмигрантов самим Хаттори Сиро как результат его научного интереса¹⁵.

Вторую группу составляют книги, изданные в Турции, в Стамбуле (23) и Анкаре (21). В основном это научные труды – монографии или оттиски отдельных статей названных авторов. Среди них очень много книг и оттисков статей с дарственными надписями, что свидетельствует об интенсивном научном обмене между японским профессором и учёными Турции.

Третью группу составляют издания, вышедшие в эмигрантских типографиях Дальнего Востока и Японии: всего 34 издания, в том числе в Мукдене – 15, Токио – 15, Харбине – 2, Кобэ – 2. Речь идёт исключительно о книгах и брошюрах, которые были подготовлены и изданы татарами-эмигрантами. Эта часть коллекции Хаттори Сиро является наиболее важной и ценной с точки зрения тюрко-татарской истории, поскольку данные издания сохранились в единичных экземплярах и очень плохо представлены в других книгохранилищах и архивах.

Следовательно, эти уникальные издания имеют особое значение для изучения тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке. Вероятно, некоторые из указанных книг были приобретены его женой Магирой, другие – лично Хаттори Сиро. Например, в его коллекции есть две книги Хусаина Габдюшева, в доме которого он проживал некоторое время в период своей манчжурской командировки и у которого брал первые уроки татарского языка¹⁶.

Четвёртая группа представлена книгами на татарском языке, которые увидели свет в европейских типографиях, но являются эмигрантскими изданиями: Берлин – 5, Берлин/Лейпциг – 1, Хельсинки – 1, Лондон – 1. Берлинские издания – в основном произведения классика татарской литературы Гаяза Исхаки (№№ 33, 34, 35 и др.).

Некоторая часть европейских изданий (Будапешт – 3, Краков – 1) принадлежит к

числу научной литературы, имеющей отношение к тюркологии.

Научная литература по тюркологии и языкознанию, а также художественные произведения татарских и иных тюркоязычных авторов преобладают среди изданий, появившихся в Москве (не менее 16 наименований).

По жанрам и содержанию публикаций выделяются следующие группы изданий.

Научные издания по лингвистике, преимущественно по тюркской филологии и языкознанию, отражают сферу научных интересов учёного, его личные контакты и каналы, по которым происходил научный обмен и пр. В этом смысле интересны книги с дарственными надписями и автографы. Например, среди обследованных книг мы встретили автографы Ахмет-Заки Валиди, Агдеса Нимета Курата, Рашита Рахмат Арата, Тамурбека Давлетшина¹⁷ и других тюркологов татарского происхождения. В условиях, когда нормальное общение с советскими тюркологами было сильно ограничено из-за «железного занавеса», одним из основных центров мировой тюркологии являлись университеты и научно-исследовательские центры Турции.

Значительное место в библиотеке Хаттори Сиро занимали словари, которые выступали важным инструментом в его научной работе. Интересно, что среди татаро-русских и иных словарей встречаются очень интересные экземпляры дореволюционных изданий¹⁸.

Большую группу составляют книги, так или иначе связанные с педагогикой, школой, сферой образования (учебники, хрестоматии и пр.). Эти издания в основном эмигрантские, и они позволяют нам изучить уровень развития педагогической мысли в эмиграции, каналы и способы сохранения и воспроизводства дореволюционной исламской и татарской традиции в условиях вынужденной изолированности. Интерес для исследователей истории педагогической мысли татарского народа представляют не только имена татарских педагогов, активно работавших в эмиграции, но и содержание и

методика издававшихся здесь учебников и пособий, программы обучения школ. Перспективным представляется изучение той роли, которую система образования играла в сохранении национальной идентичности татар в эмиграции, каково было место школы в жизни татарской общины. Важным представляется изучить, каким образом авторы учебников видели образовательный идеал татар, как происходил отбор ключевых фактов, героев, иконических фигур – выдающихся личностей, персонифицирующих национальную историю и культуру татар.

Аналогичные функции выполняли и разнообразие религиозные издания, как дореволюционные (вывезенные из России бежавшими на Восток людьми), так и изданные в 1930-х годах. Причём среди последнего рода книг встречаются как оригинальные сочинения местных имамов (например, имама мечети в Кобе Мадьяра Шамгуни¹⁹, имама токийской общины Габдулхая Курбангалеева²⁰), так и эмигрантские переиздания видных теологов начала XX столетия – Ахмет-Хади Максуди²¹ и др.

Для татарской эмиграции было важным для сохранения национальной идентичности сохранить и распространить среди членов общины образцы татарской художественной литературы. Лучше всего в архиве Хаттори Сиро представлено творчество классиков татарской литературы Гаяза Исхаки и Габдуллы Тукая²². Это, с одной стороны, отражает вкусы и пристрастия основной их читательницы – Магиры Хаттори. С другой стороны, такое большое их количество (в сравнении с произведениями других авторов начала XX столетия) отражает в целом общие тенденции, характерные для эмиграции. Именно эти два автора были наиболее любимыми писателями татарской эмиграции в 1930-х – 1940-х гг. Книги с произведениями Габдуллы Тукая особенно интересны тем, что по ним видно, как Хаттори Сиро учился татарскому языку, так как содержат многочисленные пометки и записи.

Как особую группу можно выделить периодические издания на татарском языке. Среди них – газета «Милли байрак»²³, жур-

налы «Яңа милли юл» (два номера 5 и 6 за 1937 г.), «Яңа япон мөхбире» (номера 10 и 12 за 1933 г.), «Милли байрак» (номера 2–4 за 1954 г.) и др. Думается, что эти издания представляют собой лишь маленькую толику периодики на татарском языке, которая циркулировала в 1930-х – 1940-х гг. в эмигрантской среде и была в распоряжении семьи профессора Хаттори Сиро. Вероятно, многие экземпляры просто не уцелели, так как газеты и журналы хранятся хуже всего.

Предложение по дальнейшей работе:

1. начать каталогизацию архива Хаттори Сиро;
2. сделать полный список наименований книг, связанных с татарской (тюрко-татарской) историей, языком и литературой;
3. отсканировать наиболее ценные и уникальные эмигрантские издания (выпущенные типографиями в городах Мукден, Токио, Кобэ, Харбин).

Данная работа позволит собрать воедино сведения о тюрко-татарской части коллекции Хаттори Сиро. На основе этих сведений в дальнейшем можно будет провести более глубокий анализ отдельных групп изданий в зависимости от фокуса исследований и выявить наиболее перспективные исследовательские темы.

Примечания

¹ 日本語の系統 (岩波文庫) – 1999 (Хаттори Сиро, Генеалогия японского языка (нихонгоно кейто), Токио, Иванами: 1999.

² Габдюш (Габдуш) Хусайн Рахимджанович, тат. Хөсәен Габдүш (1901, Троицк – 1944, Харбин) – татарский писатель, журналист, театральный режиссёр, драматург, автор ряда сборников ностальгических рассказов и стихотворений, издававшихся в эмиграции в Харбине и Токио.

³ Мухаммедшах Агеев – имам мусульманской общины г. Хайлар в 1934 г. Член тюрко-татарского идель-уральского общества г. Хайлара с 1937 г., член правления тюрко-татарского идель-уральского общества г. Хайлара с 15 января 1940 г. Делегат первого и

второго конгрессов тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке 1935 и 1941 гг., член финансовой комиссии центрального комитета (Меркез) тюрко-татар Идель-Урала на Дальнем Востоке с 1941 г.

⁴ *Larisa Usmanova*, *The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia: Transformation of Consciousness: a Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s*. Tokyo, 2007. 367 p.; *Ali Merthan Dündar*, *Japonya'da Türk izleri: Bir kültürel mirası olarak Mançurya ve Japonya Türk-Tatar camileri*. Ankara: Vadi, 2008. 272 p.; *Ali Merthan Dundar*, *Nobuo Misawa*. Books in Tatar-Turkish printed by Tokyo'da Matbaa-i Islamiye (1930-38). Tokyo, 2010. 49 p.; *Akira Matsunaga*. *Ayaz İshaki vâ uzaq şârqdâki Tatar Türklâri* (Ayaz İshaki and Turk-Tatars of Far East). Baku. 2004. 104 p.; *Адумов Р.* Татаро-башкирская эмиграция в Японии. Н. Челны, 2003.

⁵ Магира Агеева (в замужестве Хаттори) – 1909, село Подгорный Шуструй Краснослободского района Пензенской губ. – 1999, Токио.

⁶ Давлет (Дәүләт) Надир (р. 15.07.1944, Мукден) – историк, автор трудов по истории и культуре тюркских народов, д.и.н., профессор, с 1949 в Турции, окончил Стамбульский университет (1971) и Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана (1974), преподавал в Мармарском, Колумбийском, Висконсинском университетах (1984–1997), директор Института тюркских исследований (1997–2001).

⁷ *Юмашева Ю.Ю.* Метаисточник: к вопросу о верифицируемости данных // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Вып. 6 / Уральский государственный ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. – С. 309-317. *Яник А.А.* Анализ современных тенденций в развитии цифровой инфраструктуры гуманитарных исследований за рубежом // NB: Экономика, тренды и управление. – № 04, 2014. – С. 114-139.

⁸ *Neal Lerner*. Archival research as Social Process. In: *Working in the Archives: Practical Research Methods for Rhetoric and Composition*. Alexis E. Ramsey, Wendy B. Sharer, Barbara L'Eplattenier, Lisa Mastrangelo Eds. SIU Press, 2009. P. 195-205; *Patrick Geary*. Medieval Archivists as Authors: Social Memory and Archival Memory. In: *Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory: Essays from the Sawyer Seminar*. Francis X. Blouin, William G. Rosenberg Eds. University of Michigan Press, 2007. P. 106-113; *Maryanne Dever*, *Ann Vickery*, *Sally Newman*. *The Intimate Archive:*

Journeys Through Private Papers. National Library of Australia, 2009. 198 p.

⁹ *Gerdien Jonker*, *Reconstructing the Berlin Mosque Library*. In: *Missionising Europe. The Ahmadiyya Quest for Adaptive Globalisation 1900–1965*. Leiden: EJ Brill, 2015.

¹⁰ Валиди Ахмет-Заки Ахметшахович (в Турции Заки Валиди-Тоган, Zeki Velidi Togan, 1890–1970) – политический деятель, публицист; историк, востоковед-тюрколог, доктор философии (1935), профессор Стамбульского (1939–1944, 1948–1970), Боннского (1935–1937), Гёттингенского (1938–1939) университетов, почётный доктор Манчестерского университета (1967), руководитель Института исламских исследований при Стамбульском университете (с 1953). Книги № 73, 119, 170, 261.

¹¹ Kurat Akdes Nimet (Nigmat), Нигматов Акдес Тагирович, (1903–1971) – историк, доктор философии (1933). С 1924 г. в эмиграции в Турции. Преподаватель Стамбульского университета (1933–1937), педагогического Института Гази (Анкара) с 1939 г., проф. (1944), декан факультета языка, истории и географии (1953–1955) – три книги, две без номера и под № 241.

¹² Арат Рашид (Абдурашит) Рахмати (Reshit Rahmeti Arat, Рахматуллин Габдерашид (1900–1964), тюрколог, д. филологии (1928), профессор (1933). В 1920 эмигрировал в Китай, с 1922 – в Германии, с 1933 – в Турции. С 1951 г. являлся директором Института тюркологии при Стамбульском университете, автор трудов по истории, языку и литературе тюркоязычных народов. Исследователь древнетюркского литературного памятника XI в. «Кутадгу билиг» Ю. Баласагуни. Один из основателей и редакторов «Энциклопедии ислама» (Стамбул, 1930-е гг.). В архиве Хаттори Сиро имеется не менее 8 книг и оттисков Рашида Рахмати-Арата – книги №№ 14, 43, 65, 67, 68, 70, 72 и одна без номера.

¹³ Чагатай Саадет, Saadet İshaki Çağatay (1907–1989) – тюрколог, доктор филологии (1933), дочь Гаяза Исхаки, супруга Тахира Чагатая, с 1922 г. в эмиграции в Германии, с 1939 г. в Турции, профессор Анкарского университета (с 1941), внесла большой вклад в развитие тюркологии в Турции. Книги №№ 74, 76, 77, 79, 80 по каталогу библиотеки.

¹⁴ Тахир Шакир (Чагатай) (1902–1984) – доктор социологии и экономики, зять Гаяза Исхаки, книги № 63, 171, 171-а, 2 книги без номера.

¹⁵ Например, книга «Алты бармак китабы» (Казань, 1902) ранее принадлежала Деушеву и

была куплена Хаттори Сиро в Хайларе в 1954 г. (книга отмечена в каталоге под № 359).

¹⁶ *Габдюш Хусаин*. Дүрт хикая. Токио: Токиода матбуга исламия, 1931 (№ 125, второй экземпляр № 135); *он же*: Татар шагыйләре: Габдулла Тукай (үлүменә 19 ел тулу уңае белән). Харбин, 1932 (№ 128).

¹⁷ Давлетшин Тамурбек Динмухамметович (1904–1983) – татарский историк, юрист, общественный деятель, один из идеологов послевоенной татарской эмиграции. Учился на юридическом факультете Казанского (1924–1926), Иркутского (1926–1928) и Московского (1928–1930) университетов, сотрудник (1932–1934), руководитель (1934–1938) НИИ экономики в Уфе, профессор гражданского права Казанского филиала Всесоюзного юридического института (1938–1941), научный сотрудник Института по изучению СССР (Мюнхен) (1951–1969).

¹⁸ Например, в коллекции Хаттори Сиро имеется ксерокопия Аинско-русского словаря М.М. Добротворского (Казань, 1875. Без каталожного номера); два издания Полного русско-татарского словаря, составленного Султаном Рахманкуловым и Абдрахманом Карамом в 1921 г. (без каталожного номера). Интересно, что один из этих словарей был куплен Хаттори Сиро в Харбине, в магазине Н.И. Вахрушева, торговавшего новыми и старыми, подержанными книгами. Адрес магазина: Харбин – Пристань, улица Диагональная, дом 17.

¹⁹ Книги № 116, 154 и 368 по каталогу.

²⁰ *Курбангалиев*, Фән тәжвид. Токио: Токиода матбугаи исламия, 1932. 28 б. (№ 130)

²¹ Книги № 26, 27, 28, 29 (все изданы в Мукдене в 1940–1942 гг.), № 106, 121, 124, 132 (изданы в Токио в 1930–1931 гг.). Все эти книги являлись своего рода краткими популярными пособиями по религиозной догматике и ритуалу – что такое *закят* и *хадж*, как совершать омовения и как следует молиться и пр.

²² Тукай Габдулла, Габдулла Мухамедгарифович Тукаев (1886–1913) – выдающийся татарский народный поэт, литературный критик, публицист, общественный деятель и переводчик, один из родоначальников новой татарской литературы.

²³ В архиве Хаттори Сиро сохранились примерно 325 из 400 номеров газеты, изданных в 1935–1945 гг., что составляет самую полную коллекцию этой газеты, сохранившуюся в библиотеках мира. Газета «Милли байрак» была осмотрена и изучена проф. Хисао Коматцу, а также Ларисой Усмановой (См.: *Larisa Usmanova. The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia*. Tokyo, 2007. P. 63-71).

Л.П. Черникова

ТЮРКО-ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

О монографии Ларисы Усмановой

В 2007 г. в токийском издательстве «Ракдаша» вышла книга Ларисы Усмановой «Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии. Трансформация сознания: исторический и социологический аспекты между 1898 и 1950 гг.»¹. Монография была призвана осветить историю существования небольшой тюрко-татарской диаспоры в Маньчжурии, представители которой жили во всех крупных городах расселения русской эмиграции в Китае, а позднее – в Японии и Корее.

Со временем татары в Китае стали заметной самобытной национальной колонией. Тюрко-татарская национальная община в Маньчжурии была основана в 1904 г., хотя первым поселенцем считается И.Х. Байчурин, приехавший с партией строителей КВЖД в 1898 г. В книге Л.Р. Усмановой заложен тезис о том, что татары оставили заметный след на Востоке, причём не только в Китае, но и в Японии. Татарские торговцы начала XX в. приезжали с товарами в Среднюю Азию, Синьцзян, Маньчжурию, а также в Японию и Корею, основывая крупные торговые дома.

В начале XX в. японское государство искало опору в новых религиях. «В 1909 г., – пишет Л. Усманова, – в Японию прибыл татарский политический деятель Габдурашид Ибрагимов, который предложил японцам принять ислам в качестве государственной религии, имея в виду политическое влияние этой религии в дальнейшем. Во-первых, он обнаружил сходство между исламом и японскими традициями. Считал, что если Япония примет ислам в качестве религии государственной, то огромное мусульманское население во всём мире сможет склониться на сторону этой восточной страны. Нельзя забывать, что в то время это население внутри России было настроено

весьма сепаратистски. Это был период колониализма, распада колониальных систем, который вызвал в движениях национальных российских меньшинств большой отклик. И когда Япония в 1905 г. выиграла войну с Россией, все настроения таких нерусских народов на территории Российской империи были сразу же направлены на изыскание возможности завоевания собственной автономии, поскольку налицо была продемонстрирована слабость центра государства. Таким образом, Япония была первой неевропейской страной в мире, которая смогла обратить внимание тюрко-татар как потенциальная страна-союзник. И деятельность Габдурашида Ибрагимова создала определённую базу для того, чтобы японцы узнали и приняли информацию о татарах как таковых»².

Интересна структура монографии. Она выстроена по классическому хронологическому принципу и одновременно использует излюбленный приём Восточной Азии: от крупного к частному, а не наоборот, как принято на Западе. Книга состоит из четырёх неравных частей-глав.

1-я часть (глава) посвящена определению национальной идентичности диаспоры между 1898 и 1950 гг. Автор приводит теоретические положения лидеров тюрко-татарской диаспоры в Северо-Восточной Азии, информацию о положении «русских» мусульман в панисламистских представлениях Габдурашида Ибрагимова (1898 г.) и представления «русских» мусульман об «алтайском братстве» и нациях Восточной Азии. Но главное – это анализ тюрко-татарского и японского национализма: исследование коллективной идентичности в 1933–1945 гг. (коллорабационизм татар в период государства Маньчжоу-Ди-Го), растерянности и пассивности диаспоры в 1945–1950-е гг. Таким

образом, первая часть охватывает все стороны идеологических представлений тюрко-татарской диаспоры первой половины XX в., подводит читателя к мысли об эволюции настроений тюрко-татар от сепаратистских устремлений в России к союзу с японцами в Маньчжурии и Японии.

2-я часть (глава) монографии рассматривает теоретические представления лидеров тюрко-татарской колонии, три точки зрения и различия между ними (антиколониальные идеалы Габдурашида Ибрагимова, идеологические представления Мухаммед-Габдулхая Курбангалиева и трансформация идеологии и взглядов Гаяза Исхаки).

«Тогда японцы поняли, – говорит автор, – что татар стоит привлечь на свою сторону, и стали помогать им. Татарская эмиграция была принята японской стороной, потому что в массе своей стояла на антисоветских позициях. В 1932 г. Япония вышла из системы Лиги Наций, чуть позже фактически был создан блок Токио – Берлин – Рим. То есть японцы дали карт-бланш всей татарской эмиграции: в то время вся татарская эмиграция, проживавшая в Манчжурии, около двух тысяч человек, устремилась в Японию, и эти люди стали проживать на её территории. Казанские татары построили первые мечети в Японии. Так, на токийской мечети, построенной в 1938 г., до сих пор имеется табличка “Возведена казанскими тюрками”»³.

Тюрко-татары, таким образом, постепенно укоренялись в Маньчжурии и Японии, проводили свои собственные регистрационные переписи для того, чтобы знать, сколько их проживает в Маньчжурии⁴. По утверждению Л. Усмановой, в Маньчжурии татар было около 10 тыс., а в Японии в разные периоды было до 2000 человек.

Третья часть (глава) монографии рассматривает организационную структуру тюрко-татарской диаспоры в Северо-Восточной Азии и отношения со страной пребывания. Здесь подробно говорится о трёх тюрко-татарских съездах на Дальнем Востоке. Со временем большим сообществом тюрко-татар в Китае и Японии заинтересовались лидеры тюрко-татар в Европе с тем,

чтобы можно было провести объединение всех татар мира. Одним из наиболее известных общественных деятелей был Аяз (Гаяз) Исхаки, прибывший из Германии в Японию (1933 г.), затем – в Харбин, а в 1935 г. он основал газету «Милли Байрак» («Национальный флаг») тюрко-татар на Дальнем Востоке (в г. Мукдене).

Действительно, газеты того времени писали: «Эти беженцы с момента прибытия [в Китай] и до сего дня принимались властями этих государств за белых русских, вследствие чего они испытывали большие неудобства и даже терпели лишения. Ныне г. Исхаки вошёл по этому поводу с представлением к ниппонским властям, в результате какового означенное непонимание раз и навсегда устранено, и в глазах властей эти беженцы стали почитаться теперь как подданные Турции. Гаяз Исхаки, кроме того, организует этих людей в культурные тюрко-татарские общества с целью вернуть им ещё раз свою родину. В Маньчжоу-Ди-Го проживает около 15000 турецких (тюркских. – Л.Ч.) подданных⁵, бежавших из Советской России, для организации каковых в упомянутые общества и собирается выехать в ближайшие дни из Токио в Маньчжоу-Ди-Го г. Исхаки. Объединив турецких (тюркских. – Л.Ч.) беженцев Дальнего Востока, г. Исхаки предполагает созвать, как только позволит обстановка, конгресс тюрко-татарских племён в Маньчжоу-Ди-Го или в Ниппон, вероятнее всего, в Токио»⁶.

О самом сепаратистском движении тюрко-татар Гаяз Исхаки говорил следующее: «Зарубежные мусульмане, беженцы из Волжско-татарского района и Сибири, закинутые беженской волной в Европу, давно уже объединены в общества, из которых составила организация, преследующая своей целью защиту и развитие тюрко-татарской культуры Идель-Урала на национальных и религиозных основах. Дальний Восток в этом отношении сильно отстал от Европы. Здесь такого объединения нет. Для создания его я в октябре прошлого года (1933. – Л.Ч.) и прибыл на Дальний Восток. Идея объединения нашла самую благоприятную почву

среди татар Идель-Урала (Волга-Урал) и уже 9 мая этого года в Кобэ состоялся съезд тюрко-татар, проживающих в Ниппон и Корее. Приняли участие в нём несколько десятков образовавшихся к тому времени обществ Идель-Уральского движения⁷. Гаяз Исхаки был избран пожизненным председателем Центрального комитета обществ тюрко-татарской культуры Идель-Урала в Японии и Корее.

«Корни этого движения, – писал Гаяз Исхаки, – лежат ещё в февральской революции. После февраля в Поволжье, как и в других частях России, образовались народные комитеты, которые выделили своих представителей, образовали народное представительство – нечто вроде парламента – от всех татар Поволжья и Сибири. В 1918 г. это представительство приняло участие в работах государственного совещания в Уфе. Национальным собранием тюрко-татар были разработаны два проекта задач, которые оно ставило перед собой.

Первым проектом являлось развитие тюрко-татарской культуры, под которым подразумевались школы, театр, отечественная литература и т.д. Были повсюду созданы губернские, уездные, волостные и деревенские организации, которые строили свою работу на культурно-национальных началах. Был даже создан свой фонд. Основной задачей, которую ставило перед собой национальное собрание тюрко-татарского Волжского района, было добиться от Всероссийского Учредительного собрания узаконения установившегося в этом районе положения.

Второй проект носил чисто государственный характер и ставил своей целью создание в районе Волга-Урал особого автономного государства с преимущественно тюрко-татарским населением. Большевики не дали осуществить эти проекты. Но, видя, что национальное движение в рядах тюрко-татар сильно, они создали ряд советских республик, таких, как Ногайская, Башкирская, Татарская и другие и ряд автономных областей. Многие из тюрко-татар сперва поверили в искренность советских намерений

и лишь позже поняли, что здесь кроется простая ловушка.

Зарубежное Идель-Уральское движение докатилось до Дальнего Востока, осуществляет лишь первый проект сохранения тюрко-татарской культуры Идель-Урала и учреждение национальных и религиозных канон в рядах зарубежных тюрко-татар, оставляя открытым вопросы второго проекта⁸.

Эти разговоры о возможном объединении всколыхнули тюрко-татарскую колонию, многие русские газеты писали об этих новостях: «К числу больших положительных явлений нашей жизни здесь нужно отнести закончившийся в Кобэ первый “курултай” – съезд тюрко-татар, проживающих в Ниппон. <...> На первом плане должно стоять единение среди нас самих. Путь к объединению с представителями другой национальности лежит через ликвидацию своих внутренних разногласий и “семейных” недоразумений. В этом отношении состоявшееся объединение тюрко-татар вокруг “курултая” – пример, достойный подражания»⁹. Конечно, необходим был лидер, «мотор» такого объединения, и Гаяз Исхаки сыграл такую роль в проведении трёх объединительных съездов тюрко-татар Дальнего Востока.

Повторим вслед за автором, что татарская эмиграция была принята японской стороной, т.к. в массе своей стояла на антисоветских позициях. К 1941 г. тюрко-татарская колония в Харбине насчитывала 500 членов. Управлялась она Правлением под председательством Х.И. Салеева, товарищем председателя был И.Ф. Килькеев, секретарём Ш.И. Байчурин, мулла – Хасбиулин. Колония содержала национальную школу «Гинаят», поддерживала культурно-просветительские, дамские и другие комитеты. В Харбине имелась Соборная мечеть (Пристань), мечеть для китайских мусульман (Фудзядзянь) и мечеть «Цзин-Ди-сы». Такие же тюрко-татарские общины существовали в Тяньцзине, Шанхае и других городах Китая¹⁰.

Отдельно в третьей части монографии рассматриваются отношения колонии с центральным исполнительным комитетом

(Меркесом) Идель-Урала тюрко-татар на Дальнем Востоке, роль газеты «Милли Байрак» в жизни тюрко-татар и объединительных процессах. Там же автор анализирует отношения общины с японской военной миссией в Маньчжурии, взаимоотношения с русской эмиграцией и японской организацией Кио-Ва-Кай, участие тюрко-татарской эмиграции в исламской политике Японии.

Наиболее насыщенной фактами о жизни тюрко-татарских эмигрантов оказалась четвертая часть работы. Она повествует о тюрко-татарских общинах в Северо-Восточной Азии: истории и характерных чертах этих сообществ, исследует, буквально препарирует социологическими методами жизнь и деятельность тюрко-татарских объединений. Отдельно здесь рассмотрены общины в Японии (в Кобе, на острове Кюсю, в Токио, Нагоя) и в Китае (Харбине, Мукдене, Синьцзине, Хайларе, Тяньцзинь, Шанхае), а также в Корее. В этой главе рассмотрены также малые группы и небольшие объединения в Северо-Восточной Азии. Интересным получилось сравнение и особенности, выявленные автором, между тюрко-татарской диаспорой и другими диаспоральными общинами в регионе. Все тексты сопровождаются и подтверждаются ценнейшим фактическим материалом – не только непосредственно выдержками из газеты «Милли Байрак», но и данными из архивов, монографий и исследований – японских, английских, российских учёных и исследователей. По словам автора, многие ссылки при подготовке к изданию пришлось убрать, так как рабочий вариант монографии «распухал» до размеров, которые не умещались в рамки требований к публикации.

В 2003 г. семья известного японского лингвиста Хаттори Сиро приняла решение передать ценнейшие материалы этого учёного в архив японского университета Симанэ. Архив составил из сохранившихся единственных в мире экземпляров почти всех номеров выходившей в Маньчжурии, в Мукдене, татарской газеты «Милли Байрак» (1935–1945). Исследователи татарской эмиграции в мире считали, что эта газета утраче-

на навсегда. Уникально то, что без малого все выпуски этой газеты оказались в Японии. Хаттори Сиро был женат на татарке Магире Аги из Пензы (поженились в 1936 г.), они познакомились в Маньчжурии, и он привез её в Японию. Женщина очень скучала по родителям, по привычному с детства образу жизни, и родители высылали ей все номера выходящих в Мукдене газет. Так в семье Хаттори Сиро постепенно отложился комплект маньчжурских номеров газеты «Милли Байрак». После смерти супруги он сохранил их как память о любимом человеке.

В 2003 г. Лариса Усманова, казанский стажёр из России, получила возможность исследовать эти материалы и посвятила годы изучению газеты, самостоятельно выучив арабскую графику. За эти годы она из стажёра превратилась во вдумчивого исследователя. На систематизацию, изучение и анализ материалов ушло несколько лет, и благодаря поддержке японского гранта удалось подготовить сделанные в ходе работы выводы к публикации. Работа была написана на английском языке, поскольку, будь она издана на японском, то осталась бы достоянием лишь японской научной аудитории, а тут она сразу получила мировую известность. Защита докторской диссертации по этой теме прошла блестяще на японском языке в сентябре 2006 г. (с получением международной степени доктора социологии – Ph.D.).

«Опыт татарской диаспоры показывает, – говорит Л. Усманова, – что можно сохранить свою идентичность. Уехав из России, затем из Маньчжурии, татары сохранили свой язык, свою религиозную принадлежность. Они не растворились в японской или китайской нации, хотя могли бы стать чисто японцами, чисто китайцами. Не растворились, сохранили и сохраняют до сих пор, при этом без привязки к территории: если нельзя было возвращаться в Россию (СССР), они, естественно, не вернулись, ушли в третьи страны»¹¹. Куда делись татарские эмигранты? Уехали в Турцию и в Австралию, частично – в США (Калифорния), единицы остались доживать свой век в Японии.

Значительным плюсом этой работы стал выпуск мультимедиадиска – приложения к книге (*The Turk-Tatar diaspora in Northeast Asia*), в который вошли документы, фотографии, сканированные страницы статей, различные события из жизни татарских общин Маньчжурии и Японии первой половины XX в. События того времени отразились в 238 фотографиях разной сохранности (есть очень неплохие кадры, однако сканы некоторых снимков совсем не читаемы, так как газета «Милли Байрак» сохранилась плохо). Жаль, что автору до сдачи книги в издательство не удалось сделать подписи под всеми фото (хотя бы на английском языке), а имеющийся список состоит из 20 наименований. Основные сканы сделаны с газеты «Милли Байрак». Сами фотографии представляют собой изображения мечетей (в Токио, в Нагойе, ряда служений), различных мусульманских школ, классов, портреты учителей и школьников, фото молодежных спектаклей и детских утренников, самого процесса обучения, много молодежи и детей. На этих фотографиях – много красивых мусульманских женщин, свадебных церемоний, невест и женихов.

В фотографиях отражены разнообразные страницы жизни татарской диаспоры – от рождений детей, политической, общественной, культурной жизни диаспоры до смертей и некрологов.

Много здесь также фотографий различного рода собраний, совместных молений, съездов и общественных сборов, и каждый раз мы видим изображение флага «Идель-Урала» (как оказалось, голубого цвета, с особым знаком, что и воспроизвела Лариса Усманова на обложке своего труда). Эти иллюстрации становятся неплохим подспорьем при ознакомлении с большим текстовым материалом, с документами и газетными заметками, которые неспешно разворачивают перед читателем страницы жизни и борьбы небольшой татарской диаспоры на таком далёком Дальнем Востоке.

Итак, благодаря стечению обстоятельств, таланту и колоссальной сосредоточенности на поставленной задаче наука по-

лучила чрезвычайно ценный продукт, который необходимо перевести на русский язык.

Сейчас перед автором стоит грандиозная задача издать книгу в России: для этого необходимо сделать адекватный перевод, снабдить книгу комментариями и сканами документов из архивов, сделать расширенную и улучшенную редакцию первого издания книги. Несмотря на почти 25-летие новой России, россияне не научились пока массово владеть английским, а потому выход монографии Ларисы Усмановой не стал открытием для исследователей нашей страны. Отдача от столь мощного проекта, осуществлённого японской стороной, у нас в стране оказалась несоразмерно малой (и даже в Татарстане не получила заслуженно высокой оценки – так, поудивлялись чиновники, показали свою растерянность преподаватели, восхитились некоторые учёные – и всё успокоилось). Необходимо издание книги на русском языке! А для этого нужны средства и время, так как автор не хотел бы передавать работу над переводом другим людям, хотел бы осуществить авторский перевод. Не могу не выразить здесь свою досаду: прошло уже 8 лет, и не ясно, что будет с этим желанием в дальнейшем. А книга-то – нужная, ценная, открывающая новые данные по изучению российской национальной эмиграции на Востоке!

Параллельно с проделанной вышеописанной работой несомненной удачей можно назвать выпуск другого мультимедиадиска, отличного от приложенного к монографии Ларисы Усмановой. В этом отдельно выпущенном мультимедиадиске под названием “DVD Photography Collection of Milli Bayrak (Mukden, 1935–1945). Ver. 1” содержатся сканы всех фото, документов коллекции газеты «Милли Байрак» (Мукден, 1935–1945), куда вошли ещё 188 фотографий (изображения тюрко-татарских деятелей – лидеров и культурно-просветительских активистов, мечетей и муфтиев, самой паствы, различных собраний и праздников, японских государственных и административных чинов, школ и лучших учеников, спортивных состязаний, учителей и тренеров, женских ак-

тивисток и детских праздников, молодёжных занятий и спектаклей, библиотек и т.д. и т.п.).

Все эти документы были отобраны, скомпонованы и опубликованы тремя редакторами: профессором Акира Узуки (prof. Akira Usuki, Japan Women's University, Tokyo), доцентом Нобуо Мисава (Associate Prof. Nobuo Misawa, Tokyo University, Tokyo) и доктором социологии Ларисой Усмановой (The Graduate School of the North East Asian Studies, University of Shimane, Shimane). Диск был выпущен в Японии в 2008 г. Сделано это было в университете Симанэ по названному гранту силами учёных (главным образом – Ларисы Усмановой) и сотрудников библиотеки и архива.

В приложенной к диску небольшой брошюре сказано, что данный проект был задуман и осуществлён в 2005 г. под названием «Создание базы данных по японско-исламским отношениям: сравнение Средне-Восточных и исламских исследований в Японии до и после Второй мировой войны» с получением гранта от японского Общества для продвижения науки (проект под руководством Акира Усуки № 17201050). Данный диск стал результатом деятельности учёных – участников проекта. Конечно, это крупный проект XXI века, поскольку при создании диска были применены все новейшие достижения научной архивной мысли: сканирование, классифицирование, каталогизация, создание универсальных именных указателей, проведён анализ и применён табличный метод сопровождения баз данных.

Проделанная работа содействовала укреплению российско-японского научно-образовательного сотрудничества, задумавшего и развившего столь серьёзный совместный проект. Одновременно хотелось бы подчеркнуть, что нельзя заикливаться лишь на «татарском поле» изучения истории тюрко-татар, это не региональное, а глобальное явление, охватывающее многие стороны российской, китайской, японской жизни и истории. Поэтому данное направление деятельности должно и будет развиваться

дальше, радуя научную общественность новыми открытиями и материалами.

Примечания

¹ *Usmanova, Larisa. The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s. Tokyo: Rakudasha, 2007. 367 p.*

² Л.Р. Усманова о тюрко-татарах в Маньчжурии и Японии. Интервью Бим-радио. Режим доступа <http://www.bimru.ru/article/1084/14/свободный>.

³ Там же.

⁴ Мусульманская страница. Перепись тюрко-татар в Харбине // Харбинское время. 1934. № 184 (957) (13 июля). С. 6. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 1006. Оп. 1. П. 3. Д. 27. 1934 г. (без нумерации листов).

⁵ Эти цифры, конечно, требуют уточнения: включены ли сюда собственно турецкие подданные, или только тюрко-татары.

⁶ Тюрко-татарский лидер на пути в Маньчжоу-Ди-Го. АВПРФ. Ф. 1006. Оп. 1. П. 3. Д. 27. 1934 г. (без нумерации листов).

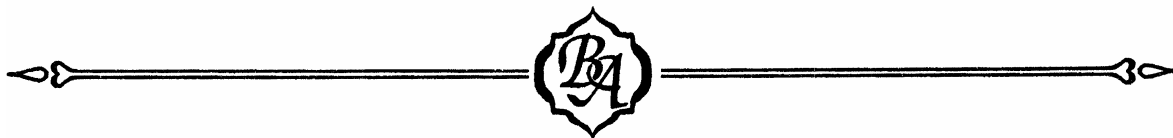
⁷ Прибыл лидер тюрко-татарского объединения. Аяз Исхаки о своих задачах // Заря. 1934. 23 августа. С. 6; АВПРФ. Ф. 1006. Оп. 1. П. 3. Д. 27. 1934 г. (без нумерации листов).

⁸ Там же.

⁹ Абдюш, Хусейн. Пути к объединению // Харбинское время. 1937. 13 июля. С. 5; АВПРФ. Ф. 1006. Оп. 1. П. 3. Д. 27. 1934 г. (без нумерации листов).

¹⁰ Источники: Тюрко-татарская община // Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею / Изд. М.Н. Гордеев. Харбин, 1942. С. 316–318; *Савский Г.* Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // Рубеж. 1941. № 40/13 (4 октября). С. 12–14; Мусульманская община (в Тяньцзине) // На пути к Родине. 1939. № 1. Цит. по: *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 279–280.

¹¹ Л.Р. Усманова о тюрко-татарах в Маньчжурии и Японии. Интервью Бим-радио. Режим доступа <http://www.bimru.ru/article/1084/14/свободный>.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru, сайт www.belyakovv.com

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ГИБАТДИНОВ Марат Мингалиевич – кандидат педагогических наук, руководитель Центра истории и теории национального образования им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. E-mail: marmingi@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ilyaagust@yandex.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КАЗДАГЛИ Нежмеддин – кандидат исторических наук, доцент Университета Картаж, Тунис. E-mail: kaz.nejme@hotmail.fr

КОНЧАК Изабела – доктор исторических наук, профессор Лодзинского университета, Польша. E-mail: izakonczak@gmail.com

КРЫЛОВА Наталья Леонидовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: krylovanl@yandex.ru

ЛЕЩЕНКО Нелли Фёдоровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tokhis@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

СЕМЕНЧЕНКО Нина Абрамовна – научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: semnina2008@yandex.ru

УСМАНОВА Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета. E-mail: dusmanova2000@mail.ru

УСМАНОВА Лариса Рафаэлевна – доктор социологии (PhD, Япония), доцент УНЦ «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: ousmanoval@gmail.com

ЧЕРНИКОВА Лариса Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: larisa-che@mail.ru

ШМИДТ Валдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

ЭМИНОВ Рустем Русланович – заведующий отделом специальных проектов фонда «Связь эпох», Москва. E-mail: rustem.eminov@gmail.com